

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

3 2026
ЧАСТЬ V

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 3 (606) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Джеймс Уатт* (1736–1819), шотландский инженер, изобретатель-механик.

Будущий изобретатель Джеймс Уатт родился в Гринке (Шотландия). Его отец был весьма разносторонним человеком: строил корабли, держал склад корабельных принадлежностей, вел морскую торговлю, сам создавал и чинил различные приборы и механизмы. Мать происходила из богатого рода и получила очень хорошее образование. С самого рождения Джеймс имел слабое здоровье. В семье было принято решение, что ребенок будет обучаться на дому. Мать сама занималась с сыном правописанием, а отец учил мальчика математике.

Немного повзрослев, мальчик увлекся астрономией; кроме того, его заинтересовали и химические опыты. Кроме того, отец научил Джеймса разбираться в различных приборах и механизмах. В подарок от отца он получил столярные инструменты и изготавливал модели механизмов и устройств, создаваемых отцом. Вскоре юноша поступил в гимназию.

Когда Джеймсу исполнилось восемнадцать лет, умерла его мать. Ее смерть подкосила и здоровье отца. Бизнес пошатнулся. И юный Уатт решил попытаться зарабатывать на жизнь самостоятельно. Начав с изготовления обычных линейек и циркулей, он перешел к более сложным инструментам. Скоро он мог изготовить квадрант, пропорциональный циркуль, теодолит. Но обучиться этому делу в Шотландии было негде, и Джеймсу пришлось отправиться на обучение в Лондон.

Устроиться официально ему не хватило финансов, и он договорился об обучении у мастера Моргана. Средств хватило на оплату только одного года. Вскоре молодой человек вернулся в Шотландию. Джеймс Уатт поселился у своего дяди в Глазго и решил открыть свое дело. Он начал ремонтировать телескопы, октанты, барометры. Но союз ремесленников заставил его прекратить работу, так как, по сути, у него не было должного образования. По счастливому случаю Уатта пригласили в университет Глазго для ремонта и настройки астрономических инструментов будущей обсерватории. Позже его назначили мастером научных инструментов при университете.

В 1759 году архитектор и бизнесмен Джон Крейг пригласил Джеймса стать его партнером. Совместно они организовали производство по изготовлению разных устройств и механизмов. Их совместная работа принесла Уатту полное избавление от нужды.

Джон Робинсон, давний приятель Джеймса Уатта, заинтриговал его как-то вопросом об использовании пара в качестве двигательной энергии. Созданная пятьдесят лет назад паровая машина Ньюкомена использовалась только для откачки воды из шахт. За все время ее существования никто не пытался ее как-то усовершенствовать. И Джеймс начал исследование парового двигателя с нуля.

Его первые попытки создания новой паровой машины потерпели неудачу, но в 1763 году по просьбе про-

фессора из университета Уатт отремонтировал действующую паровую машину Ньюкомена и при этом внес в конструкцию много усовершенствований. Первую свою идею — изолированную камеру для конденсата — он запатентовал в 1769 году, но создать полноценную машину не смог. Нужны были деньги. Позже с этим ему помогли Джон Роубак, основатель Carron Company, и Джозеф Блэк. Но попытки Уатта поставить свои изобретения на коммерческую основу не имели успеха до тех пор, пока он не вступил в деловые отношения с предпринимателем Мэттью Болтоном. Совместная компания Boulton and Watt успешно действовала на протяжении двадцати пяти лет, в результате чего Уатт стал весьма состоятельным человеком.

Усовершенствованная машина Уатта стала особенно востребована на пивоварнях и горнодобывающих предприятиях. Именно тогда и появилось понятие «лошадиная сила», так как до появления этого механизма воду накачивали с помощью лошадей. Для точности эксперимента на одном пивоваренном заводе хозяин в течение рабочей смены использовал одну самую выносливую лошадь. Джеймс выяснил, что она за час перегнала 75 кг воды. Это и стало единицей измерения мощности — лошадиная сила равняется 75 килограмм-силам на метр в секунду (кгс·м/с), то есть это мощность, которая требуется, чтобы равномерно вертикально поднимать груз массой 75 кг со скоростью 1 м/с при стандартном ускорении свободного падения.

В конце XVIII века разработанный Уаттом двигатель был признан поистине неоценимым вкладом в развитие промышленности и прогресс. По аналогии с двигателем Уатт создал копировальный пресс, который он запатентовал в 1780 году. А после выхода на пенсию он создал еще и эйдограф — прибор для «клонирования» скульптур, медальонов, сосудов и прочих предметов искусства.

За несколько лет до смерти английское правительство решило удостоить Уатта за заслуги перед родиной баронского титула, однако он отклонил это предложение.

Изобретатель скончался 25 августа 1819 года на 84-м году жизни. Джеймс Уатт захоронен на кладбище возле церкви Святой Марии в Хэндсворте. На сегодняшний день церковь расширили, и захоронение находится под ее сводами.

Память Джеймса Уатта увековечена памятником в Вестминстерском аббатстве. Великий изобретатель изображен сидящим с бумагой и пером в руках. Имя Уатта носит колледж в Гринке и мемориальная библиотека, основанию которой он способствовал. В 1935 году Международный астрономический союз присвоил имя Уатта кратеру на видимой стороне Луны.

В 2009 году Банк Англии выпустил банкноту в 50 фунтов с изображением Уатта и Болтона.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Айвазян А. А.

Сравнительный анализ института возмещения потерь без нарушения договорных обязательств в российском и англо-американском правовых порядках 277

Анциферова Е. В.

Актуальные вопросы разграничения идеологической приверженности и участия в деятельности экстремистской организации АУЕ..... 279

Баранова А. М.

Криминологическая характеристика и предупреждение вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность 282

Бекмурзаева Б. К.

К вопросу об эволюции представлений о содержании функций права 284

Бекмурзаева Б. К.

К вопросу о классификации функций права в современной юридической науке 285

Белоножкина Е. Р.

Проблемы защиты прав и законных интересов ребенка при ограничении или лишении родителей их прав 287

Беспавлова Ю. В.

Понятие и признаки конституционной обязанности как вида юридической обязанности 289

Богданов В. Н.

Добровольное имущественное страхование: правовая сущность и проблемы защиты прав страхователей 291

Бородин П. Д.

Нравственные основы уголовного судопроизводства: взаимодействие права, морали и криминалистики 295

Буркот А. Б.

Непоименованные способы защиты гражданских прав: теоретико-правовой анализ..... 301

Буркот А. Б.

Актуальные проблемы применения виндикационного иска..... 302

Васин С. В.

Понятие государственной гражданской службы в Российской Федерации 304

Воробьева М. Д.

Вопросы совершенствования правоотношений по распространению органами власти информации в социальных сетях 305

Воробьева М. Д.

Правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления в социальных сетях 308

Гаджиева З. А.

Введение налога на бездетность в России: неизбежность или необходимость?..... 313

Грибанова С. А.

Правовое значение международных стандартов ISO в системе экологического права и механизме перехода к зеленой экономике..... 315

Гусаков К. В.

Правовое регулирование административных правонарушений в сфере потребления алкогольной продукции 317

Егорова И. С.

Актуальные проблемы применения исковой давности: анализ типичных ошибок и противоречий 318

Иванова Е. В.

Проблемы учета смягчающих обстоятельств при назначении наказания 321

Иванова Е. В.

Учет смягчающих обстоятельств: трудности при назначении наказания 323

Ильенко Д. И.

Нюрнбергский трибунал и его роль в формировании состава международных преступлений 325

Колосова Е. С.

Особенности уголовной ответственности
несовершеннолетних..... 327

Корнилова В. В.

Взаимодействие нотариальных,
правоохранительных и судебных органов
при совершении отдельных нотариальных
действий..... 328

Косарева А. С.

О роли прокурора в защите публичных
интересов в сфере использования особо
охраняемых природных территорий 330

Крижановский А. Б.

Специальные договорные конструкции
в российском гражданском праве: проблемы
квалификации и применения..... 333

Логинова М. В.

Проблемы правового взаимодействия
земельного участка и расположенных на нем
объектов недвижимости..... 335

Логинова М. В.

Защита прав собственников земельных
участков и объектов недвижимости:
гражданско-правовые механизмы и судебная
практика 2024–2025 гг. 337

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Сравнительный анализ института возмещения потерь без нарушения договорных обязательств в российском и англо-американском правовых порядках

Айвазян Артем Арамович, студент магистратуры
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В 2015 году в Гражданский кодекс РФ был введен институт английского правового порядка, именуемый индемнити. Индемнити представляет собой гарантию продавца покупателю возместить причиненные ему убытки в случае наступления для него неблагоприятных последствий, не вызванных нарушением договора.

В доктрине встречаются различные варианты систематизации условий об индемнити. Так, например, выделяют следующие формы: 1) Indemnification in Contracts (прямо выраженное обязательство возмещения); 2) Indemnity Provision or Clause (в случае отсутствия в договоре пункта о возмещении, может заключаться дополнительное соглашение или подразумеваться обязательство); 3) Non-contractual indemnity (внедоговорное обязательство). По мнению Майкла Дэниэлса, существуют два способа использования перечисленных форм индемнити: 1) компенсирование понесенных потерь; 2) cross-complaint (потери de facto не понесены, однако стали обязательными de jure [1]. К возмещению потерь также приводят различные события, которые делятся на те, что связаны с нарушением обязательств, вытекающих из договора, и на те, которые с нарушением договора не связаны. Подобную классификацию можно встретить в научном труде Чарльза Фокса [2]. Так, если в результате нарушения Продавцом любых обязательств, вытекающих из договора или соглашения, Покупатель понесет потери, то Продавец обязуется их возместить (indemnity) и предотвратить последствия (hold harmless).

Зачастую индемнити представляют как гарантию или заверение, поскольку его использование связано с наличием известного или потенциального риска, либо иного обстоятельства, возникающего у стороны, обязанной нести возмещения потерь. Подобное представление можно встретить в отношениях: купли-продажи бизнеса с должной добросовестностью (Due Diligence¹); с правами

третьих лиц в отношении акций; с долгами по налоговым платежам и в иных.

Институт индемнити в российском варианте сводится к статье 406.1 ГК [3], именуемой «возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств». Так, стороны могут предусмотреть в соглашении обязанность продавца возместить убытки покупателю вследствие наступления заранее определенных обстоятельств, не связанных с нарушением обязательств по договору. К таким обстоятельствам могут относиться: наличие требований к предмету соглашения со стороны третьих лиц или государственных органов власти, невозможность исполнения ввиду непредвиденных причин.

Соглашением сторон, выраженным ясно и недвусмысленно, должен быть определен размер возмещения таких потерь или порядок его определения. Стороны вправе установить частичный или полный порядок возмещения потерь (ст. п. 1 406 ГК). При этом такое соглашение может быть заключено исключительно между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, и физическими лицами, приобретающими доли и акции хозяйственных обществ. Права по этим соглашениям могут переходить к иным лицам в рамках правопреемства. (п. 16 Постановления Пленума ВС РФ № 7)

Верховный суд указывает, что соглашением сторон может быть прямо установлена обязанность одной из них возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных обстоятельств, каким-либо образом связанных с исполнением, изменением или прекращением обязательства либо его предметом, и не являющихся нарушением обязательства. (п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 7) Отличительной особенностью ст. 406.1 от ст. ст. 393, 15 ГК является наступление ответственности вне зависимости от неиспол-

¹ Due diligence (должная добросовестность) — процедура, при которой происходит формирование представления об объекте инвестирования. В данные представления входят: оценка инвестиционных рисков, оценка самого объекта инвестирования, изучение деятельности компании и иные. Проводится обычно перед началом покупки бизнеса, осуществлением сделки по слиянию (присоединению), подписанием контракта или сотрудничеством с этой компанией.

нения или ненадлежащего исполнения стороной и независимо от причинной связи между поведением этой стороны и подлежащими возмещению потерями. Таким образом, вина не является обязательным обстоятельством применения indemnity. По смыслу ст. 406.1 ГК РФ, возмещение потерь допускается, если будет доказано, что они уже понесены или с неизбежностью будут понесены в будущем. При этом сторона, требующая выплаты соответствующего возмещения, должна доказать наличие причинной связи между наступлением соответствующего обстоятельства и ее потерями — указывает Пленум ВС РФ № 7 [4].

У института indemnity есть ряд особенностей. Во-первых, исходя из того, что институт indemnity применяется в отношениях между профессиональными субъектами, законодатель не позволяет суду снизить размер возмещения потерь. Такая норма включена, поскольку само возмещение потерь, в случае наступления определенных обстоятельств, не носит нарушения договорных обязательств стороны, как это изложено в ст. 333 ГК. Однако суд правомочен снизить размер возмещения потерь, в случае недобросовестного поведения стороны, когда она умышленно содействовала увеличению размера потерь.

Во-вторых, отличительной особенностью данной конструкции является возмещение потерь независимо от признания договора незаключенным или недействительным, если только это не оговорено соглашением. Таким образом, законодатель в какой-то мере нарушает общие положения о признании сделок незаключенными, ведь незаключенный договор не порождает последствий, на которые был направлен, и не может порождать последствий (п. 3 ст. 406 ГК). Заключенность и действительность соглашения о возмещении потерь подлежат оценке судом независимо от заключенности и действительности основного договора, и в том случае если оно содержится в виде оговорки. (п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 7)

В-третьих, в силу п. 4 ст. 406 ГК, если по вине третьего лица возникли убытки, сторона, возместившая потери, получает право требовать в регрессном порядке возмещения убытков, что также является отражением общих положений с 1081 ГК. Однако Верховный суд указывает, что соглашение о возмещении потерь, заключенное в соответствии со статьей 406.1 ГК РФ, не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон, а потому, если размер осуществленного возмещения потерь превышает размер убытков, которые подлежат возмещению третьим лицом по правилам статьи 15 ГК РФ, статей 393 или 1064 ГК РФ, соответствующая разница не подлежит взысканию с такого третьего лица (пункт 3 статьи 308 ГК РФ). (п. 18 Постановления Пленума ВС РФ № 7).

В рамках дела о взыскании убытков в размере уплаченного штрафа за сверхнормативный простой вагонов, Арбитражным судом Западно-Сибирского округа установлено, что поставщиком в адрес покупателя осуществлялись поставки грузов железнодорожным транспортом. Как указал суд, безусловной обязанности по возмещению любых претензионных требований контрагентов истца, лишаящих ответчика права на заявление возражений об отсутствии противоправности в своих действиях, условия договора поставки не содержат, судами указанные обстоятельства не установлены. Из указанного следует, что размер имущественных требований истца при взыскании убытков, в связи с допущенным ответчиком правонарушением, ограничен суммой предъявленных истцу его контрагентами имущественных претензий за эти правонарушения, однако ответчик при этом вправе оспаривать как сам факт правонарушения, так и отдельные его элементы, в связи с чем выводы судов о взыскании убытков в меньшем размере соответствуют нормам материального права [5].

В рамках дела о взыскании задолженности по договору перевозки груза, перевозчиком заявлено требование об оплате заказчиком перевозки груза, а заказчиком — встречное требование о возмещении имущественных потерь по договору перевозки груза. Судом округа установлено, в части встречных исковых требований, руководствуясь статьями 309, 310, 406.1 ГК РФ, принимая во внимание условия Дополнительного соглашения о налоговой оговорке от 10.01.2019 к Договору перевозки, исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства и установив факт наличия имущественных потерь ООО «КРЦ «ЭФКО-Каскад» в размере 2 821 746,99 руб. 99, наличие оснований для удовлетворения встречных исковых требований [6].

В завершении, важно понимать, что существуют отличия понятийного аппарата в российском и английском праве, влияющие на формирование процедуры взыскания убытков. Например, consequential damages не отражены в российском праве в связи с тем, что понятие «Damages» включает в себя не только имущественный вред. Так, в английском праве можно встретить применение indemnity в специализированных сферах: страховое право, трудовое (в области возмещения работником вреда), исполнение поручений. В российском же праве перечисленные области обходятся без использования условия об indemnity. Истоком разграничения является отличное друг от друга развитие английского и российского гражданского права. Именно поэтому было бы неправильно взять все условия об indemnity, их содержание и перенести в наше право, иначе бы появились бы коллизии.

Литература:

1. Daniels M. Substantive and Procedural Aspects of Indemnity Practice: A Practical View for California Lawyers // Stanford Law Review. 1974. Vol. 26. N 3. P. 577–584.
2. Fox Ch.M. Working With Contracts. N.Y., 2008. P. 254

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Консультант Плюс
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»
3. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.06.2022 N Ф04–2943/2022 по делу N А27–11770/2021) // Консультант Плюс
4. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.06.2022 N Ф10–1136/2022 по делу N А08–1599/2021 // Консультант Плюс

Актуальные вопросы разграничения идеологической приверженности и участия в деятельности экстремистской организации АУЕ¹

Анциферова Елена Владимировна, студент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье исследуется одна из наиболее острых проблем квалификации преступлений экстремистской направленности — разграничение пассивной идеологической приверженности криминальной субкультуре и активного участия в деятельности запрещенной организации АУЕ. Автор анализирует специфику данного движения, которая заключается в отсутствии жесткой иерархии, формального членства и единого координирующего центра, что создает существенные трудности для следственной и судебной практики при применении статей 282.1 и 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации.*

Ключевые слова: международное общественное движение «А. У. Е.»*, практика применения ст. 282.1, 282.2 УК РФ, экстремистская организация, экстремистское сообщество.

На современном этапе развития российской правовой системы противодействие экстремизму остается одной из ключевых задач обеспечения национальной безопасности.

В системе современных угроз национальной безопасности Российской Федерации экстремизм трансформируется из сугубо политического и религиозного феномена в комплексную социально-структурную проблему.

Нормативное определение преступлений экстремистской направленности определено в примечании 2 к статье 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Под данной категорией следует понимать преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [1].

Несмотря на то, что перечисленные посягательства могут быть направлены на множество объектов, в соответствии с законодательной систематизацией, а именно в соответствии с главой 29 Уголовного кодекса Российской Федерации, родовым и видовым объектом данных преступлений выступают основы конституционного строя и безопасность государства.

Следует отметить, что понятие преступлений экстремистской направленности в Федеральном законе Рос-

сийской Федерации от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не закреплено.

Особое место в структуре экстремистских угроз занимает такая деструктивная идеология, как международное общественное движение «Арестантское уголовное единство»* (другие используемые наименования: «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А. У. Е.), которое на основании статьи 9 Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 года и дополнительным решением Верховного Суда Российской Федерации от 2 октября 2020 года признано экстремистской организацией [2].

Специфика данного движения характеризуется отсутствием жесткой иерархии, фиксированного членства и программных документов, объект правового воздействия — не классическая организация, а нечеткая субкультура, наделенная признаками экстремистского сообщества.

Основная сложность квалификации по статьям 282.1, 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации) заключается в от-

¹ Организация, признанная в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистской.

сутствии у АУЕ* признаков классического юридического лица или жестко структурированного объединения.

Граница между «приверженностью» (следованием воровским традициям) и «участием в деятельности запрещенной организации» остается размытой.

Данную проблему поднимают Плешаков А. М., Шкабин Г. С. в своей работе «Участие в деятельности АУЕ* в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества: проблемы квалификации» в части неопределенности степени «участия» (активное или пассивное) в диспозиции ч. 2 ст. 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации [3].

Приверженность сама по себе находится вне рамок уголовно-правового регулирования, пока она не начинает выражаться в конкретных актах поведения, направленных на дестабилизацию общественной безопасности. Отличие составов преступлений выражается в объективной стороне, которая выражается в форме действий.

Действия могут заключаться в склонении, вербовке или ином вовлечении лица в деятельность экстремистской организации, а также в участии в ее деятельности.

В соответствии с пунктом 15.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации (часть 1.1 статьи 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, часть 1.1 статьи 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в такую деятельность, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации, следует считать оконченным преступлением с момента совершения указанных действий, независимо от того, приняло ли вовлекаемое лицо участие в деятельности соответствующего экстремистского объединения [4].

Участие в экстремистском сообществе (часть 2 статьи 282.1 Уголовного кодекса РФ) и участие в экстремистской организации (часть 2 статьи 282.2 Уголовного кодекса РФ) следует отличать, хоть и преступления, по своим юридическим признакам очень схожи между собой, их правовая квалификация предусмотрена разными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации.

В соответствии с пунктом 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях

экстремистской направленности» под участием в экстремистском сообществе надлежит понимать вхождение в состав такого сообщества с намерением участвовать в подготовке или совершении одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, участие в подготовке к совершению указанных преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственное совершение таких преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (снабжение информацией, ведение документации и т. п.). [4] Отсутствие ссылки на часть 2 статьи 282.2 Уголовного кодекса РФ обусловлено разной юридической природой участия в этих двух типах объединений. В данном случае, преступление в форме участия лица в экстремистском сообществе считается оконченным с момента вхождения в состав такого сообщества (созданного «с нуля») с намерением участвовать в подготовке или совершении одного или нескольких преступлений экстремистской направленности.

Специфика преступления в форме участия в экстремистской организации (часть 2 статьи 282.2 Уголовного кодекса РФ) состоит в том, что организация уже запрещена судом. Судебный акт выступает обязательным конструктивным признаком объективной стороны, определяющим противоправность последующих действий лица по продолжению функционирования соответствующей структуры.

Разъяснения нормы изложены в пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Согласно правовой позиции высшей судебной инстанции, объективная сторона данного состава преступления является формальной и признается оконченной с момента совершения действий, свидетельствующих о продолжении функционирования запрещенной организации: совершение лицом умышленных действий, непосредственно относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т. п.). Уголовно-правовой квалификации подлежит непосредственно факт возобновления деятельности запрещенного объединения, вне зависимости от наличия признаков приготовления к совершению иных общественно опасных деяний.

Дополнительно следует подчеркнуть то, что объективная сторона состава преступления, предусмотренного статьей 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, характеризуется выраженной криминальной направленностью деяний: совершения конкретных преступлений экстремистской направленности.

При этом при квалификации преступлений, предусмотренных статьей 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, принципиальное значение приобретает установление специфической направленности умысла — на-

мерение возобновить и продолжить деятельность запрещенной организации, а не просто совершить отдельное действие экстремистского характера.

В пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» также подчеркивается проблема правовой оценки действий лиц, не связанных с продолжением или возобновлением деятельности соответствующей экстремистской организации и состоящих исключительно в реализации своего права на свободу совести и свободу вероисповедания.

Дискуссия о том, где заканчивается реализация права на свободу убеждений и начинается уголовно наказуемое участие в запрещенной экстремистской организации, а именно АУЕ*, достаточно актуальна и в настоящее время.

Приверженность к данной криминальной субкультуре заключается в следовании неписаным нормам поведения (татуировки, жаргон, соблюдение «кодекса»).

В правоприменительной практике наблюдается тенденция к отождествлению использования внешней атрибутики (аббревиатур, специфической лексики или символики) с непосредственным участием в деятельности запрещенной структуры.

Также сложность представляет разграничение личных убеждений (или следования бытовым привычкам) и активных действий по реализации функций запрещенной структуры (статья 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Соблюдение осужденным определенных неформальных правил (например, отказ от уборки помещений или от выполнения иных законных требований администрации ИУ) нередко интерпретируется следствием не как дисциплинарный проступок, а как демонстрация участия в экстремистском сообществе. При этом игнорируется отсутствие фактических действий по управлению структурой, сбору средств или вербовке новых членов.

Проблему практики применения состава преступления (часть 2 статьи 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) является формальное отношение некоторых

сотрудников оперативных подразделений учреждений ФСИН России к участникам экстремистских группировок «А. У. Е.»* [5] затрагивали Климонов П. А., Кияшко К. С. в работе «Некоторые проблемы и основные тенденции практики применения ст. 282.2 УК РФ в отношении лиц, участвующих в МОД «А. У. Е.»*, отмечая, что данная проблема носит латентный характер.

В рамках дел против участников запрещенного движения АУЕ* правоохранители часто вменяют состав «участия» на основании экспертных заключений, указывающих, что отказ от сотрудничества с администрацией является «традиционной нормой» данного движения. Однако с позиции уголовно-правовой нормы такое приравнивание пассивного поведения к активному участию в деятельности юридически ликвидированного объединения является избыточным, поскольку не доказывает волевой акт на продолжение функционирования запрещенной ячейки.

Для минимизации правовой неопределенности и предотвращения избыточной криминализации деяний представляется необходимым издание дополнительных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, направленных на определение конкретных признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации в части «приверженности традициям» без совершения распорядительных, финансовых или вербовочных функций, так как анализ судебной практики указывает на факт, что следование криминальным традициям часто интерпретируется как активная деятельность.

Параллельно с этим оптимизация правоприменения требует усиления межведомственного взаимодействия между органами прокуратуры Российской Федерации, Федеральной службой исполнения наказаний Российской Федерации и иными субъектами оперативно-разыскной деятельности. Укрепление координации в данной сфере должно быть направлено на выработку единых подтверждающих индикаторов экстремистской активности, исключающих возможность вменения в вину действий, не обладающих требуемой степенью общественной опасности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: № 63-ФЗ: принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года: [ред. от 23.03.2023]. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. № АКПИ20–392 (с учетом дополнительного решения от 2 октября 2020 г. № АКПИ20–392). — Текст: электронный // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: локальная сеть организации (дата обращения: 20.12.2025).
3. Плешаков, А. М. Участие в деятельности «АУЕ» в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества: проблемы квалификации / А. М. Плешаков, Г. С. Шкабин. — Текст: непосредственный // Научный портал МВД России. — 2023. — № 2 (62). — С. 31–37.
4. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11: [ред. от 28.10.2021]. — Текст: непосредственный // Российская газета. — 2011. — 4 июля (№ 142).

5. Климонов, П. А. «Некоторые проблемы и основные тенденции практики применения ст. 282.2 УК РФ в отношении лиц, участвующих в МОД «А. У. Е». / П. А. Климонов, К. С. Кияшко. — Текст: непосредственный // Вестник Самарского юридического института. — 2025. — № 1 (62). — С. 121–127.

Криминологическая характеристика и предупреждение вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность

Баранова Анастасия Михайловна, студент

Научный руководитель: Луковкин Кирилл Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье исследуется понятие вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, проанализирован состав преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего; проанализирована судебная практика рассмотрены меры предупреждения вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

Ключевые слова: несовершеннолетние, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, общественная опасность, противоправные действия, предупреждение преступления, состав преступления, уголовная ответственность.

Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений — серьезная проблема, имеющая значительные последствия, как для самих несовершеннолетних, так и для общества в целом. Несовершеннолетние зачастую более подвержены внешнему влиянию, поскольку их мировоззрение и ценности еще только формируются. Это делает их особенно уязвимыми для манипуляций и принуждений со стороны взрослых или сверстников [2, с.106].

Общественная опасность вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность заключается в потенциально негативном воздействии на их социальное и психологическое развитие, что может привести к следующим негативным последствиям:

- возникновение психологических травм;
- формирование нормы преступного поведения;
- наступление правовых последствий, включая возможность получения судимости;
- ограничение перспектив личностного и профессионального развития [4, с.25].

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) [1], преступление, связанное с вовлечением несовершеннолетних в противоправные действия, регламентируется статьей 150 УК РФ.

Состав преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего, характеризуется как формальный. Это означает, что наступление уголовно-правовых последствий не ограничивается составом преступления, то есть совокупностью его обязательных признаков. Для привлечения к уголовной ответственности достаточно соответствия характеристик совершенного акта признакам, установленным в диспозиции соответствующей статьи Уголовного кодекса. Однако наступление последствий может потребовать отдельной уголовно-правовой квалификации или, по крайней мере, учитываться судом при определении меры наказания.

На законодательном уровне в ст. 150 УК РФ, а также в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» представлены следующие способы вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность:

- 1) обман;
- 2) обещание;
- 3) угроза;
- 4) предложение;
- 5) разжигание чувства мести, зависти или т. п.;
- 6) иные.

В зависимости от характера воздействия со стороны взрослого на несовершеннолетнего, методы вовлечения могут быть разделены на ненасильственные и насильственные. Каждый из этих методов, в свою очередь, может быть классифицирован как физический или психологический в зависимости от способа воздействия [3, с.122].

Как показывает судебная практика, суды определяют руководителя преступного сообщества как лицо, вовлекаемое подростка, но этот подход является не всегда верным. Выявление банд и преступных сообществ, вовлекаемых несовершеннолетнего квалифицировать сложнее, чем вовлечение одиночным лицом.

Для решения поставленной проблемы предлагаем внести в главу 20 УК РФ ст. 151.3 «Склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни и здоровья других лиц». Необходимо увеличить санкцию статьи для перевода её в особо тяжкие. При этом так же обязательно предусмотреть в качестве квалификационного состава преступления — «совершение преступлений с использованием информационно — телекоммуникационных сетей (в том числе Интернет)» [5, с.221].

Включение данной нормы в УК РФ позволит верно, сформировать объективные статистические данные вышеуказанных преступлений, которые составят основные причины осуществления данной группы преступлений, позволит составить эффективные меры реагирования.

Формирование криминологического профиля взрослого преступника-вовлекателя имеет важное профилактическое значение.

Во-первых, это позволяет выделить отношения данного лица с микросоциальными группами, которые могут стать, объектами ранней профилактики преступного вовлечения, включая неблагополучные социально-бытовые условия, проблемы в воспитании собственных детей, трудности социальной адаптации, проблемы с образованием и исправлением в местах лишения свободы.

Во-вторых, это дает возможность применять индивидуальные профилактические меры, учитывая склонность к совершению различных видов преступлений, наличие судимостей и способность устанавливать доверительные отношения с жертвами.

В-третьих, это предоставляет информационную основу для виктимологической профилактики и воздействия на высокую латентность преступного вовлечения.

В-четвертых, это способствует частичному решению проблемы оценки ущерба, причиненного преступной деятельностью, что тесно связано с вопросами взаимодействия с жертвами преступлений.

В заключение следует отметить, что проведенный анализ мер, направленных на предупреждение преступлений в отношении несовершеннолетних, не может охватить все возможные направления профилактической работы. Эффективная профилактика преступлений против несовершеннолетних требует комплексного подхода, включающего в себя многоаспектность, значительные организационные и материальные ресурсы, а также координацию действий различных общественных и государственных структур. Такой подход является ключевым для достижения положительных изменений в структуре и динамике преступности [2, с.106].

Комплексный подход к профилактике преступности среди несовершеннолетних, включающий взаимодействие правоохранительных органов, образовательных учреждений и комиссий по делам несовершеннолетних, является ключевым для достижения результатов. Также важной проблемой остается подростковый алкоголизм, наркомания и домашнее насилие. Разработка законодательства в области домашнего насилия способствовала бы защите жертв и предотвращению новых случаев насилия. Классным руководителям рекомендуется уделять особое внимание семьям подростков, находящимся в социально опасном положении, а также посещать места жительства данных подростков и при выявлении факторов виктимизации незамедлительно информировать правоохранительные органы. Необходимо также учитывать успешный опыт зарубежных государств в области профилактики и борьбы с данными социальными явлениями.

Меры по противодействию преступности среди несовершеннолетних направлены на прямую работу с данной категорией граждан. Это обусловлено тем, что изменение поведения взрослых лиц, имеющих устоявшиеся жизненные принципы и мировоззрение, путем воздействия на них и объяснения негативных последствий вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, является сложной и зачастую невозможной задачей. В то же время, формирование у несовершеннолетних правильных моделей поведения, мышления и моральных ценностей с помощью соответствующих мер является не только возможным, но и необходимым для воспитания законопослушной личности, способной внести вклад в развитие общества.

Следовательно, проблематика вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность тесно связана с вопросами воспитания подрастающего поколения. Период детства и юности является решающим для формирования личности, поэтому особенно важно в этот период предотвратить негативное влияние со стороны взрослых и исключить возможность попадания несовершеннолетних в криминальную среду.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ 1996, № 21, ст. 2632;
2. Земцов, А. А. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: понятие и общественная опасность деяния / А. А. Земцов. — Текст: непосредственный // Сборник статей Национальной Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Тюмень: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2024. — С. 104–108.
3. Корняш, А. Т. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления: вопросы теории и практики / А. Т. Корняш. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 44(543). — С. 122–124.
4. Попова, В. Д. Особенности объективных признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / В. Д. Попова. — Текст: непосредственный // ExLegis: правовые исследования. — 2024. — № 1. — С. 24–27.
5. Писаревская, Е. А. Предложение совершить преступление как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / Е. А. Писаревская. — Текст: непосредственный // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2023 года. — СПб.: Санкт-Петербургский ун-т М-ва Внутренних дел Российской Федерации, 2023. — С. 220–225.

К вопросу об эволюции представлений о содержании функций права

Бекмурзаева Бегимай Карабаевна, студент магистратуры
Владимирский юридический институт ФСИН России

В статье проанализировано развитие системы представления о функциях права и целей, на которые они ориентированы. Рассматриваются точки зрения исследователей на основе различных этапов развития права на территории России.

Ключевые слова: функции права, исследования, назначение, общественные отношения, регулятор, социум.

Понятие «функция» используется многими гуманитарными и точными науками. Функция как научная категория встречается в трудах уже XVII века ряда ученых-философов, к примеру Готфрид Вильгельм Лейбница [11]. В соответствии с философским энциклопедическим словарем под функцией понимается действие, выражающееся в совершении или исполнении чего-либо [12].

Если говорить о понятии «функция права», то возникновение и развитие указанного термина, с нашей точки зрения, целесообразно относить к началу XX века к трудам французского юриста Л. Дюги, австрийского ученого К. Реннера, а также работам ученого Российской империи Л. И. Петражицкого. Последний в своих научных исследованиях указывал следующее: «Для общего ознакомления с характером и социальным значением права важно в особенности иметь в виду два направления этого нормирования, две специальных, весьма существенных для социальной жизни функции права, которые можно назвать: распределительной и организационной функциями права» [5].

Иными словами, Л. И. Петражицкий в своих научных изысканиях выделял две основные функции права:

- нормирование всех существующих в обществе общественных отношений;
- координацию поведения субъектов общественных отношений в рамках закрепленного права.

Говоря об исследовании вопросов, связанных с функциями права, стоит заметить, что со времен СССР и по настоящее время указанному вопросу также уделялось значительное внимание со стороны ученых-правоведов, среди которых выделим С. С. Алексеева, А. И. Королева, М. И. Ковалева, Т. Н. Радько, В. А. Толстика и др.

Более того, ряд исследований советского периода актуальны и в настоящее время, как, например, монография В. Г. Смирнова 1965 года издания «Функции советского уголовного права (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования)» [10].

Продолжая изучать научные исследования периода существования СССР, отметим труд С. С. Алексеева, который позиционировал назначение функций права через «активную роль права» [2]. По мнению указанного ученого, функции права выражаются в целевом воздействии норм права на субъектов и участников общественных отношений, а также их общую координацию в части обеспечения развития общества.

Кроме того, указанным исследователем делался акцент на том, что нормы права – это единственный инструмент,

посредством которого возможно оказывать воздействие на общество и соответственно функции права можно рассматривать как инструмент, ориентированный на реализацию всех существующих в обществе правоотношений.

Интересной представляется позиция Александра Н. Г., по мнению которого функции права безусловно ориентированы на координацию деятельности субъектов общественных правоотношений, однако указанное воздействие может быть осуществлено как на осуществляемые действия, так и на действия, которые еще не совершены, то есть о которых субъект мог задуматься, но не совершил ввиду того, что они могут противоречить нормам права и, соответственно, он может быть привлечен к какой-либо ответственности [1].

И действительно, осознание субъектом того факта, что его действия могут нарушить какую-либо норму права и повлечь за собой наступление ответственности перед обществом, является одной из функций права. Здесь стоит отметить, что эффективность реализации предупредительных функций права возможна при осознании участниками общественных отношений того факта, что их деяния могут противоречить законам, принятым в обществе.

Среди исследований современных авторов выделим монографию Т. Н. Радько и В. А. Толстика, посвященную непосредственно функциям права. В работе авторы делают акцент, что в настоящее время все подходы к пониманию функций права можно условно разделить на два направления:

- европейское, рассматривающее функции в рамках традиционной романо-германской школы, связывая «нормативность права с его функциями и влиянием на общество»;
- американское, изучающее право как функцию «социального контроля» [6].

Данные направления активно развивались в социологии и, как следствие, нашли своё отражение в социологии права, поскольку функции права, как отметил Т. Н. Радько, с одной стороны, имеют социальное назначение, с другой стороны ориентированы на целевое воздействие на конкретных субъектов общественных отношений [7].

И действительно, ввиду того, что право, прежде всего, ориентировано на урегулирование общественных отношений, в качестве основных функций права в настоящее время целесообразно выделить:

- регламентация тех или иных отношений, существующих (возникающих) в обществе;

— непосредственное воздействие на участников (субъектов) тех или иных правоотношений, ориентированное на соблюдение норм права и не допущения его искажения его содержания (иной интерпретации) в интересах какой-либо группы лиц.

Способы воздействия права на общество крайне разнообразны. Направления воздействия права устанавливаются в соответствии с законодательной политикой государства, которая трансформирует в право потребности общества, его волю и желания. Такие трансформации в последствии включают в себя отрасли, институты, пра-

вовые нормы, правоотношения, а также способы правового регулирования отношений [3].

Таким образом, обращение к сущности функций права имеет достаточно долгую историю. В настоящее время ученые-правоведы определяют функции права как направленное воздействие права на общественные отношения с целью реализации его социального назначения, при этом в качестве основной функции права выделяют урегулирование общественных отношений, существующих в конкретном обществе.

Литература:

1. Александров Н. Г. Право и законность в советском социалистическом обществе: Лекции юрид. фак. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 36 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: Курс в 2-х т. / С. С. Алексеев. – Т. 1. – Москва: Юрид. лит., 1981. – 359 с.
3. Иргизцев Д. С. Общая характеристика понятия и правовой природы функций права в теории государства и права / Д. С. Иргизцев // Аллея науки. — 2024. — Т. 1, № 10(73). — С. 522 – 525.
4. Мелехин А. В. Теория права и государства: учебник с учебно-методическими материалами (второе дополненное и переработанное издание). / А. В. Мелехин — Москва: 2019. — 545 с.
5. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 1 / Л. И. Петражицкий. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 237 с.
6. Радько Т. Н. Функции права: Монография / Т. Н. Радько, В. А. Толстик. – Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа Министерства внутренних дел РФ, 1995. – 106 с.
7. Радько, Т. Н. Теория функции права: монография / Т. Н. Радько. — Москва: Проспект», 204. — 269 с
8. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: Учебник. / Л. П. Рассказов – Москва.: РИОР: ИН-ФРА-М, 2015. – 559 с.
9. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А. А. Клишаса. — Москва: Статут, 2019. — 512 с
10. Функции советского уголовного права: (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования) / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. — 188 с.
11. Шлапаков С. А. Обобщенное правило Лейбница / С. А. Шлапаков // Наука — образованию, производству, экономике: Материалы XVII(64) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 14–15 марта 2012 года. Том 1. — Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2012. — С. 28 – 30.
12. Философский энциклопедический словарь. / Глав. ред. академик АН ССР Л.Ф. Ильичев, академик АН ССР П.Н. Федосеев, док. филосф. наук С.М. Ковалев, докт. философ. наук В.Г. Панов. – Москва: «Советская энциклопедия», 1983.

К вопросу о классификации функций права в современной юридической науке

Бекмурзаева Бегимай Карабаевна, студент магистратуры
Владимирский юридический институт ФСИН России

В работе представлены подходы российских исследователей к классификации функций права. Сделан вывод о том, что разделение функций права на категории позволяет раскрыть их сущность, назначение, провести систематизацию и выявить существующие взаимосвязи и возможные противоречия.

Ключевые слова: функции права, классификация, регулирование общественных отношений, правозащита, компенсация.

Содержание функций права и особенности их реализации можно рассматривать как одно из основных направлений изучения теории государства и права, поскольку именно посредством норм права раскрываются (регламентируются) все общественные отношения, а также осущест-

вляется контроль за соблюдением прав и свобод субъектов правоотношений, обеспечением законности.

Подходы к пониманию функций права разнятся [9]. К примеру, в исследованиях Т. Н. Радько под функциями права предлагается понимать объединение двух слагаемых, а именно:

— изначальную роль норм права для общества и урегулирования в нем существующих правоотношений;

— право как инструмент воздействия на участников общественных правоотношений [7].

Одним из способов раскрытия функций права выступает анализ их содержания и, исходя из него, разбивка функций по определенным группам (классам). В рамках данного исследования рассмотрим основные подходы к классификации функций права.

В монографии двух авторов Т. Н. Радько и В. А. Толстика [6] разделение функций права осуществляется на следующие группы:

— Функции права, реализация которых осуществляется всеми отраслями права, что обеспечивает соблюдение фундаментальных начал, заложенных в Конституции Российской Федерации;

— Функции права, которые урегулированы разными отраслями права, так называемые межотраслевые функции. В качестве примера можно рассмотреть правоохранительную функцию права, порядок и особенности реализации которой раскрываются в уголовном, административном и уголовно-исполнительном праве;

— Функции права, ориентированные на достижение определенной цели, регламентируемой одной отраслью права – отраслевые функции. В частности, функция права, ориентированная на реализацию прав граждан при осуществлении гражданско-правовых отношений;

— Функции правовых институтов, реализуемые нормами конкретного института права;

— Функции норм права, реализуемые конкретным видом норм права.

В исследовании В. Н. Синюкова в функциях права выделены две больших категории:

- общесоциальные функции права;
- специализированные функции права.

Каждый из указанных классов в свою очередь разбивается на отдельные подклассы функций права: если рассмотреть классификацию общесоциальных функций, то в их состав исследователь включает:

— функции права, направленные на поддержание культурно-исторических основ государства;

- правоохранительную функцию;
- воспитательную функцию;
- информационно-ориентированную функцию, которую в некоторых исследованиях также называют идеологической [8].

В исследованиях М. И. Байтина функции права разделяются только на две категории:

- основные функции права;
- иные функции права [2].

Указанное разделение, по мнению ученого, основывается на круге субъектов, на которые они ориентированы, где общие функции фактически охватывают все категории участников общественных правоотношений, а иные — только определенный круг лиц.

А. И. Абрамов [1] предлагает условно классифицировать функции права на две большие группы:

— собственно юридические функции, ориентированные на урегулирование общественных правоотношений и охрану прав и свобод человека;

— социальные функции права, ориентированные на раскрытие и реализацию отдельных видов государственной деятельности, к примеру, в сферах экономики, социального обеспечения граждан, и прочих.

Заметим, что указанным автором воспитательная функция права выделена как отдельная категория, которая по его мнению не относится ни к одной из выше перечисленных.

В рамках своей классификации автор выделяет ее по объекту воздействия, утверждая: «...если большинство функций права (как собственно юридические, так и социальные) воздействуют на общественные отношения, то объектом воздействия воспитательной функции выступают сознание и воля людей».

С таким критерием «выделения» данной функции трудно согласиться, ввиду того что право воздействует на общественные отношения только посредством влияния на сознание и волю людей. Поэтому рассматриваемое свойство воспитательной функции не является ее специфическим признаком. Полагаем также недостаточным использование данным автором лишь одного основания классификации функций права (по ранее изложенным причинам).

В учебной литературе авторы выделяют следующие основания для классификаций функций права:

1. Основные или базовые функции права, которые в свою очередь подразделяются на:

— функции, осуществляющие урегулирование общественных отношений, которые постоянно осуществляются в обществе, либо возникающих при наступлении определенных обстоятельств;

— функции, ориентированные на охрану существующей в обществе фундаментальных начал, традиций, а также интересов [3].

2. Функции, относимые к неосновным, а именно:

— функции, ориентированные на восстановлении в правах какого-либо субъекта общественных правоотношений;

— функции, ориентированные на защиту прав и свобод субъектов общественных отношений, и в частности – на компенсацию причиненного противоправным деянием ущерба (убытка);

— функции, направленные на правовое воздействие на субъектов общественных правоотношений в части обеспечения правопорядка, законности и соблюдение прав и свобод человека;

— сдерживающая или ограничительная функция, то есть функции права ориентированные на обеспечение реализации общественных отношений в правовом поле и предупреждающая субъектов от совершения любых противоправных деяний [5].

Также в рамках данного исследования уместно процитировать профессора В. Н. Карташова, который ука-

зывал, что: «... каждая функция права, синтезирующая множество одно-порядковых направлений, состоит из нескольких подфункций» [4].

По мнению указанного ученого, в качестве основы для классификации функций выступают такие группы как:

— функции права связанные с правоохранительной деятельностью;

— функции ориентированные на предупреждение противоправных поступков и действий (превентивную функцию);

— функции ориентированные на восстановление потерпевшего в нарушенных правах и восстановление социальной справедливости;

— карательную и другие подфункции.

Таким образом, хотя мы охватили только базовые подходы к пониманию функций права через их классификацию, выделение категорий позволяет обстоятельнее и точнее раскрыть сущность функций права, назначение, провести систематизацию, выявить существующие взаимосвязи и возможные противоречия.

Литература:

1. Абрамов А. И. Теоретические и практические проблемы реализации функций права: монография / А. И. Абрамов. — Самара: Офорт, 2008. — 318 с.
2. Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты / М. И. Байтин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2000. — № 3(230). — С. 4 - 16.
3. Братановский С. Н. Теория государства и права: Учебник / С. Н. Братановский, М. Г. Вулах, Ю. В. Капитанец. — Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2024. — 291 с.
4. Карташов В. Н. Теория государства и права: учебник / В. Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. — Ярославль: ЯРГУ, 2018. — 360 с.
5. Осипов М. Ю. Теория государства и права: Учебник для СПО / М. Ю. Осипов. — 2-е издание, стереотипное. — Саратов, Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2024. — 318 с.
6. Радько Т. Н. Функции права: Монография / Т. Н. Радько, В. А. Толстик. — Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа Министерства внутренних дел РФ, 1995. — 106 с.
7. Радько Т. Н. Теория функций права: монография / Т. Н. Радько. — Москва: Проспект, 2014. — 268 с.
8. Синюков. В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию / В. Н. Синюков. — 2-е изд., доп. — Москва: Норма, 2010. — 670 с.
9. Функции права и его роль в современном обществе / А. В. Зуев, В. Е. Турова, С. Н. Рубцов, А. В. Платонов // Вопросы российского и международного права. — 2023. — Т. 13, № 5-1. — С. 11 - 16.

Проблемы защиты прав и законных интересов ребенка при ограничении или лишении родителей их прав

Белоножкина Екатерина Романовна, студент магистратуры

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматривается порядок и основания ограничения родительских прав, а также правовые последствия данной процедуры как для родителей, так и для детей.

Ключевые слова: ребёнок, семья, родители, ограничение родительских прав, защита прав несовершеннолетних, опасность, основания ограничения, последствия.

Problems of protecting the rights and legitimate interests of a child when parents are restricted or deprived of their rights

The article discusses the procedure and grounds for restricting parental rights, as well as the legal consequences of this procedure for both parents and children.

Keywords: child, family, parents, restriction of parental rights, protection of the rights of minors, danger, grounds for restriction, consequences.

Реалии сегодняшних дней демонстрируют, что в Российской Федерации внедряется политика макси-

мальной защиты конституционных прав и интересов детей, обеспечения защиты их здоровья. Однако это не

исключает случаи создания большой опасности детям со стороны их же родителей, если последние пребывают рядом. Этим обусловлена возможность ограничения прав матери или отца на уровне законодательной регламентации. Под такими ограничениями подразумевается совокупность мер в отношении родителя, если он демонстрирует поведение, несовместимое со статусом отца, матери или воспитателя, но при этом нет достаточных оснований отлучать их от ребенка.

Ограничение прав предполагает установление временной меры, а не абсолютное лишение родительских прав. В случае прихода судебных органов к такому решению, они должны ставить во главу интересы детей и учитывать аргументированную позицию органов опеки и попечительства. Часто эти мнения противоречат друг-другу, что обуславливает определенные трудности и подразумевает необходимость детализировано разбирать и тщательно оптимизировать рассматриваемый институт.

При этом практика наглядно демонстрирует остроту, актуальность проблемы применения ограничительных мер. Реализация ограничения родительских прав представляется одной из самых эффективных вариаций легальных способов защиты прав и интересов несовершеннолетних. При этом законом не конкретизирована дефиниция этого термина, а только лишь установлена цепочка оснований и последствий ограничения родительских прав.

Так, Л. В. Ладочкиной представлена трактовка понятия в виде государственной меры принуждения, которая подразумевает, что у родителей будет отобран ребенок, однако мера в виде лишения родительских прав применена не будет [7].

Анализ статьи 73 СК РФ позволяет дифференцировать две группы оснований ограничения родительских прав. Так, в первую группу входят категории лиц, которые несут непосредственную опасность членам семьи и ребенку в частности [4]. При этом такое поведение взрослых расценивается как невиновное деяние в виде бездействия или действия. Соответствующие пункты конкретизированы ч. 1 п. 2 статьи 73 СК: реально существующие психические расстройства, заболевания хронического типа, тяжелые жизненные обстоятельства, стечение которых деструктивно повлияло на сознание [4].

В законодательстве нет четкого указания оснований, которые лежат в основе отобрания ребенка. Степень опасности характер деяний оценивается индивидуально, с учетом обширного спектра обстоятельств и критериев, в том числе фактора риска здоровью ребенка. Такой недочет правовой регламентации должен быть немедленно упразднен. Рассматривая дефиницию «опасность», следует воспринимать ее как реальную угрозу базовым конституционным личным неимущественным правам, а также реальный моральный и физический ущерб в отношении ребенка, который причиняют или с высокой вероятностью могут причинить взрослые. При этом важно апеллировать доказательствами, а не голословными пред-

положениями. Это могут быть показания свидетелей, надлежащим образом оформленное медицинское заключение или объяснения органа опеки или попечительства. Процедура ограничения родителей в правах стартует с открытия искового производства и его инициирования путем подачи искового заявления. Устанавливая ответчика по делу, важно апеллировать позицией законодателя о том, что такой субъект является лицом, которое в отношении своего ребенка является источником чрезмерной опасности и повышенных рисков. Первоначально на повестку рассмотрения выносятся гражданская дееспособность родителя, что актуально в случае, когда первопричиной такого поведенческого деструктивизма служит подтвержденное заболевание или психическое расстройство. При этом важно акцентировать внимание на процессуальной правомочности предъявить иск только в отношении взрослого, если полноценно применима статья 49 СК РФ.

У суда есть право отказать в принятии такого иска по п. 1 ч. 1 статьи 134 ГПК, если разбирательство инициировано в отношении лиц, которые по статусу заменяют родителей [3].

Решение по ограничению может отменить суд, что отражено в п. 1. Ст. 76 СК РФ. Основание — соответствующее исковое требование, которое родители или один из них предъявляют в случае, если будет доказано отсутствие причин-поводов ограничения родительских прав. При таком сценарии обязанность родителей — доказать отсутствие своей вины в суде, целесообразность возвращения ребенка в семью. Параллельно подаче иска родитель обязан инициировать в суде просьбу о возврате ребенка и защите своих родительских прав. Суд в обязательном порядке при вынесении соответствующего решения учитывает мнение ребенка, поскольку за период действия ограничения он мог отвыкнуть от родителя, привязаться к лицу, которое выполняло функцию опекуна. Если заключение суда будет сводиться к тому, что интересы ребенка нарушаются, а действия родителей им противоречат, будет принято решение в отказе в удовлетворении иска.

Утрата права родителя лично воспитывать своего ребенка — это ключевое правовое последствие решения. Статус законного представителя переходит опекуну, детскому учреждению, родителю, попечителю, назначенному в законном порядке. При этом содержание своих детей остается прямой обязанностью родителей, что соответствует п. 2 ст. 74, ст. 84 СК РФ. Ограничение родителей в их родительских правах затрагивает имущественные права. В соответствии с п. 2 ст. 1117 ГК РФ такие родители не включены в перечень недостойных наследников [2].

На практике этот вопрос остается дискуссионным и не имеет однозначного ответа. Фактически, душевное состояние отца или матери, ставшее первопричиной действия или бездействия, не является основанием, чтобы лишить права наследования в будущем. При условии, что имеется достаточная доказательственная база. В рассма-

триваемом контексте важно акцентировать внимание, что ограничение родительских прав не нивелирует правовую связь между ребенком и родителем. Подразумевается возможность сохранять личные контакты, тем более, если причина ограничения обусловлена отсутствием вины. Однако сохранение личных связей родителя и ребенка предполагает, что таким образом соблюдаются положения статьи 75 СК РФ, особенно если организация встреч взрослого с ребенком благотворно влияет на состояние и развитие последнего. У детей, чьи родители ограничены в своих родительских правах, автоматически есть статус таковых, которые утратили родительское попечение, что консолидирует положению статьи 121 СК РФ и должно быть устроено исходя из требований ст. 123 СК РФ [4].

Обязательное устройство — это проблема защиты и охраны имущественных и личных неимущественных прав ребенка. Это обусловлено пребыванием таких детей

на попечении и тем фактом, что соответствующие вопросы решают опекуны, попечители, приемные родители или учреждение воспитания.

Следовательно, рассматриваемый механизм ограничения сопряжен с некоторыми проблемами, которые подразумевают наличие решения. Считаем целесообразным внедрение изменений на законодательном уровне путем регламентации дефиниции «опасность» в отношении ребенка со стороны родителей. Такое понятие следует расшифровывать как реальную угрозу, которая посягает на главную ценность — жизнь и здоровье, а также высокую и объективно аргументированную угрозу причинения ущерба моральной и физической категории со стороны взрослого со статусом родителя или субъекта, его заменяющего. Такой факт должен быть подтвержден актом обследования, в котором будут отражены условия жизни семьи, объяснения органа опеки и попечительства, свидетельские показания, медицинские заключения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2014. - № 15.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон [18 декабря 2006 г. № 230 — ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 25.
3. Гражданский процессуальный кодекс: федер. закон [14 ноября 2002 г. № 138 — ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 46.
4. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон [29 декабря 1995 г. № 223 — ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 223. — Ст. 77.
5. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 (с изм. от 14.07.2022 г.). Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Нагорная, Е. Н. Охрана прав ребенка / Е. Н. Нагорная. // Ребенок в детском саду. 2019. № 4. С. 21–28; № 5. С. 26–34; № 6. С. 23–29. Текст: непосредственный.
7. Ладочкина Л. В. Ограничение родительских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 4. — С. 101–104.

Понятие и признаки конституционной обязанности как вида юридической обязанности

Беспавлова Юлия Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Макаров Владислав Олегович, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский государственный университет

Конституционная обязанность представляет собой особый вид юридической обязанности, непосредственно закрепленный в Основном законе государства. Ее сущность заключается в установлении меры должного поведения лица, обеспечивающей сбалансированное функционирование правового порядка. Эти обязанности носят фундаментальный характер и служат основой для развития отраслевого законодательства. Их исполнение гарантирует реализацию публичных интересов и защиту прав других граждан. Ключевыми признаками конституционных обязанностей являются верховенство, высшая юридическая сила, всеобщность и непреложность. Изучение их природы позволяет глубже понять механизм взаимодействия личности, общества и государства. Таким образом, конституционные обязанности формируют каркас правовой ответственности в демократическом обществе.

Ключевые слова: конституционная обязанность, юридическая обязанность, Основной закон, меры должного поведения, публичный интерес, всеобщность, верховенство права, конституционно-правовой статус.

Интерес правовой науки к обязанностям личности традиционно уступает вниманию к ее правам и свободам. Однако этот дисбаланс представляется теоретически ущербным: конституционные обязанности выступают не второстепенным дополнением, а структурным условием самой возможности существования правового порядка. Их исполнение предотвращает эрозию свободы, превращение ее в социально деструктивный произвол. В настоящее время осмысление их сущности выходит за рамки академического интереса, становясь вопросом обеспечения устойчивости государственно-правовых институтов.

Практическая потребность в таком анализе диктуется и задачами правоприменения. Нечеткость в понимании специфики конституционной обязанности ведет к ошибкам в квалификации поведения, к коллизиям в законодательстве, к непоследовательной правовой политике. Построение непротиворечивой теории правового статуса личности, как показывают исследования, заходит в тупик без глубокой проработки именно обязанностной компоненты.

Конституция закрепляет основные обязанности человека и гражданина. Эти обязанности, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, во-первых, имеют всеобщий характер, во-вторых, не зависят от конкретного правового статуса лица, и, наконец, в-третьих, они закрепляются на высшем, конституционном уровне.

В конституционно закрепленных основных обязанностях выражены наиболее важные требования — ответственности личности перед обществом, гражданина перед государством, надлежащего отношения гражданина к государственным и общественным интересам, активного включения его в охрану этих интересов [6].

Так, что же такое обязанности человека и гражданина по Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года? Из прочитанного мной материала следует, что основные обязанности — это конституционно закрепленные и охраняемые правовой ответственностью требования, которые предъявляются человеку и гражданину и связаны с необходимостью его участия в обеспечении интересов общества, государства, других граждан [4].

Конституционная обязанность, оставаясь в родовых границах обязанности юридической, обладает собственным качественным своеобразием. Общее понятие юридической обязанности как меры должного поведения под государственной гарантией и принуждением здесь претерпевает существенную трансформацию. На конституционном уровне обязанность обретает иное нормативное звучание, иную социальную плотность, становится каркасом для всей системы правового регулирования.

Исходный признак — верховенство и высшая юридическая сила — произведен от верховенства Конституции. Закрепление обязанности в тексте Основного закона определяет ее приоритет перед любыми иными обязан-

ностями, устанавливаемыми законодателем. Последние могут лишь развивать и конкретизировать конституционные предписания, но не отменять и не ограничивать их. Тем самым конституционная обязанность служит для законодателя своеобразным нормативным ориентиром.

Всеобщность означает обращенность этих обязанностей к максимально широкому кругу адресатов. Они распространяются либо на всех, находящихся под юрисдикцией государства, либо на крупные, конституционно значимые категории (граждане, родители). В этом — их отличие от большинства отраслевых обязанностей, связанных со специальным статусом или конкретным правоотношением. Всеобщность формирует единое правовое пространство и формальное равенство в несении основных публичных тягот [2].

Фундаментальность и стабильность конституционных обязанностей отражают их связь с базовыми, непреходящими ценностями социума: защита страны, сохранение среды обитания, семейные узы. Их содержание консервативно, а изменение сопряжено со сложной процедурой пересмотра Конституции. Эта стабильность охраняет основы правопорядка от конъюнктурных колебаний, обеспечивая долговременность регулирования.

Публично-правовая природа обязанностей очевидна. Их первичный адресат — публичная власть, устанавливающая обязанности ради общезначимых целей. А. Г. Ахвердян справедливо связывает их реализацию с формами воплощения норм права, где публичный интерес выступает системообразующим началом. Через исполнение этих обязанностей обеспечиваются суверенитет, безопасность, функционирование институтов власти [1].

Прямое действие конституционных обязанностей — принципиальный аспект. Несмотря на частую необходимость отраслевой конкретизации, сам факт их конституционного закрепления порождает правовые последствия. Норма может служить непосредственным основанием для оценки поведения даже при пробелах в текущем законодательстве, хотя эффективная реализация, безусловно, требует развитого механизма исполнения.

Разграничение обязанностей человека и гражданина, не всегда эксплицированное в тексте Конституции, сохраняет теоретическую и практическую значимость. Оно позволяет дифференцировать объем требований, основанных на естественной связи индивида с обществом и на специфической политико-правовой связи с конкретным государством.

Нормативная специфика, как отмечают А. О. Кошелев и И. А. Кузнецов, проявляется в языке, структуре и месте этих норм в системе. Их принципиальный, рамочный характер требует особых подходов к толкованию, отличных от приемов работы с казуальными отраслевыми нормами [3].

Социальная обусловленность означает, что набор и содержание конституционных обязанностей исторически

конкретны. Они отражают уровень развития общества, его традиции, вызовы времени. Их эволюция возможна как через формальный пересмотр Конституции, так и через новые интерпретационные подходы.

Ответственность за неисполнение, хотя и устанавливается отраслевым законодательством, производна от конституционной формулы. Последняя может обуславливать повышенную общественную опасность проступка, влияя на квалификацию и строгость санкции.

Связь с принципом социальной солидарности очевидна: конституционные обязанности распределяют бремя общих забот (налоги, оборона), институционализируя взаимные ожидания членов общества и предотвращая паразитическое поведение [5].

Проблема баланса с правами — постоянный динамический процесс. Соотношение между ними подвижно и зависит от исторического контекста, смещаясь в сторону

усиления обязанностей в кризисные периоды и расширения свобод в стабильные. Задача правовой системы — удерживать этот баланс в разумных пределах.

Таким образом, конституционная обязанность представляет собой закрепленную в Основном законе меру должного поведения, характеризующуюся верховенством, всеобщностью, фундаментальностью, публично-правовой природой и прямым действием. Ее специфика ограничивает эту обязанность от иных видов юридических обязательств. Будучи системообразующим элементом правового статуса, она обеспечивает баланс между автономией индивида и интересами социума, выполняет регулятивные, ценностно-формирующие и интеграционные функции. Непрерывный научный анализ, отраженный в трудах цитируемых авторов, необходим для адекватного понимания эволюции данного института и практики его применения.

Литература:

1. Ахвердян, А. Г. Обязанности человека и гражданина в контексте форм реализации норм права / А. Г. Ахвердян // Российский правовой журнал. — 2021. — № 1 (6). — С. 16–19.
2. Зубаирова, Л. М. Конституционные обязанности человека и гражданина / Л. М. Зубаирова, И. Р. Аминов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — № 10–2 (61). — С. 174–177.
3. Кошелев, А. О. Конституционные обязанности человека и гражданина в Российской Федерации / А. О. Кошелев, И. А. Кузнецов // Столица науки. — 2020. — № 6 (23). — С. 199–204.
4. Латышева, А. А. Система конституционных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в истории России и современности / А. А. Латышева // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: сб. ст. 13-й Междунар. науч.-практ. конф. — Курск, 2023. — С. 429–432.
5. Саудаханов, М. В. К вопросу о сущности основных конституционных обязанностей человека и гражданина / М. В. Саудаханов // Закон и право. — 2022. — № 2. — С. 86–89.
6. Сотовалдиева, С. Ш. Права, свободы и обязанности человека и гражданина: общие принципы на основе конституционного права / С. Ш. Сотовалдиева, Г. С. Абасканова // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. — 2025. — № 2/1. — С. 287–292.

Добровольное имущественное страхование: правовая сущность и проблемы защиты прав страхователей

Богданов Владимир Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Маркина Марианна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет имени А. С. Грибоедова

В статье рассматривается правовая сущность добровольного имущественного страхования в РФ и проблемы защиты прав страхователей, выявляются ключевые тенденции развития института добровольного имущественного страхования. Особое внимание уделено проблеме договорного дисбаланса, применению механизма «периода охлаждения», принципа толкования условий договора против составителя, а также ответственности страховщиков за нарушение прав потребителей. Сделаны выводы о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и судебных инструментов защиты страхователей.

Ключевые слова: имущественное страхование, добровольное имущественное страхование, защита прав страхователей, договор присоединения, период охлаждения, финансовый уполномоченный.

В правовой системе России добровольное имущественное страхование занимает особое место, по-

скольку оно функционирует как значимый механизм перераспределения имущественных рисков, позволя-

ющий и частным лицам, и организациям смягчать последствия утраты либо повреждения имущества и иных имущественных интересов страхователя в рамках норм статьи 929 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [8] (например, интересов, вытекающих из обязанности возместить вред). В отличие от установленных законом обязательных видов страхования (яркий пример — ОСАГО), данная форма защиты базируется на принципе диспозитивности [6]. Стороны самостоятельно определяют содержание договора, согласуют страховую сумму, перечень страховых рисков и иные условия (п. 1 ст. 929 ГК РФ). При этом свобода усмотрения не безгранична. Так, ее рамки диспозитивности задают императивные нормы главы 48 ГК РФ, направленные на защиту экономически уязвимой стороны — страхователя, прежде всего, когда он выступает потребителем финансовых услуг.

Тенденции законодательства последних лет и устоявшаяся судебная практика свидетельствуют о заметном смещении приоритетов в сторону выстраивания баланса интересов участников страховых правоотношений [4]. Поправки в главу 48 ГК РФ и Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [9] демонстрируют целенаправленное совершенствование регулирования. Существенным шагом стало введение института финансового уполномоченного (Федеральный закон от 04.06.2018 № 123ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [10]), обеспечивающего внесудебное урегулирование споров.

Существенное влияние оказали и разъяснения Верховного Суда РФ, изложенные в Постановлении Пленума от 25.06.2024 № 19 [11], где накопленный судебный опыт получил новое правовое осмысление. Данные изменения формируют концепцию, в рамках которой защита имущественных прав выходит за пределы буквального толкования договора и направлена на фактическое восстановление нарушенного имущественного положения.

В соответствии с п. 1 ст. 929 ГК РФ «по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы)».

Принцип компенсационного характера страхования (ст. 947 ГК РФ) играет системообразующую роль, поскольку выплата напрямую соотносится с реальной стоимостью имущества на момент страхового события. Такая конструкция исключает возможность необоснованного обогащения, препятствует злоупотреблениям и не допускает превращения страхования в спекулятивный инструмент или разновидность пари [1, с. 762–786]. В иму-

щественном страховании данный принцип означает, что объектом защиты являются исключительно имущественные интересы, что позволяет отличать его от личного страхования, направленного на охрану жизни и здоровья [3, с.99–104].

Главное различие между добровольной и обязательной формой страхования кроется в источнике возникновения обязанности заключить договор. Так, для добровольного страхования это воля сторон (ст. 927 ГК РФ), тогда как обязательное предписано законом или нормативным актом. При этом даже добровольный договор подчинен ряду обязательных правил. В частности, он должен заключаться в письменной форме (ст. 940 ГК РФ), а наличие страхового интереса у страхователя (ст. 930 ГК РФ) является необходимым условием его действительности. Данное требование исключает заключение формальных, фиктивных соглашений в отношении имущества, не представляющего реальной ценности для страхователя.

Объектом имущественного страхования признаются имущественные интересы, связанные с владением, использованием и распоряжением имуществом, а также интересы, вытекающие из обязательств по возмещению вреда. К существенным условиям договора, согласно ст. 942 ГК РФ относятся объект страхования, страховой случай, страховая сумма и срок действия договора. Прочие условия (например, территория страхования, перечень исключений или порядок расчета убытков) могут определяться усмотрением сторон при условии соблюдения императивных предписаний законодательства и недопустимости ущемления прав потребителя [7, с.186–188].

Изучение современных научных публикаций позволяет выявить единое направление доктринальной мысли по вопросу разграничения обязанностей государства и страховых компаний при наступлении чрезвычайных ситуаций. Так, в трудах Т. Ю. Шумковой [6, с.186–188] и Е. Е. Околот [5, с. 208–210] подчеркивается, что добровольное страхование имущества от чрезвычайных рисков способно значительно снизить нагрузку на бюджет. При этом, по мнению Т. Ю. Шумковой, низкий уровень финансовой грамотности населения и недостаточная прозрачность страховых условий становятся существенными препятствиями для развития этого сегмента. Практика надзорных органов и судебные материалы подтверждают, что именно дисбаланс в объеме информации между сторонами нередко приводит к отказам в выплатах и последующим судебным спорам [2, с.47–55].

Анализ судебной и правоприменительной практики института добровольного имущественного страхования показывает, что особое внимание в ней уделяется проблеме информационного и переговорного неравенства между страхователем и страховщиком [6]. Практика показывает, что подавляющее большинство таких соглашений заключается в форме договора присоединения (ст. 428 ГК РФ), при котором страхователь лишен возможности влиять на содержание текста и вынужден принимать стандартные условия, сформулированные страховщиком.

С точки зрения правовой доктрины и экономического анализа подобная модель обладает двойственной природой. С одной стороны, она ускоряет оборот документов и снижает транзакционные издержки, с другой — создает предпосылки для включения в договор положений, ограничивающих права и законные интересы страхователя. В судебной практике это проявляется в чрезмерно обширных и неопределенных исключениях из страхового покрытия, установлении неоправданно коротких сроков уведомления о страховом событии, а также в использовании завуалированных формулировок, сужающих пределы ответственности страховщика. Подобные явления рассматриваются не как случайные изъяны регулирования, а как естественные следствия диспозитивного характера добровольного страхования, где инициатива формирования условий принадлежит профессиональной стороне — страховщику.

Судебная практика подтверждает остроту этой проблемы. Так, п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 прямо устанавливает, что договоры добровольного имущественного страхования, заключенные в форме присоединения, должны оцениваться с применением специальных правил, а при выявлении явного нарушения баланса интересов суд вправе по требованию страхователя изменить или расторгнуть такой договор. Кроме того, в п. 16 указанного Постановления закреплён принцип, в силу которого любые неясные или двусмысленные формулировки толкуются в ущерб составителю текста, то есть страховщику: «По общему правилу, при неясности условий договора страхования, изложенных в полисе и правилах страхования, и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия (часть вторая статьи 431 ГК РФ).

Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной является страховщик как лицо, профессионально осуществляющее деятельность в страховой сфере». Данный механизм служит важным инструментом компенсации исходного неравенства переговорных возможностей и частично устраняет негативные последствия информационного перекоса.

Если страхователь выступает в роли потребителя и заключает договор исключительно для личных, семейных или бытовых целей, на такие отношения распространяется усиленный режим правовой защиты. В соответствии с ч. 1 ст. 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [12] любые условия, ухудшающие положение потребителя по сравнению с установленными законом гарантиями, признаются ничтожными. Характерным примером служит дело № 18-КГ20-23 [13], где Верховный Суд РФ признал незаконным отказ банка и страховой организации возратить страховую премию заемщику, отказавшемуся от навязанного страхового продукта при оформлении кредитного договора. Суд обос-

новал решение положениями ст. 7 Федерального закона от 21.12.2013 № 353ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [14] и Указания Банка России № 3854-У [15], которые прямо предусматривают право страхователя-физического лица отказаться от договора в течение установленного «периода охлаждения» и вернуть премию полностью или в пропорциональном размере, соотносящемся со сроком действия договора. Данный пример подтверждает устойчивую ориентацию судебной практики на приоритет защиты прав потребителя, даже при условии финансовых издержек для страховщика.

Важнейшим элементом защитного механизма является институт «периода охлаждения» — минимального срока в 14 календарных дней, установленного регулятором, в течение которого страхователь вправе без объяснения причин отказаться от договора и получить уплаченную премию обратно [2, с.47–55]. Пункт 17 Постановления Пленума № 19 прямо фиксирует, что отсутствие такого положения в договоре или отказ страховщика его реализовать влечет ничтожность соответствующей оговорки. Судебная практика по данному вопросу демонстрирует последовательный и строгий подход: Верховный Суд неоднократно взыскивал в пользу страхователей не только страховую премию, но и проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ), компенсацию морального вреда и штраф в размере 50 % от присужденной суммы (п. 6 ст. 13 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»). Совокупность этих мер формирует для страховщика значительные экономические риски при неправомерном отказе в возврате премии, что в конечном счете побуждает его к добросовестному исполнению обязательств еще на стадии досудебного урегулирования.

В современной судебно-правовой практике ответственность страховщика формируется [4] на стыке норм гражданского законодательства, положений Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и специальных регулятивных установлений, закрепленных в пп. 66–72 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19. В совокупности они образуют многоуровневую систему, включающую как меры имущественного характера, так и штрафные санкции. Основными элементами данной модели выступают: неустойка, установленная ст. 28 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»; проценты за неправомерное использование чужих денежных средств (ст. 395 ГК РФ); штраф в размере 50 % от присужденной суммы при уклонении от добровольного удовлетворения требований страхователя; а также предусмотренные п. 6 ст. 24 Федерального закона от 04.06.2018 № 123ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» меры воздействия за несвоевременное исполнение решений финансового уполномоченного. Пленум особо акцентировал, что факт выплаты возмещения уже после подачи иска не снимает с страховщика обязанности уплатить штраф, что подчеркивает приоритет превентивной функции и ориентировано на пресечение недобросовестного поведения.

Актуальные судебные решения 2024–2025 гг. демонстрируют закрепление этого подхода в правоприменении [16]. Так, по делу ООО «Лифид» против АО «РСХБ-Страхование» (февраль 2025 г.) Верховный Суд РФ пришел к выводу [17], что обстрел приграничной территории, квалифицированный по ст. 167 УК РФ как умышленное уничтожение имущества, не подпадает под определение «военные действия» в смысле п. 1 ст. 964 ГК РФ. Суд исходил из отсутствия введенного военного положения и официально признанных фактов ведения военных действий на территории страны. Это решение носит прецедентный характер, так как ограничивает возможность произвольного расширения перечня исключений из страхового покрытия и тем самым усиливает компенсационную функцию страхования. Более того, оно служит ориентиром для нижестоящих судов, формируя практику критической оценки доводов страховщиков, опирающихся на расплывчатые формулировки в полисах.

Дополнительным подтверждением тенденции служит Определение ВС РФ № 306-ЭС23-10683 по делу А55-35760/2020 [18], где было указано, что после заключения договора перечень застрахованного имущества не может корректироваться в одностороннем порядке (ст. 942 ГК

РФ). Такая позиция напрямую соотносится с защитой принципа неизменности страхового интереса и укреплением доверия к страховым механизмам.

Таким образом, можно констатировать, что добровольное имущественное страхование в России переживает этап активных нормативных и судебных преобразований, ориентированных на устранение дисбаланса в правах и обязанностях сторон и усиление гарантий для страхователей. Уже действующие инструменты — «период охлаждения», деятельность финансового уполномоченного и иные механизмы — показали свою эффективность. Вместе с тем для окончательного выравнивания позиций участников страхового рынка необходимы дальнейшие шаги: закрепление на законодательном уровне принципа толкования условий договора в ущерб стороне, их сформулировавшей; расширение судебных полномочий по выявлению несправедливых условий договоров и введение прозрачных стандартов страховой документации. Только комплексное внедрение этих мер способно превратить добровольное имущественное страхование из потенциально конфликтной сферы в устойчивый правовой инструмент защиты имущественных интересов.

Литература:

1. Кратенко М. В., Луйк О.-Ю. Современная модель компенсационного страхования (indemnity insurance) и перспективы ее воплощения в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 50. С. 762–786.
2. Мадыгина О. А., Побережная И. Ю. Проблемы правоприменения договора добровольного страхования жизни при заключении кредитных договоров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (49). С. 47–55.
3. Маркина М. В. Правовое регулирование страхования при использовании прав на объекты интеллектуальной собственности // В сборнике: Кадры и их влияние на развитие интеллектуальной собственности в России. сборник научных статей к 70-летию профессора И. А. Близнаца. Москва, 2024. С. 99–104
4. Момотов В. В. О некоторых вопросах добровольного страхования в свете нового постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 года № 19 // Страхование. 2024. № 3.
5. Околот Е. Е. Понятие и основные элементы обязательного государственного страхования жизни и здоровья сотрудников МЧС // Молодой ученый. 2024. № 27 (526). С. 208–210.
6. Турчаева И. Н. Страхование в АПК: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025.
7. Шумкова Т. Ю. Практика и перспективы страхования имущества физическими лицами от чрезвычайных ситуаций различного характера // Молодой ученый. 2022. № 12 (407). С. 186–188.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 26.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
9. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015I «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 28.02.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.
10. Федеральный закон от 04.06.2018 № 123ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2024 № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» // Вестник Верховного Суда РФ. 2024. № 7. Ст. 45–56.
12. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 15, ст. 766
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.07.2020 № 18КГ2023 (дело № 26906/2018) // СПС КонсультантПлюс.
14. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

15. Указание Банка России от 20.11.2015 № 3854У «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования» // Вестник Банка России, N 16, 20.02.2016
16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025. Раздел: споры по страхованию имущества — отсутствие выплаты вследствие неясных условий договора // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 10, октябрь, 2025 (начало), Бюллетень Верховного Суда РФ, N 11, ноябрь, 2025 (окончание)
17. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2025 № 305-ЭС24–19100 (дело № А40–266406/2023) // СПС КонсультантПлюс
18. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2023 № 306-ЭС23–10683 (дело № А55–35760/2020) // СПС КонсультантПлюс

Нравственные основы уголовного судопроизводства: взаимодействие права, морали и криминалистики

Бородин Павел Дмитриевич, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В статье рассматривается значение нравственных основ в уголовном судопроизводстве, а также их соотношение с правом и криминалистикой. Подчёркивается, что мораль выступает неотъемлемым элементом правоприменительной практики, придавая ей гуманистическое содержание и формируя доверие общества к судебной системе. Установлено, что право задаёт обязательные рамки процессуальной деятельности, криминалистика обеспечивает её эффективность, а мораль наполняет деятельность участников процесса ценностным измерением. Сделан вывод о том, что судебная этика представляет собой не только прикладную дисциплину, но и развивающуюся науку, исследующую взаимодействие права и нравственности в целях обеспечения справедливости и гуманизма в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, нравственные основы, судебная этика, следственная этика, право, мораль, криминалистика, справедливость, гуманизм.

Moral foundations of criminal proceedings: the interaction of law, morality and forensic science

The article examines the importance of moral foundations in criminal proceedings and their interaction with law and criminology. It emphasizes that morality is an integral part of law enforcement practice, providing it with a humanistic dimension and shaping public trust in the judicial system. It is shown that law defines the mandatory framework of procedural activity, criminology ensures its effectiveness, while morality adds a value-oriented dimension to the actions of participants in the process. The study concludes that judicial ethics should be regarded not only as an applied discipline but also as a developing science, exploring the interaction of law and morality in order to ensure justice and humanism in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, moral foundations, judicial ethics, investigative ethics, law, morality, criminology, justice, humanism.

Проблематика морали в организации и регулировании общественных отношений, а также в установлении порядка взаимодействия в рамках уголовного судопроизводства всегда занимала особое место в юридической науке. Нравственные основы правосудия представляют собой один из фундаментальных ориентиров, определяющих качество отправления правосудия и уровень доверия общества к судебной системе. На протяжении всей истории выдающиеся представители юриспруденции обращались к вопросам морали, стремясь показать, что без нравственного начала правоприменительная деятельность утрачивает легитимность и превращается в формальное применение закона.

Классическая отечественная юридическая мысль, начиная с трудов дореволюционных процессуалистов, акцентировала внимание на том, что нравственные требования справедливости и объективности должны лежать в основе расследования преступлений и судебного разбирательства. Так, А. Ф. Кони неоднократно подчёркивал необходимость соединения формы и содержания судебной деятельности с этическими принципами. Его известное высказывание о том, что суд является не только «судилищем, но и школой», в полной мере отражает представление о воспитательном значении правосудия, которое воздействует не только на участников процесса, но и на общество в целом. В этом контексте суд выступает

не только как орган, разрешающий конкретный спор, но и как институт формирования правосознания, укрепления представлений о нравственности и справедливости в обществе [6].

В условиях современного социума роль морали в уголовном судопроизводстве приобретает ещё большую значимость. Уголовный процесс напрямую связан с вопросами человеческой судьбы, ограничением или лишением свободы личности, применением жёстких мер государственного принуждения. Именно поэтому требования гуманности и справедливости должны находить выражение в каждом процессуальном действии и судебном решении. Приговор суда, лишённый внутреннего чувства справедливости, воспринимается обществом как неправомерный, даже если он полностью соответствует букве закона. Это указывает на органическую взаимосвязь права и морали: юридическая форма не может существовать без нравственного содержания, обеспечивающего её легитимность и доверие [12].

Справедливость и гуманизм не могут быть противопоставлены друг другу. Справедливое решение по своей сути должно быть гуманным, так как оно исходит из уважения к личности и её достоинству, а подлинная гуманность невозможна без справедливости, которая гарантирует равное отношение ко всем участникам процесса и соразмерность принимаемых решений. Эти категории тесно связаны между собой и формируют нравственный стержень уголовного судопроизводства. Их практическое значение заключается в том, что они направляют суд и органы следствия в сторону поиска таких решений, которые отвечают как требованиям закона, так и общественным ожиданиям нравственного правосудия.

Необходимо также учитывать, что нравственная оценка поступков граждан и действий работников правоохранительных органов нередко пересекается с их юридической оценкой. В глазах общества нравственная и правовая справедливость образуют единое целое, и любое расхождение между ними приводит к снижению доверия к судебной системе. Именно поэтому при организации расследования и судебного разбирательства важнейшей задачей становится не только формальное соблюдение процессуальных норм, но и их наполнение нравственным содержанием, позволяющим продемонстрировать уважение к человеку, его правам и достоинству [7].

Большое значение нравственные начала приобретают в работе с несовершеннолетними. Подросток, вовлечённый в сферу уголовного судопроизводства, особенно уязвим с точки зрения психологии и социальной адаптации. Любое процессуальное действие в отношении несовершеннолетнего должно учитывать особенности его восприятия, уровень зрелости, способность к осознанию последствий своих поступков. В этой связи принцип гуманизма требует, чтобы к несовершеннолетним применялись такие меры процессуального воздействия, которые в наибольшей степени способствуют их исправлению и социальной реабилитации, а не стигматизации и изо-

ляции. Известная мысль о том, что нравственное наставление, произнесённое юным человеком, лишено того же значения и силы, что и наставление зрелой личности, отражает глубинную разницу в восприятии нравственных ориентиров в зависимости от жизненного опыта. Именно поэтому уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних должно строиться на повышенной чувствительности к моральным аспектам.

Применительно к деятельности следователя можно утверждать, что нормы общественной морали играют значимую роль в выборе наиболее эффективных и одновременно этически оправданных способов расследования. В процессе раскрытия преступлений следователь ориентируется не только на материалы дела и предписания закона, но и на нравственные ориентиры, которые помогают ему действовать корректно по отношению к обвиняемому, потерпевшему, свидетелям и другим участникам процесса.

Разумеется, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет ряд положений, имеющих нравственное содержание. Однако простое и буквальное исполнение закона ещё не гарантирует нравственной безупречности всех следственных действий. Законодатель, устанавливая процессуальные рамки, не в состоянии предусмотреть все возможные ситуации, требующие тонкой этической оценки. В практике уголовного судопроизводства нередко встречаются обстоятельства, когда использование лишь властных полномочий оказывается недостаточным. В таких случаях особое значение приобретают научные рекомендации и профессиональная культура следователя, позволяющие убедить, аргументировать и достигать целей процесса без давления и нарушения прав личности.

Таким образом, вопросы морали становятся одним из краеугольных камней в деятельности органов предварительного расследования. Следователь или судья выступает не только как носитель власти, но и как представитель государства, чьи действия воспринимаются обществом сквозь призму нравственной оценки. Для многих участников процесса именно стадия предварительного следствия или судебного исследования становится первым опытом столкновения с системой уголовной юстиции, и именно здесь формируется отношение граждан к правосудию и его справедливости. В этом смысле предварительное расследование играет роль своеобразной «школы права и морали», где закладываются основы правового воспитания [2].

Каждое процессуальное действие подлежит не только правовой, но и моральной оценке. Закон в этом контексте выступает не только как совокупность формальных предписаний, но и как выражение принципов, идеалов и нравственных требований общества. Поэтому методы, применяемые следствием, должны оцениваться через призму добра, справедливости, гуманизма и честности. Именно по этой причине отдельные действия, которые с точки зрения формальной целесообразности могут казаться эф-

фективными, с позиции морали оказываются неприемлемыми и подлежат осуждению. Не случайно в этике одним из вечных вопросов считается вопрос о допустимости средств в зависимости от поставленных целей, и уголовное судопроизводство является той сферой, где этот вопрос приобретает особую остроту [4].

Следует подчеркнуть, что юристы на протяжении долгого времени обращались к проблеме соотношения правовых и нравственных норм. Однако до настоящего времени не создана целостная теоретическая система, которая позволяла бы сотрудникам правоохранительных органов формировать ясное представление о месте и роли морали в борьбе с преступностью. Профессиональная этика юриста, в том числе этика следователя и судьи, всё ещё находится в процессе становления. Как отмечал Л. Д. Кокорев, судебная этика — это молодая, развивающаяся наука, которой предстоит определить предмет, систему, категориальный аппарат и дать ответы на многочисленные дискуссионные вопросы, касающиеся нравственных основ уголовного судопроизводства [11].

Профессиональная этика формируется на стыке теоретических, нормативных и прикладных направлений общей этики, и потому её анализ целесообразно начинать с рассмотрения оснований, которые позволяют выделить её из общей системы нравственности. В юридической науке на протяжении многих лет ведётся дискуссия относительно понятия и сущности профессиональной морали. Одни исследователи (Л. А. Ароцкер, В. Е. Коновалова, А. Л. Ликас, А. Р. Ратинов, С. Ю. Якушин и др.) рассматривают её как систему специфических нравственных отношений, взглядов, установок и правил поведения, которые складываются в профессиональной среде и регулируют деятельность представителей определённых профессий. Такой подход акцентирует внимание на уникальных условиях профессиональной деятельности и их влиянии на формирование особых этических норм. Однако в нём можно усмотреть спорный момент: мораль как универсальная система ценностей и норм фактически отождествляется с конкретными социальными отношениями, что сужает её философское содержание [1].

Безусловно, в отдельных профессиональных сообществах можно выявить особенности нравственных требований, связанные со спецификой их деятельности. Это объясняет возможность существования особых проявлений общих моральных принципов в правоприменительной практике. Но вместе с тем преувеличивать значение этих особенностей и выделять их в качестве самостоятельной системы «профессиональной морали» не представляется корректным. Говоря об этике юриста, следует исходить из того, что особой, принципиально иной морали у юристов не существует и существовать не может. Речь идёт лишь о конкретизации общих нравственных начал применительно к специфике профессиональной деятельности. При этом к юристам предъявляются повышенные требования: они должны соблюдать не только базовые нормы нравственности, но и допол-

нительные, более строгие стандарты, обусловленные высоким уровнем ответственности и общественной значимостью их работы.

В современном обществе можно говорить о единой системе нравственных ценностей, которая носит универсальный характер. Профессиональная этика в «жёстком» смысле слова как отдельная, автономная форма общественного сознания не существует. Скорее её следует понимать как прикладную дисциплину, исследующую, каким образом универсальные моральные нормы реализуются в условиях специфической профессиональной деятельности.

В юридической литературе существует и иная точка зрения, которую разделяют Г. И. Пичкалева, Н. И. Порубов, М. С. Строгович, И. Филиановский и ряд других учёных. Они поддерживают позицию А. Ф. Кони, который понимал судебную этику как науку о применении общих нравственных принципов к деятельности судебных и следственных органов. По мнению М. С. Строговича, судебная этика не создаёт самостоятельных, особых моральных норм для судей, прокуроров, следователей или адвокатов. Её предметом является исследование того, каким образом общепризнанные нормы морали реализуются в специфических условиях судебного и следственного производства. Судебная этика, по его определению, представляет собой учение о применении нравственных начал в расследовании преступлений и разрешении уголовных дел, о том, каким образом принципы справедливости, честности и гуманизма должны воплощаться в профессиональной деятельности представителей системы уголовного правосудия.

Разделяя позицию М. С. Строговича, который указывал, что профессиональная этика, включая судебную, сама по себе не формирует нравственных норм, а лишь отражает и применяет их в рамках складывающихся общественных и профессиональных отношений, необходимо уточнить само содержание понятия «судебная этика». В её современном понимании судебная этика — это прежде всего область научного знания, а не совокупность нравственных правил. Следовательно, она должна рассматриваться как наука, изучающая не только применение общих принципов морали в специфических условиях судебной деятельности, но и закономерности их проявления, а также разрабатывающая особые приёмы и методы, ориентированные на практику. Подобно любой другой науке, судебная этика призвана выявлять внутренние закономерности своего предмета и на основе этого формировать рекомендации для профессиональной практики [10].

Тем не менее в юридической литературе встречаются подходы, в которых происходит смешение различных по уровню категорий права и морали. Так, Н. И. Порубов в своём толковании законности включает в неё не только буквальное исполнение правовых норм, но и их нравственное содержание, утверждая, что законность и этика тесно взаимосвязаны. Такая трактовка, хотя и интересна, вызывает вопросы. С одной стороны, она объеди-

няет право и мораль как взаимодополняющие категории. С другой стороны, здесь происходит смешение научных уровней: законность, являющаяся юридическим принципом, представляется как категория более высокого порядка, а этика, напротив, сводится лишь к прикладному элементу. Такой подход трудно признать методологически корректным [9].

Вопрос о соотношении права и морали должен рассматриваться исходя из их единства и различий, обусловленных развитием общества и государства. Право и мораль тесно взаимодействуют, но не могут быть сведены одно к другому. Право регулирует общественные отношения посредством обязательных юридических норм, тогда как мораль обращается к сознанию, внутренним убеждениям и представлениям людей о добре и справедливости. Поэтому корректнее говорить о координированном взаимодействии права и морали, при котором каждое из них сохраняет собственный предмет регулирования.

В литературе можно встретить и более широкое толкование судебной этики. Так, Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокарев и Д. П. Котов, признавая её научный характер, делают акцент на том, что её фундаментом выступает материалистическая философия, отражающая законы развития общества, мышления и социальной практики. Однако при этом они фактически приравнивают судебную этику к философской этике в целом, что размывает её предмет и ведёт к подмене специфических задач судопроизводства более общими философскими проблемами. В действительности же судебная этика, опираясь на материалистическую методологию, должна оставаться ориентированной прежде всего на потребности правоприменительной практики.

В современной науке можно выделить два подхода к определению сущности судебной этики. Согласно первому, которого придерживаются С. С. Алексеев, В. В. Леоненко, И. Ф. Пантелеев, М. С. Строгович и другие, судебная этика ограничивается исследованием применения общих норм нравственности в специфических условиях судопроизводства. Второй подход Л. Е. Ароцкер, А. Д. Бойков, Ю. М. Зархин, А. Р. Ратинов и др. предполагает, что судебная этика изучает не только общие, но и особые нормы, свойственные исключительно профессиональной деятельности участников уголовного процесса [3].

Кроме того, в трудах Г. Ф. Горского, Л. Д. Кокарева и Д. П. Котова высказывается идея расширения предмета судебной этики за пределы уголовного и гражданского судопроизводства. Авторы указывают на необходимость включения в неё вопросов, связанных с деятельностью учреждений исполнения наказаний, а также этических аспектов воспитательной работы в исправительных учреждениях. По их мнению, для эффективного нравственного воздействия необходимо учитывать специфику морального сознания различных групп осуждённых и вырабатывать соответствующие подходы к их перевоспитанию.

Очевидно, что из-за недостаточной теоретической проработки проблематики некоторые авторы стремятся включить в предмет формирующейся науки все вопросы, которые так или иначе возникают в практике следственных и судебных органов. Такой подход вряд ли можно признать оправданным. Особенно это проявляется при обсуждении так называемой «морали» преступных групп. Учёные уже давно отмечали, что внутри преступного сообщества действительно могут существовать определённые правила поведения, напоминающие «кодекс чести», однако их сущность сводится к поддержанию корпоративных интересов и сохранению внутригрупповой сплочённости. Это не настоящая нравственность, а скорее психологический феномен, отражающий специфические интересы данной группы. В следственной деятельности подобные обстоятельства учитываются прежде всего с точки зрения психологии — при проведении допроса, очной ставки, обыска или иных процессуальных действий. При этом нравственные критерии используются для оценки допустимости и корректности выбранных методов [11].

Представляется, что к вопросу о сущности судебной этики нельзя подходить однозначно. Работа сотрудников правоохранительных органов всегда имела и будет иметь нравственное измерение. Особенность заключается в том, что в этой сфере нормы морали тесно переплетены с нормами права и нередко закреплены в них в качестве обязательных требований. Это не означает противоречия между моралью и правом. Напротив, их взаимосвязь углубляет понимание общеэтических норм и подчёркивает необходимость их строгого соблюдения именно в условиях уголовного судопроизводства, где решаются судьбы людей.

Точка зрения исследователей, полностью отрицающих существование специфических проявлений морали в различных видах профессиональной деятельности, представляется упрощённой. Если исходить из того, что такой специфики не существует, отпадает сама необходимость в разработке профессиональной этики. Однако практика показывает, что юристы признают важность её существования и дальнейшего развития.

Проявления профессиональной морали следователя становятся особенно наглядными при сопоставлении с этическими нормами медицинской профессии. Так, врач имеет право осматривать пациентов любого пола, тогда как для следователя такие действия в ряде случаев прямо запрещены процессуальным законом (ст. 179, 184, 290 УПК РФ). Для врача важнейшим требованием является сохранение врачебной тайны, ограниченной конкретными данными о состоянии здоровья пациента. В уголовном процессе действует более жёсткое правило: сведения предварительного расследования не подлежат разглашению ни следователем, ни другими участниками процесса (ст. 13, 161 УПК РФ). Эти различия показывают, что выбор средств и методов следователя всегда определяется особенностями его деятельности, которая сочетает правовые предписания с нравственными ограничителями

и напрямую связана с реализацией криминалистической тактики в рамках уголовного судопроизводства.

Актуальность исследования проблем этики в уголовном судопроизводстве во многом объясняется тем, что общество зачастую оценивает деятельность следователя и суда через призму справедливости, не располагая полным объёмом информации о правовых основаниях их решений. В подобных условиях могут возникать искажённые представления о позиции правоохранительных органов: граждане склонны усматривать нарушение законности там, где речь идёт о сложных процессуальных механизмах, либо полагают, что виновные лица избегают ответственности. Такое восприятие отрицательно отражается на нравственно-психологическом климате в обществе и в ряде случаев даже становится фактором, способствующим формированию противоправных установок.

Рассуждая об этике судебной деятельности, необходимо учитывать различие между формированием правовых и нравственных представлений. Об этом ещё в XIX веке писал известный юрист П. Сергеич, подчёркивая, что моральные воззрения общества гораздо более изменчивы, чем писаное право: они подвержены как постепенным эволюционным изменениям, так и резким поворотам, когда прежние ценности неожиданно утрачивают значимость. В дальнейшем эту мысль развивала Е. А. Лукашева, отмечавшая, что общественная мораль обладает высокой чувствительностью к происходящим в социальной сфере изменениям, отражая актуальные тенденции и реагируя на них быстрее, чем система права. Именно поэтому нельзя недооценивать эмоциональные реакции общества, которые напрямую влияют на восприятие деятельности судебных и следственных органов [14] [8].

Общественное мнение формируется, прежде всего, на основании тех действий правоохранительных органов, которые доступны восприятию широких слоёв населения. Закрытая часть работы следователя, связанная с подготовкой материалов и проведением следственных действий, как правило, скрыта от общественного взгляда. Однако итог этой деятельности становится публичным в судебном заседании, когда результаты предварительного расследования рассматриваются открыто. Поэтому именно этап судебного разбирательства требует особой тщательности в подготовке и проведении, поскольку именно здесь формируется окончательное представление общества о справедливости процесса. Как указывал В. И. Ленин, оценка «помыслов и чувств» личности возможна только через её действия, которые, будучи социальными по своей сути, становятся фактом общественной жизни.

Из этого следует, что нормы профессиональной морали должны быть прозрачны и понятны всем участникам процесса. Они не должны противоречить общепринятым нравственным принципам, а напротив — раскрывать их содержание применительно к специфике судебной и следственной деятельности. Одной из характерных черт нравственности выступает её подвижность и невозможность жёсткой формализации, что отличает её от права и придаёт ей особую значимость в уголовном процессе.

На основании вышеизложенного судебную этику можно определить как учение о творческом применении нравственных норм в специфических условиях правоприменительной деятельности. Она изучает взаимосвязь права и морали, исследует их единство и различие с целью формирования справедливых и этически оправданных отношений между участниками процесса. В современных условиях состязательности судебная этика выполняет не только регулятивную, но и воспитательную функцию, оказывая влияние как на граждан, так и на лиц, совершивших преступления. Её следует рассматривать как целостную систему, включающую в себя различные направления, в том числе следственную этику. Последняя, являясь её составной частью, ориентирована на творческое использование нравственных норм в ходе предварительного расследования. Она предполагает гармоничное взаимодействие уголовно-процессуального права, морали и криминалистики, а также содержит практические рекомендации для решения задач, определённых законом на стадии предварительного следствия.

Предметом судебной этики можно считать исследование взаимодействия права, морали и криминалистики (в более узком понимании — рекомендаций криминалистической тактики) в рамках определённых стадий уголовного судопроизводства. Чтобы понять специфику этих элементов, необходимо рассмотреть особенности их соотношения.

Сфера действия у каждого из них различна. Право регулирует исключительно юридические отношения, определяя порядок и пределы поведения участников процесса. Криминалистические рекомендации охватывают как правовые, так и фактические аспекты деятельности, помогая оптимизировать процесс расследования и повысить его результативность. Нормы морали выходят за рамки права и распространяются на все межличностные отношения, в том числе на те, которые прямо не урегулированы законом, но требуют нравственной оценки [13].

Различается и степень их детализации. Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает общие правила и последовательность действий, очерчивая рамки деятельности следователя и суда. Криминалистика, напротив, даёт более детальные и практико-ориентированные рекомендации, позволяя учитывать особенности конкретной ситуации. Мораль же охватывает весь спектр человеческих взаимоотношений, но делает это без строгой систематизации, опираясь на внутренние убеждения, традиции и общественные ценности.

Форма выражения также различается. Нормы уголовного процесса имеют обязательный характер и закреплены в законодательстве. Криминалистические приёмы, как правило, носят рекомендательный характер и формулируются в научной литературе в виде обобщённых правил. Нормы морали выражаются в неписаных требованиях общества, воспринимаемых как желательные и обязательные с точки зрения общественного сознания, но не оформленные в единую систему.

Способы обеспечения этих норм также неодинаковы. Правовые предписания подкреплены как силой убеждения, так и механизмами государственного принуждения. Тактические приёмы криминалистики опираются главным образом на силу убеждения, но иногда их выполнение связано с процессуальными требованиями, закреплёнными в законе. Нормы морали, в свою очередь, обеспечиваются социальным воздействием — осуждением или одобрением со стороны общества.

Различия прослеживаются и в условиях применения. Правовые нормы начинают действовать с момента возбуждения уголовного дела и сопровождают процесс на всех его стадиях. Криминалистические приёмы могут использоваться даже до возбуждения дела, активно применяются в ходе расследования и в отдельных случаях учитываются при приостановлении производства. Моральные же нормы действуют постоянно, охватывая любые жизненные обстоятельства и ситуации взаимодействия между людьми [5].

Проведённое сопоставление позволяет выделить особую роль каждого из этих трёх регуляторов в процессе расследования преступлений. Право задаёт обязательные рамки, криминалистика обеспечивает практическую результативность, а мораль наполняет деятельность участников процесса нравственным содержанием, придавая ей человеческое измерение. В совокупности они формируют целостную систему регулирования, без которой уголовное судопроизводство не могло бы выполнять свои задачи справедливо и гуманно.

Рассмотрение нравственных основ уголовного судопроизводства позволяет сделать вывод о том, что право, мораль и криминалистика образуют единую систему регуляторов, без взаимодействия которых невозможна полноценная реализация задач правосудия. Право определяет обязательные рамки и процедурный порядок, криминалистика обеспечивает практическую эффективность следственных действий, а мораль придаёт всему процессу человеческое измерение, связывая юридическую форму с содержанием справедливости и гуманизма.

Именно моральные начала позволяют наполнить уголовное судопроизводство доверием общества, поскольку они выражают высшие ценности — уважение к личности, её достоинству и правам. В то время как закон задаёт формальные требования, а криминалистическая тактика — инструменты, мораль выступает гарантом того, что данные средства будут применяться с учётом этических ориентиров. Таким образом, нравственность в судебной и следственной деятельности не является дополнительным или второстепенным элементом: она представляет собой фундамент, определяющий легитимность и справедливость всего процесса.

В совокупности это подтверждает, что судебная этика должна рассматриваться как развивающаяся наука, исследующая диалектическое взаимодействие права и морали в правоприменительной практике, и как практическое руководство, обеспечивающее справедливое, гуманное и социально значимое функционирование уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Алексеев С. С. Введение в юридическую специальность. М., 1976. С. 161.
2. Архангельский Л. М. Марксистская этика. М., 1985. С. 220.
3. Горский Г. Ф., Кокарев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Воронеж, 1973. С. 17–18.
4. Иванов В. Г. История этики Древнего мира. Л., 1980. С. 20.
5. Комиссаров Владимир Иванович Нравственные основы уголовного судопроизводства // Вестник СГЮА. 2012. № Дополнительный.
6. Кони А. Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1959. С. 140.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 90.
8. Лукашева Е. А. Социально-этические проблемы социалистической законности // Советское государство и право. 1982. № 4. С. 21.
9. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии: дис.... д-ра юрид. наук. Минск, 1977. С. 45.
10. Проблемы судебной этики. М., 1974. С. 13 (автор главы — М. С. Строгович).
11. Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006. С. 130.
12. Ривлин А. Л. Нравственные начала в уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1971. № 8. С. 114.
13. Рудаева Ю. С., Подопригора А. А. Нравственные основы уголовного судопроизводства // Скиф. 2023. № 6 (82).
14. Сергеич П. Искусство речи на суде. СПб., 1910. С. 150.

Непоименованные способы защиты гражданских прав: теоретико-правовой анализ

Буркот Александр Борисович, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В статье автор проводит исследование непоименованных способов защиты гражданских прав как важного инструмента адаптации правовой системы к динамично развивающимся общественным отношениям. Рассматривается классификация способов защиты прав на именованные (прямо закреплённые в законе) и непоименованные (не указанные непосредственно в правовых нормах, но допускаемые правоприменительной практикой), обосновывается актуальность изучения последних в условиях эволюции гражданского оборота. Автор анализирует правовую природу непоименованных способов через призму ключевых принципов гражданского права (диспозитивности, дозволительной направленности регулирования, баланса интересов сторон), формулирует отличительные признаки таких способов и условия их применения.

Ключевые слова: способы защиты гражданских прав, непоименованные способы защиты.

В системе права способы защиты прав некоторые учёные приводят в качестве классификации и возможного критерия разграничения способов защиты на: именованные (прямо закреплённые в законе) и непоименованные (не указанные непосредственно в правовых нормах, но допускаемые судебной и иной правоприменительной практикой). Актуальность исследования непоименованных способов обусловлена динамичным развитием гражданского оборота: правовая система должна гибко реагировать на появление новых форм нарушений, не теряя при этом юридической определённости.

Согласно статье 12 ГК РФ, защита гражданских прав осуществляется способами, предусмотренными законом. При этом перечень способов не является исчерпывающим — его открытый характер позволяет применять и иные меры, если они соответствуют основополагающим принципам гражданского права [1, ст. 1], не противоречат закону, обеспечивают восстановление нарушенного права и соразмерны допущенному нарушению. Таким образом, непоименованные способы защиты представляют собой юридически допустимые меры принудительного воздействия на нарушителя, которые не зафиксированы прямо в нормах гражданского законодательства, но выработаны правоприменительной практикой — прежде всего судебной — для восстановления нарушенных прав и интересов.

Правовая природа таких способов обусловлена несколькими ключевыми началами гражданского права. Во первых, принципом диспозитивности, позволяющим участникам оборота самостоятельно выбирать модели поведения в рамках закона. Во вторых, дозволительной направленностью гражданско-правового регулирования, ориентированного на расширение свободы усмотрения субъектов. В третьих, необходимостью обеспечения баланса интересов сторон: право должно не только защищать управомоченного субъекта, но и не допускать необоснованного ущемления прав ответчика.

Для отграничения непоименованных способов от именованных можно выделить ряд характерных признаков. Прежде всего, это отсутствие прямого нормативного закрепления: соответствующий способ не назван в статье 12

ГК РФ и иных статьях кодекса. Вместе с тем он производится от общих принципов права — опирается на требования добросовестности, разумности и справедливости [1, ст. 1]. Его допустимость, как правило, утверждается посредством судебной практики, в том числе постановлений Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. При этом направленность способа всегда восстановительная: его цель — восстановление нарушенного права, а не наказание нарушителя. Наконец, мера должна быть соразмерной и целесообразной, то есть адекватной нарушению и способной достичь правового результата.

Применение непоименованных способов допускается при совокупности определённых условий. Необходимо наличие нарушенного субъективного гражданского права; недостаточность или неэффективность именованных способов защиты; соответствие избранного способа принципам права и основам нравственности; отсутствие прямого запрета в законе. В то же время пределы применения таких способов строго ограничены: они не могут выходить за рамки требований добросовестности, допускать злоупотребление правом, нарушать принцип правовой определённости и игнорировать необходимость соблюдения баланса интересов сторон [1, ст. 10].

Анализ судебной практики позволяет выделить ряд фактически применяемых непоименованных способов. К ним относят, например, признание недействительным акта саморегулируемой организации, если такой акт нарушает права участника оборота, а специальные способы защиты не предусмотрены. Другим примером служит возложение обязанности предоставить информацию в случаях, когда закон прямо не закрепляет право на её получение, но реализация этого права необходима для защиты иного субъективного права. Нередко суды используют механизм пресечения действий, создающих угрозу нарушения права, расширяя тем самым толкование статьи 12 ГК РФ в части предупреждения вреда. В нестандартных ситуациях, когда классический виндикационный или негаторный иск неприменим, применяется восстановление положения, существовавшего до нарушения. Кроме того, в спорах о товарных знаках и фирменных наименованиях

при отсутствии прямого регулирования встречается признание права на использование обозначения.

Важно подчеркнуть, что непоименованные способы не подменяют, а дополняют, закреплённые в ст. 12 ГК РФ способы. Их применение возможно лишь при наличии пробела в регулировании, невозможности достижения цели защиты посредством закреплённых законом мер и обязательной судебной оценке соразмерности и допустимости избранного способа. При этом суд обязан мотивировать свой выбор: указать причины, по которым именованные способы не могут быть использованы; сослаться на общие принципы права; обосновать, почему избранная мера соответствует целям защиты и не выходит за пределы допустимого.

Вместе с тем практика применения непоименованных способов сопряжена с рядом существенных проблем. Прежде всего, отмечается неопределённость критериев их допустимости, что создаёт риск судебного произвола при отсутствии чётких границ. Кроме того, наблюдается противоречивость судебной практики в разных юрисдикциях, а также отсутствие систематизации выработанных способов, что затрудняет их предсказуемое применение. В этой связи представляются перспективными несколько направлений развития. Во первых, доктринальное обобщение сложившихся непоименованных способов с выделением их типов и описанием условий применения. Во

вторых, формирование правовых позиций Верховного Суда РФ, устанавливающих чёткие критерии их использования. В третьих, постепенное законодательное закрепление отдельных способов, доказавших свою эффективность на практике. Наконец, разработка методических рекомендаций для судов по оценке соразмерности и допустимости непоименованных мер позволит унифицировать подход и снизить правовую неопределённость.

Таким образом, непоименованные способы защиты гражданских прав выступают важным инструментом адаптации гражданского права к динамично развивающимся общественным отношениям. Их применение, основанное на принципах добросовестности и справедливости, позволяет восполнять пробелы правового регулирования и обеспечивать эффективную защиту нарушенных прав. Однако соблюдение принципа правовой определённости требует от правоприменителя чёткой аргументации при использовании таких способов, систематизации сложившейся практики и постепенного законодательного закрепления наиболее устойчивых мер. Дальнейшее исследование данной темы должно быть направлено на выработку унифицированных критериев допустимости непоименованных способов и их последовательную интеграцию в систему гражданского права, что будет способствовать как защите субъективных прав, так и поддержанию стабильности гражданского оборота.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ.
2. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ».
3. Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств».
4. Алексеев С. С. Гражданское право: учебник. — М.: Норма, 2023.
5. Суханов Е. А. Российское гражданское право: в 2 т. — М.: Статут, 2024.

Актуальные проблемы применения виндикационного иска

Буркот Александр Борисович, студент магистратуры

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В статье автор исследует ключевые проблемы реализации виндикационного иска как основного инструмента защиты права собственности в российском праве. Рассматриваются условия удовлетворения требований собственника о возврате имущества, выявляются особенности установления добросовестности приобретателя и оцениваются пределы применения данного института. Особое внимание уделяется практике судов разных уровней, анализируются подходы Верховного и Конституционного судов РФ к защите добросовестного оборота и исключениям из общего порядка виндикации. Приводятся рекомендации по формированию эффективной стратегии судебного разбирательства с учётом распределения бремени доказывания и возможных юридических рисков.

Ключевые слова: способы защиты гражданский прав, вещно-правовые способы защиты, виндикационный иск.

Виндикационный иск согласно статье 301 Гражданского кодекса Российской Федерации представляет

собой основополагающее средство восстановления нарушенного права собственности путём возвращения иму-

щества, незаконно удерживаемого третьими лицами. Применение данного института связано с целым комплексом сложных правовых вопросов, нуждающихся в тщательной юридической оценке.

Особенности разрешения виндикационных споров закреплены в статье 302 ГК РФ, предусматривающей ряд условий, необходимых для положительного результата рассмотрения иска:

Во-первых, ключевое значение имеет установление факта утраты собственником контроля над имуществом помимо его воли, будь то вследствие потери, кражи либо иных противоправных действий третьих лиц. Бремя доказывания отсутствия добровольной передачи объекта лежит непосредственно на истце, что зафиксировано пунктом 39 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10/22.

Во-вторых, существенным фактором является оценка добросовестности приобретателя, подразумевающая незнание или невозможность знания о незаконности отчуждения имущества на момент заключения сделки. Регистрация недвижимости в Едином государственном реестре недвижимости не выступает безусловным доказательством добросовестности покупателя, как указано в пункте 38 указанного постановления.

Третье условие касается возмездности приобретения, предполагающая полную оплату стоимости имущества до момента информированности приобретателя о недействительности отчуждения, согласно пункту 37 упомянутого документа.

Судебная практика выработала дополнительные критерии оценки добросовестности участников сделок, включая степень проявленной осмотрительности и выявление очевидных признаков нарушения законных прав продавца. Обязанность представления доказательств распределяется следующим образом: истец должен подтвердить факты выбытия имущества вопреки своему желанию, ответчик же несёт бремя подтверждения собственной добросовестности и возмездности покупки (пункт 35 постановления Пленума ВС РФ № 10/22, апелляционное определение Воронежского областного суда от 16 января 2024 г.).

Существуют отдельные категории объектов, изъятые из-под действия виндикационного механизма. Так, денежные средства ввиду своего родового характера не подлежат возврату в порядке виндикации. Аналогичным образом ограничены возможности обращения к данному институту применительно к ценным бумагам предъявительского типа и безналичным ак-

тивам, подтверждающим право требования денежных средств, купленным на специализированных биржевых площадках (статья 147.1 и статья 149.3 ГК РФ соответственно).

Необходимо учитывать соотношение понятий виндикации и реституции. Последняя осуществляется исключительно при признании сделки недействительной, однако не служит заменой виндикационному иску, если покупатель действовал добросовестно (пункт 3.1 постановления Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П). Выбор метода защиты определяется индивидуально исходя из особенностей конкретной ситуации: виндикация целесообразна при установлении добросовестности приобретателя, тогда как реституция предпочтительна в случаях признания договора недействительным и недобросовестности контрагента.

Обобщив судебную практику, отметим позицию высших судебных инстанций, подчеркивающих необходимость соблюдения принципа защиты добросовестного оборота и ограничения виндикации случаями принудительного лишения собственника имущества. Для достижения успеха в процессе важно обеспечить достаточную доказательную базу, отражающую утрату контроля над объектом вопреки воле владельца, оспорить утверждения приобретателя относительно добросовестности и уплаты полной цены, учесть возможные исключения, освобождающие объект от истребования (денежные средства, некоторые ценные бумаги).

Таким образом, виндикационный иск остаётся основным инструментом защиты права собственности, однако успешное его использование требует детального анализа ряда факторов: установления факта утраты имущества вне зависимости от воли собственника, выявления добросовестности приобретателя и выяснения наличия исключаяющих ситуаций (деньги, специальные виды ценных бумаг). Судебная практика демонстрирует строгий подход к определению добросовестности сторон, особенно при оценке внимательности и осмотрительности приобретателей. Подход к выбору способа защиты предполагает дифференцированный подход: виндикация используется преимущественно при отсутствии нарушений закона со стороны покупателя, тогда как реституция необходима в ситуациях прямой незаконности сделки. Итоговый успех истца зависит от способности представить убедительные доказательства невольного выбытия имущества и оспаривания доводов ответчика о добросовестности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
2. Постановление Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, связанных с защитой права собственности».
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.06.2012 № 360/12.
4. Постановление КС РФ от 21.04.2003 № 6-П.

Понятие государственной гражданской службы в Российской Федерации

Васин Станислав Вячеславович, специалист по охране труда (г. Магадан)

Ключевые слова: виды государственной службы, государственная гражданская служба.

Государственная гражданская служба Российской Федерации — вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации (включая нахождение в кадровом резерве и другие случаи) [2].

Государственная гражданская служба Российской Федерации подразделяется на федеральную государственную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъектов Российской Федерации. Причем федеральная государственная служба находится в ведении Российской Федерации, следовательно, власти субъектов России обязаны координировать свою деятельность в рамках федерального законодательства [1].

Под государственной гражданской службой субъекта РФ понимается профессиональная служебная деятельность граждан на должностях государственной гражданской службы субъекта РФ по обеспечению исполнения полномочий субъекта РФ, а также полномочий государственных органов субъекта РФ и лиц, замещающих государственные должности субъекта РФ. Правовое регулирование государственной гражданской службы субъекта РФ находится в совместном ведении Российской Фе-

дерации и субъектов РФ, а ее организация — в ведении субъекта РФ [4].

Особым видом службы является государственная гражданская служба, которая может касаться социально-культурного обслуживания людей, осуществления управленческой деятельности, обеспечения деятельности органов государственной власти и т. д. [5]

Поэтому государственный служащий в рамках полномочий по замещаемой должности всегда выступает от имени и по поручению государства [3].

Таким образом, согласно действующему законодательству, государственная гражданская служба осуществляется в государственных органах, правовой статус которых определяется Конституцией РФ и законом, государственными служащими, правовой статус и властная деятельность которых также детально регламентируется законом и иными нормативными актами. Все это придает государственной гражданской службе параметры публично-правового института, имеющего решающее значение для формирования государственности, осуществления государственной власти и воплощения социальной роли государства в обществе.

Нормативно-правовую базу аттестации государственных гражданских служащих составляет Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в ст. 48 регулирует аттестацию гражданских служащих [2]. Также следует отметить Указ Президента [6].

Аттестация гражданского служащего имеет своей целью определение соответствия гражданского служа-

Рис. 1. Нормативно-правовая база аттестации государственных гражданских служащих

Рис. 2. Приложения к мотивированному письму

щего занимаемой им должности. Во время проведения аттестации руководитель государственного служащего должен предоставить мотивированный отзыв о своем подчиненном — об уровне исполнения им своих обязанностей, общую оценку служащего.

В качестве приложения к мотивированному отзыву прикладываются (рис. 2): перечень работ, выполненных

подчиненным; поручения, исполняемые подчиненным; перечень оформленных подчиненным документов; отзыв служащего на отзыв руководителя.

Аттестации проходят не все категории государственных служащих. От нее освобождены руководители, а также советники, работающие по служебному контракту.

Литература:

1. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от № 58-ФЗ // СПС http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/
2. О государственной гражданской службе в Российской Федерации: Федеральный закон от № 79-ФЗ // СПС http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/
3. Булдакова А. С. Государственная гражданская служба как элемент системы государственной службы Российской Федерации: понятие, признаки // В сборнике: Приоритеты юриспруденции и современной правовой системы. сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 58–61.
4. Жукова С. М. Государственная гражданская служба в Российской Федерации: монография / С. М. Жукова. — Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2024. — 116 с.
5. Соколов А. П. Особенности механизма прохождения государственной гражданской службы в органах государственной власти // Журнал прикладных исследований. 2025. № 1. С. 79–86.
6. Указ Президента РФ от 01.02.2005 N 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 07.02.2005, N 6, ст. 437.

Вопросы совершенствования правоотношений по распространению органами власти информации в социальных сетях

Воробьева Мария Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Газаева Анна Ахматовна, кандидат юридических наук, зав. кафедрой
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования общественных отношений, возникающих в процессе распространения информации в социальных сетях органами власти. Анализируются ключевые вызовы, связанные с распространением информации в интернет-среде, а именно через социальные сети. В работе обсуждаются системные направления совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: распространение информации, правовая категория, объект правоотношения, социальные сети, официальная страница, государственная метка, системы быстрого реагирования, вызовы.

Issues of improving the legal relationship on the dissemination of information by authorities on social networks

Vorobeva Maria Dmitrievna, master's student

Scientific advisor: Gazaeva Anna Akhmatovna, ph.d. in law, head of department

Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article discusses current issues of legal regulation of public relations that arise in the process of disseminating information in social networks by government authorities. It analyzes key challenges related to the dissemination of information in the Internet environment, specifically through social networks. The article discusses systemic approaches to improving legal regulation.

Keywords: dissemination of information, legal category, object of legal relations, social networks, official page, state label, rapid response systems, and challenges.

Распространение информации является фундаментальным процессом для функционирования современного общества, экономики и государства. В эпоху цифровизации этот процесс приобрел качественно новые характеристики: глобальность, мгновенность, интерактивность, алгоритмизацию и демократизацию. Традиционные модели правового регулирования зачастую не успевают адаптироваться к стремительно меняющейся цифровой реальности, что порождает значительные правовые пробелы и коллизии. Статья посвящена анализу ключевых проблем и выработке предложений по совершенствованию правового регулирования правоотношений, возникающих при распространении информации в интернет-среде.

Цель работы — определить пробелы в правовом вопросе присутствия и осуществления деятельности органами власти в социальных сетях.

Распространение информации представляет собой сложный процесс предоставления всей необходимой доступной информации в соответствии с запросом интересующей стороны. Ключевую роль здесь играет сам процесс исполнения — непосредственная реализация заданного запроса и фильтрация существующей по нему информации. [5]

Углубляясь в международные отношения, понятие «распространение информации» нередко употребляется с точки зрения свободы слова и информационной открытости, что подтверждает значимость правового регулирования в рамках обеспечения сбалансированной системы между доступностью информации и защитой от злоупотреблений. Законодательная база является ключевым элементом в формировании информационной среды, благодаря которой существуют свобода слова и защита интересов. [6]

Распространение информации может рассматриваться и как правовая конструкция: распространение в данном случае — это правоотношение, где объектом действия права как раз может являться информация. [2]

Понятие «распространение информации» в правовом контексте интерпретируется согласно Статье 2 Федерального закона N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» следующим образом:

«Распространение информации — это действия, направленные на получение информации неопределенным

кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц».

В настоящее время распространение информации органами государственной власти в сети Интернет пользуется все большей популярностью, поэтому служит важным элементом взаимодействия государства и граждан. Возможное общественное сопротивление и возмущение в Интернет-сети, потребность в контроле над ним и являются условием для «самопрезентации» органов власти в Интернете, предоставления населению электронных услуг.

Исследуемым объектом правоотношения по распространению информации в данной работе служат социальные сети. Существуют некоторые вызовы для права в этой стези:

— Первостепенно в качестве проблемы правового регулирования выделяется следующее — отсутствие единых стандартов и регламентов. Отсюда разрозненность региональных нормативных актов и разный уровень качества.

— В соответствии с 8-ФЗ органы власти должны адреса официальных страниц размещать на официальном сайте, чтобы граждане могли подписываться на официальные группы. [1] Поэтому можно заметить, что на официальных сайтах ссылки на социальные страницы у большинства органов власти указаны и, наоборот, — в социальных сетях есть ссылки на официальные сайты. Благодаря этим ссылкам, можно без труда перейти прямо из официального сайта в искомую социальную сеть (и наоборот) для получения актуальной информации, что позволит сократить количество «кликов» и поисковых запросов в сети Интернет, а тем самым сократить и личное время пользователей, которое они тратят на поиск нужных ссылок и страниц. Ссылки на страницы позволяют избегать выхода на «фейковые» страницы, которые могут публиковать ложную информацию или обладать недостоверными данными. Обычно ссылки на официальные профили в социальных сетях оформляются в виде значков или кнопок, и помещаются в заголовок или нижнюю часть веб-сайта. Также для удобства можно оставлять ссылки в разделе «Контактная информация», т. к. данный раздел подразумевает набор данных, с помощью которых можно наладить коммуникационный

процесс. Сюда чаще всего входит: название органа, ФИО, адреса, телефонные номера, мессенджеры, факсы, рабочий график и т. д.

К сожалению, не у всех органов власти есть активные ссылки на официальных сайтах. Это может служить недостатком правовой системы по данному вопросу, т. к. отсутствие ссылок делает социальные сети труднодоступными и скрытыми каналами связи, возрастает вероятность создания фейковых страниц. Также у граждан может появиться мнение, что самостоятельно найденные социальные сети являются второстепенным и неофициальным источником связи, отсюда и их обращения могут быть не замечены, либо проигнорированы.

— Решить данную проблему может помочь государственная метка. Госметка — это специальная отметка, подтверждающая официальный статус аккаунта или сообщества органа власти или какой-либо другой подведомственной организации, в которых публикуется актуальная и достоверная информация о своей деятельности. Получить данную метку органы могут через справочно-информационный портал «Госуслуги».

Отсутствие этой метки для органов власти может быть чревато возможным недоверием пользователей той информации, которая публикуется на данных страницах. Отсюда проблема правовой неопределенности статуса официальных аккаунтов.

— По моим наблюдениям в большинстве органов власти официальные страницы/аккаунты в социальных сетях ведет служащий/специалист в дополнение к другим своим обязанностям. Это можно выделить в качестве еще одного пробела в правовом вопросе по данной теме. Возможные проблемы в работе органов власти с населением в социальных сетях можно связать с нехваткой кадров в этой области и времени у основных служащих, которые вынуждены параллельно с решением основных рабочих вопросов и проблем заниматься ведением и оформлением официальных аккаунтов и пабликов. Отсюда можно сделать вывод о том, что сейчас действительно мало ориентированных на онлайн-сферу служащих, которые бы занимались социальными сетями в качестве основной своей деятельности. Можно предположить, что совмещение своих основных обязанностей с «дополнительными» (а именно ведение социальных сетей) характеризуется низкой продуктивностью. Следовательно, занимаясь социальными сетями — публикацией постов, ответами на комментарии и вопросы, — служащие не успевают выполнять свои основные обязанности.

Для устранения этих рисков необходимо принять на службу гражданина, чьей основной обязанностью будет непосредственно ведение социальных сетей, официальных аккаунтов, публикация новостного и развлекательного контента, генерация и реализация новых идей по развитию и усовершенствованию официальных страниц. Для этого можно законодательно ввести и закрепить данную должность, чтобы все органы власти придерживались этого подхода.

— Так как тема социальных сетей в деятельности государственных и муниципальных органов власти сейчас еще только развивается, многие нюансы не проработаны. Так, например, немаловажной является материальная сторона данного вопроса. Нужны финансовые ресурсы для рекламы и пиара, продвижения сайтов в сети Интернет, чтобы увеличить аудиторию, привлечь как можно больше заинтересованных граждан. Также появляется необходимость оплаты труда/надбавки к денежному довольствию государственных и муниципальных служащих, занимающихся ведением социальных сетей.

— Также можно говорить и о регулировании обратной связи и работы с обращениями граждан. В данном контексте есть риск возникновения некоторых проблем: нарушение прав граждан на обращение в орган власти, разрозненная практика ответов (некоторые комментарии могут быть пропущены или проигнорированы, других пользователей могут перенаправить в другую сеть или госуслуги и пр.). В настоящее время активно внедряются и применяются системы быстрого реагирования, позволяющие наладить диалог между гражданами и государственными и муниципальными органами.

— Социальные сети являются динамичной информационной платформой: публикации, комментарии, сообщения могут удаляться, редактироваться. Не везде есть возможность архивации информации. В негативном случае могут возникнуть сложности с доказыванием какой-либо позиции.

— Также в качестве проблемы использования органами власти социальных сетей, не относящейся к правовому вопросу, можно выделить техническую часть: низкая скорость интернета/загрузки, пустые недействительные страницы, большая загруженность сайта, внутренняя ошибка сервера, DoS-атаки (вирусы) и т. д.

Таким образом, совершенствуя законодательство в сфере присутствия органов власти в социальных сетях, ожидаются следующие результаты:

- 1) Повышение уровня доверия граждан и формирование и поддержание положительного имиджа;
- 2) Отработка обратной связи и повышение интереса у граждан. Через социальные сети органы власти могут увидеть все проблемные вопросы, которые интересуют людей, негативные комментарии касательно насущных тем. В этом также помогают и системы быстрого реагирования, которые начали внедряться и действовать относительно недавно. Эти системы позволяют вести прямой диалог с гражданами, незамедлительно информировать о проводимых мероприятиях, устранять недостатки и отвечать на вопросы пользователей.
- 3) Унификация и повышение качества, что создаст единый стандарт работы для всех органов власти.
- 4) Снижение различных рисков. Устранение кибератак, фейковых страниц, распространения ложной информации.
- 5) Налаживание подотчетности за счет сохранения и архивации органами власти данных, а также повышение прозрачности в деятельности в социальных сетях.

Литература:

1. Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ (последняя редакция) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 2023 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448; Собрание законодательства РФ. 2023. (Ст.5) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
3. Распоряжение Правительства РФ от 10 июля 2013 г. № 1187-р «Об утверждении перечня общедоступной информации о деятельности федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70313602/>
4. Дженакова Е. В. Вопросы совершенствования правового регулирования отношений по распространению информации // European and Asian Law Review. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sovershenstvovaniya-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-po-rasprostraneniyu-informatsii>
5. Талимончик В. П. Международно-правовое регулирование отношений информационного обмена © В. П. Талимончик, 2018 © ООО «Юридический центр-Пресс», 2018 URL: <https://www.litres.ru/book/valentina-talimonchi/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-otnosheniy-infor-11252231/chitat-onlayn/>

Правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления в социальных сетях

Воробьева Мария Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Газзаева Анна Ахматовна, кандидат юридических наук, зав. кафедрой

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье приводятся результаты анализа правовых актов органов местного самоуправления Российской Федерации, которые регулируют создание и ведение официальных страниц в социальных сетях, делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования деятельности органов местного самоуправления в социальных сетях.

Ключевые слова: правовое регулирование, нормативные документы, органы местного самоуправления, социальные сети, взаимодействие, Интернет.

Legal regulation of the activities of local self-government bodies in social networks

Vorobeva Maria Dmitrievna, master's student

Scientific advisor: Gazeaeva Anna Akhmatovna, ph.d. in law, head of department

Ivanovo Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article presents the results of the analysis of the legal acts of local self-government bodies of the Russian Federation, which regulate the creation and maintenance of official pages in social networks, and concludes that it is necessary to improve the legal regulation of the activities of local self-government bodies in social networks.

Keywords: legal regulation, regulatory documents, local self-government bodies, social networks, interaction, Internet.

Социальные сети повсеместно используются органами публичной власти для коммуникации с гражданами и внутреннего взаимодействия. Длительное время присутствие органов власти в социальных сетях основывалось на саморегулировании, социальные сети устанавливали собственные правила поведения пользователей и модерации контента, которые закреплялись в пользовательских соглашениях. С 1 декабря 2022 года все органы местного самоуправления и подведомственные ор-

ганизации обязаны создавать и наполнять актуальной информацией официальные страницы. А со второй половины 2025 года была разработана и внедрена еще одна программа — МАХ. Данная платформа признана национальным мессенджером и готовится «открыть двери» для всех государственных и муниципальных служащих.

В связи с этим возникает необходимость изучения опыта правового регулирования использования органами публичной власти социальных сетей.

Цель работы — определить особенности регулирования деятельности органов местного самоуправления в социальных сетях.

В работе обобщены правовые акты, которые регламентируют использование социальных сетей органами публичной власти на региональном и муниципальном уровне. Поиск документов велся с применением справочно-правовой системы «ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия» (данные актуальны на 1 сентября 2025 г.). Всего изучено более 15 документов, которые приняты региональными администрациями и исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления.

Отметим, что публикации, которые посвящены вопросам регламентации социальных сетей в части использования органами публичной власти, немногочисленны. Сложность регулирования отношений в сети связана с рядом уникальных свойств непосредственно Интернет-среды:

во-первых, Интернет представляет собой глобальное пространство, которое не привязано к определенной территории и юрисдикции;

во-вторых, Интернет наполнен огромным количеством информации различного характера, постоянно обновляемой и распространяемой его пользователями;

в-третьих, в Интернете действует множество субъектов — от физических лиц до крупных международных компаний, что усложняет определение подведомственности.

В связи с указанными обстоятельствами государство сталкивается с широким кругом проблем, которые вызваны отсутствием специальной терминологии, неопределенным предметным составом и особым субъектным составом Интернета [1]. Регулирование отношений в социальных сетях испытывает схожие трудности: дефицит терминологической определенности, сложность в установлении подведомственности, территориальной принадлежности действий, что затрудняет разработку эффективных правовых механизмов регулирования деятельности в социальных сетях.

Первоначально аккаунты органов власти в социальных сетях создавались в инициативном порядке как реакция на массовое распространение нового канала коммуникации, поэтому регулировались самостоятельно, основываясь на правилах сети. Существенные перемены связаны с принятием в 2022 году изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ [19]. Ранее статья 10 закона обязывала органы власти создать официальный сайт, посредством которого граждане и организации получали доступ к информации о деятельности государственных и муниципальных органов. С появлением новых и более распространенных способов коммуникации, официальный сайт не выполнял задачи по обеспечению граждан оперативной информацией о деятельности органов власти. В статью 10 ФЗ-8 были внесены дополнения о со-

здании официальных страниц в социальных сетях государственными органами, органами местного самоуправления и подведомственными им организациями [20]. Под официальной страницей понимают персональную страницу в информационных системах и/или программах для электронных вычислительных машин, созданных государственным органом, органом местного самоуправления или подведомственной организацией, содержащую информацию об их деятельности и соответствующую требованиям законодательства. Пункт 1.2 закона указывает, что размещение, доступ к информации и взаимодействие с пользователями на официальных страницах происходит с использованием инфраструктуры, которая обеспечивает информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Как и требует закон ФЗ-8, распоряжением Правительства РФ определены в качестве «информационной системы для создания официальных страниц» две популярные социальные сети — «ВКонтакте» и «Одноклассники», в которых органы власти, подведомственные организации и суды должны создать официальные аккаунты [17].

В данной работе мы сфокусировались на органах местного самоуправления, но требуются отсылки к региональным актам, так как правовые акты субъектов содержат информацию о необходимости для органов местного самоуправления руководствоваться положениями, которые установлены региональными органами. Например, в Курской [5], Новосибирской [16], Кемеровской [10], Кировской [4], Ростовской областях [14] главам администраций муниципальных образований рекомендовано принять правовые акты, регулирующие вопросы создания и ведения аккаунтов в социальных сетях с учетом положений акта, принятого на региональном уровне. А вот в Оренбургской [18], Смоленской областях [12] рекомендация принять правовые акты, регулирующие вопросы создания и ведения аккаунтов указанных органов местного самоуправления в социальных сетях, не содержит указания на использование регионального документа. Поэтому в некоторых документах органов местного самоуправления дублируются региональные положения по использованию социальных сетей.

Установлены два вида правовых актов, регулирующих использование социальных сетей на местном уровне, — распоряжения и постановления администрации муниципального образования, чаще по данному вопросу принимаются постановления. В зависимости от предмета регулирования были выявлены два типа правовых актов, которые аналогичны классификации, предложенной А. В. Мазеиным для региональных актов [2].

Правовые акты, принятые в муниципальных образованиях, регулируют:

1) создание и ведение аккаунтов органов местного самоуправления, отдельных подразделений, подведомственных организаций (порядок);

2) организацию работы с сообщениями, комментариями в социальных сетях (порядок, регламент).

На практике муниципальные образования принимают отдельные документы по каждому направлению, так, например, в муниципальном образовании Геленджик разработан порядок создания аккаунтов [7] и положение о работе с сообщениями [8]. Второй путь — разработка единого акта, который включает оба направления [6].

В данной работе внимание сосредоточено на вопросах создания и ведения официальных аккаунтов муниципальных органов. Работа с сообщениями пользователей согласовывается с функционированием системы мониторинга и реагирования на комментарии и публикации граждан в социальных сетях «Инцидент Менеджмент» и требует специального изучения.

Принятые порядки создания и ведения аккаунтов (далее — порядки...) включает общую информацию, например, пояснение понятий, указание на ответственных за создание и ведение официальных страниц органов местного самоуправления. Как показывают документы, уполномоченные входят в различные структурные подразделения: например, в управление по организационным вопросам и правовому обеспечению; комитет информационной политики; управления информации и аналитической работы; отдел по взаимодействию со средствами массовой информации; организационно-правовое управление; сектор информационных ресурсов; общий отдел; отдел культуры, спорта и молодежной политики управления культуры, спорта и молодежной политики, но, как правило, это сфера информационной политики и связей с общественностью.

В правовых актах устанавливаются социальные сети, в которых создаются аккаунты. Как уже говорилось выше, в Распоряжении Правительства РФ от 02.09.2022 № 2523-р, «ВКонтакте» и «Одноклассники» определены в качестве сетей, где размещаются официальные страницы, но не уточняется, требуется создать аккаунты в обеих сетях или в одной из указанных по выбору. Поэтому в порядках наблюдается несколько вариантов указания на выбор сети:

- конкретные сети не указываются;
- указаны «ВКонтакте», «Одноклассники»;
- указаны «ВКонтакте», «Телеграм»;
- указаны «ВКонтакте», «Одноклассники», «Телеграм».

В правовых актах 2020–2021 годов, помимо перечисленных назывались сети Instagram², Facebook*, Twitter. Но в 2022 глобальные сети признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории России, поэтому официальные страницы органов власти на указанной платформе не ведутся. Органы местного самоуправления самостоятельно определяют количество социальных сетей, в которых создаются официальные страницы, при

этом сеть «ВКонтакте», исходя из изученных документов, используют для создания страниц все ОМСУ.

В порядках содержатся в целом однотипные разделы и подразделы, регламентирующие организацию работы в социальных сетях:

- вопросы обеспечения безопасности размещения и доступа к размещаемой информации;
- функции подразделения / уполномоченного в отношении официальных страниц в муниципальном образовании.

Существенным является вопрос относительно содержания наполнения страниц. В законе 270-ФЗ указывается, что на своих аккаунтах и официальных страницах в социальных сетях органы публичной власти должны публиковать отчеты о проведенных мероприятиях, комментировать насущные вопросы и предоставлять возможность населению высказывать мнения, также закреплять актуальные контактные данные, в том числе адрес электронной почты и доступные телефонные номера [20, 3].

Планировалось, что Правительство РФ помимо перечня ресурсов для размещения аккаунтов, укажет критерии, касающиеся периодичности публикации контента, применения визуальных элементов, стиля при подготовке постов и других условий использования социальных сетей, но документ не содержит конкретных положений. Поэтому в правовых актах местного самоуправления единообразие не наблюдается.

В документах местного уровня относительно ведения официальных страниц органов местного самоуправления фиксируются следующие вопросы:

1) требования к информации, которая размещается на официальных страницах (тематика, содержание);

В первую очередь, страница должна содержать информацию об учреждении и его деятельности, адрес, геолокацию, адрес электронной почты, номера телефонов справочных служб, информацию об официальном сайте в сети «Интернет». Отдельные порядки предлагают четко ограничить содержание публикаций на блоки [9]:

- информация по позиционированию работы органов и организаций (не менее 60 % от общего числа публикаций);
- новостная информация федерального и регионального значения (не более 10 % от общего числа публикаций);
- познавательно-развлекательная информация (не более 30 % от общего числа публикаций).

Предлагаемый подход представляется обоснованным, потому что в первую очередь официальный аккаунт создается для взаимодействия с местными жителями, поэтому должен информировать о событиях и мероприятиях, происходящих на местном уровне, публиковать информацию, которая касается услуг, предоставляемых местными органами и организациями, местных инициатив и проектов,

² Instagram и Facebook, продукты компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России

то есть публиковать материалы, полезные и интересные для местных жителей, отражающие насущные проблемы и события, которые не получают освещения в других источниках. В то же время аудитория должна быть осведомлена о текущих событиях регионального и федерального уровня в политике, культуре, экономике, науке. Развлекательный контент, включая поздравления, опросы, требуется для того, чтобы привлечь внимание аудитории.

2) количество и периодичность публикаций;

Единый подход отсутствует, количество публикаций существенно отличается — от 2 до 10 публикаций в неделю.

3) вид контента;

Предлагается использовать различные формы и форматы: тексты, фотографии, инфографику, карточки, анимацию, видео, прямые трансляции, опросы, конкурсы, акции и другое с учетом специфики каждой социальной сети и полномочий органа местного самоуправления.

4) стиль оформления;

Указывается на необходимость единого текстового описания и дизайнерского оформления, с использованием официальных символов, логотипов муниципального образования. Рекомендуются применять приложения, виджеты, динамичные обложки и другие возможности социальных сетей.

5) стиль текста;

Рекомендуется стиль, характерный для общения в социальных сетях, исключать официально-деловой стиль; не допускается публиковать информацию в формате пресс-релизов, необходимо исключать канцеляризмы, клише; избегать избыточного цитирования нормативных правовых актов и сложной профессиональной терминологии.

6) анализ и модерация комментариев и сообщений пользователей.

Для муниципальных подведомственных учреждений и организаций, специфика деятельности которых не позволяет вести социальные сети, в законе 8-ФЗ предусмотрена возможность отказа от создания страницы. В документах органов местного самоуправления определен перечень подведомственных организаций, ведение официальных аккаунтов в социальных сетях которых не предусмотрено.

Отметим, что единый подход к отбору подведомственных организаций, освобожденных от ведения соци-

альных сетей, отсутствует. Объективных оснований для выбора обязанных вести и освобожденных нет, поэтому наряду с учреждениями, выполняющими финансовые, хозяйственно-обслуживающие, обеспечивающие функции, в перечни включают организации, которые осуществляют публично значимые функции и непосредственно взаимодействуют с гражданами, например, муниципальные школы, детские сады, учреждения культуры. Имеется практика, когда от обязанности вести социальные сети освобождаются администрации сельских поселений, муниципальные предприятия, структурные подразделения администрации.

Итак, правовое регулирование деятельности органов власти в социальных сетях формируется, правовые акты принимаются на федеральном, региональном и местном уровне. Обязательность создания органами публичной власти официальных страниц в социальных сетях определена в 2022 году федеральным законом, социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» указаны как сети, в которых создаются официальные аккаунты. Исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований принимают распоряжения и постановления, регламентирующие функционирование официальных страниц, как правило создаются два документа — порядок создания и ведения официального аккаунта и порядок работы с сообщениями в социальных сетях. В работе рассматривались порядки, регламентирующие создание и ведение аккаунтов. Сравнительный анализ документов показал, что вопросы, которые регулируют порядки, во многом совпадают. В большинстве случаев это правила создания официальных страниц; правила публикации информации; правила взаимодействия с пользователями, вопросы безопасности и ответственность за нарушения правил. В то же время единообразие отсутствует, порядки отличаются по объему и степени проработки требований и рекомендаций. Ряд вопросов (статус сообщений, размещаемых от имени органов власти в социальных сетях, порядок хранения и уничтожения сообщений; критерии отбора подведомственных организаций, освобожденных от ведения социальных сетей) остается неурегулированным. Поэтому существует необходимость в совершенствовании правовой базы, регламентирующей деятельность органов местного самоуправления власти в социальных сетях.

Литература:

1. Анисимова А. С. Правовое регулирование Интернета: основные пробелы и направления деятельности государства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 1. С.149–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-interneta-osnovnye-probely-i-napravleniya-deyatelnosti-gosudarstva>;
2. Мазеин А. В. Региональная практика правового регулирования использования социальных сетей в управленческой деятельности органов государственной власти // NB: Административное право и практика администрирования. 2021. № 3. С.14–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-praktika-pravovogo-regulirovaniya-ispolzovaniya-sotsialnyh-setey-v-upravlencheskoy-deyatelnosti-organov>;
3. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 20.01.2025).

4. Постановление Администрации Верхнекамского муниципального округа Кировской области от 21 ноября 2022 г. N 1667 «Об утверждении Порядка создания и ведения официальных аккаунтов администрации Верхнекамского муниципального округа и муниципальных учреждений Верхнекамского муниципального округа в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»» // Информационный бюллетень органов местного самоуправления муниципального образования Верхнекамский муниципальный округ Кировской области. 2022. № 66. URL: <https://base.garant.ru/406205739/>.
5. Постановление Администрации Курской области от 28 февраля 2020 г. N 179-па «Об обеспечении создания и ведения аккаунтов Администрации Курской области и иных исполнительных органов государственной власти Курской области в социальных сетях» (с изм. Постановление Правительства Курской области от 11.01.2024 № 7-пп) // Официальный сайт Администрации Курской области. 2020. 4 марта. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4600202401150006>;
6. Постановление Администрации муниципального образования — городской округ город Касимов Рязанской области от 8 июля 2022 г. N 991 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности администрации муниципального образования — городской округ город Касимов и взаимодействию с региональными органами исполнительной власти по рассмотрению сообщений из открытых источников в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»» // Информационный бюллетень г. Касимова. 2022. № 14 URL: <https://base.garant.ru/405255697/>;
7. Постановление Администрации муниципального образования город-курорт Геленджик Краснодарского края от 9 июля 2020 г. N 1145 «Об утверждении Порядка организации работы по созданию и ведению аккаунтов администрации муниципального образования город-курорт Геленджик в социальных сетях в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»» (с изм. от 22 июля 2022 г.) // Официальный вестник органов местного самоуправления МО город-курорт Геленджик. 2020. 9 июля. URL: <https://base.garant.ru/405361891/>;
8. Постановление Администрации муниципального образования город-курорт Геленджик Краснодарского края от 2 апреля 2021 г. N 603 «Об организации работы с сообщениями в социальных сетях, затрагивающими вопросы деятельности администрации муниципального образования город-курорт Геленджик». URL: https://admigel.ru/regulatory/normative_legal_act/npa/;
9. Постановление Главы города Вятские Поляны Кировской области от 14 октября 2022 г. N 71 «Об официальных аккаунтах органов местного самоуправления города Вятские Поляны и подведомственных им муниципальных учреждений» // Официальный сайт Администрации города Вятские Поляны, 6 октября 2022 г. URL: <http://www.admvpol.ru>;
10. Постановление Правительства Кемеровской области — Кузбасса от 14 февраля 2020 г. N 66 «Об обеспечении создания и ведения аккаунтов Правительства Кемеровской области — Кузбасса и иных исполнительных органов государственной власти Кемеровской области — Кузбасса в социальных сетях» (с изм. от 31 марта 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/region42>;
11. Распоряжение администрации г. Сургута от 14 февраля 2023 г. N 431 «Об обеспечении работы аккаунтов Главы города; Администрации города и организаций, подведомственных Администрации города, в социальных сетях и о признании утратившим силу муниципального правового акта». URL: <https://admsurgut.ru/rubric/981/Strukturnye-podrazdeleniya?stayHere=1>;
12. Распоряжение Администрации Смоленской области от 30 марта 2020 г. N 518-р/адм «О создании и ведении аккаунтов Администрации Смоленской области, иных органов исполнительной власти Смоленской области в социальных сетях в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»» (с изменениями на 11 мая 2022 года) // Справочная правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/73843252/>;
13. Распоряжение администрации Тужинского муниципального района Кировской области от 23 ноября 2022 г. N 141 «Об утверждении Перечня органов местного самоуправления Тужинского муниципального района, подведомственных им муниципальных учреждений и организации, освобожденных от обязанности создания и ведения официальных аккаунтов в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Телеграм» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»» // Официальный сайт Тужинского муниципального района Кировской области. 2022. N 29. URL: <https://tuzha.ru/index.php/dokumenty/ofitsialnye-dokumenty/rasporyazheniya-administratsii-tuzhinskogo-rajona/rasporyazheniya-2022>;
14. Распоряжение Губернатора Ростовской области от 29 декабря 2018 года № 311 «Об утверждении Положения об организации работы Правительства Ростовской области и иных исполнительных органов Ростовской области с публикациями в социальных сетях» (с изменениями на 10 июня 2024 года) // Собрание правовых актов Ростовской области. 2018. № 12 (часть II). Ст. 3769. URL: <https://base.garant.ru/43782020/>;
15. Распоряжение Правительства Кировской области от 28 февраля 2022 г. N 31 «Об официальных аккаунтах органов исполнительной власти Кировской области, подведомственных им государственных учреждений и орга-

низаций с государственным участием в Кировской области, органов местного самоуправления муниципальных образований Кировской области, подведомственных им муниципальных учреждений и организаций с муниципальным участием в Кировской области» (с изменениями на 15 мая 2024 года) // Официальный информационный сайт Правительства Кировской области 28 февраля 2022 г. URL: <http://kirovreg.ru>;

16. Распоряжение Правительства Новосибирской области от 06 июня 2023 г. N 407-рп «Об обеспечении создания и ведения официальных страниц Правительства Новосибирской области, областных исполнительных органов Новосибирской области и подведомственных им организаций в социальных сетях» (с изменениями на 3 июня 2024 года) // Правовые акты Новосибирской области: сборник законов и других нормативно-правовых документов. URL: <https://base.garant.ru/409181032/>;
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2022 № 2523-р «Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц» // Собрание законодательства РФ. 2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050038>;
18. Указ Губернатора Оренбургской области от 11 июля 2023 года N 332-ук «О создании и ведении аккаунтов, официальных сообществ, публичных каналов Правительства Оренбургской области, исполнительных органов Оренбургской области и аккаунтов, публичных каналов руководителей исполнительных органов Оренбургской области в информационных системах и (или) программах для электронных вычислительных машин» // Портал официального опубликования нормативных правовых актов Оренбургской области и органов исполнительной власти Оренбургской области. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406734469#64U0IK>;
19. Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ (последняя редакция) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Собрание законодательства РФ. 2023 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/;
20. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть III). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421796/;
21. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448; Собрание законодательства РФ. 2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

Введение налога на бездетность в России: неизбежность или необходимость?

Гаджиева Зулхижат Арсеновна, студент

Научный руководитель: Кондрашова Марина Андреевна, старший преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается вопрос введения налога на бездетность как способа решения демографических проблем. Также проведен анализ аргументов «за» и «против» введения подобного налога с учетом экономических и правовых последствий, влияние налога на свободу выбора граждан.

Ключевые слова: налог на бездетность, демография, экономический рост, бездетность, рождаемость, супруги.

Сравнительно недавно, по данным СМИ, на одном из заседаний Государственной Думы прозвучали идеи введения налога на бездетность. Сама по себе идея не новая, так как подобные попытки предпринимались еще в 2013, 2017, 2020 и 2023 годах. Прежде всего стоит отметить, что введение налога на бездетность — это спорная тема, вызывающая множество дискуссий не одно десятилетие.

В первую очередь стоит обратить внимание на аргументы за введение подобного налога. Сторонники данной позиции апеллируют сложной демографической ситуацией, сложившейся на сегодня в нашем государстве. Данные статистики неутешительны — количество рождений и смертей показывает, что страна остается в демографическом кризисе. В большинстве регионов смерт-

ность уже превышает рождаемость. В первом полугодии 2024 года в стране умерли 921,1 тысячи человек. Детей стало рождаться меньше: 599,6 тыс. в январе — июне 2024 года против 616,2 тысячи младенцев за первые шесть месяцев 2023 года [1].

Именно поэтому в Госдуме заговорили о введении налога для бездетных, дабы простимулировать рождаемость в стране. Высказываются разные идеи реализации налога. Так, например в Российском государственном социальном университете (РГСУ) уже проработали критерии для введения налога на бездетность. По словам проректора Джомарта Алиева, к подоходному налогу стоит установить надбавку в три процента, к налогу на наследство — пять процентов, а на имущество — 0,5 процента. Тем, кто не может завести детей по медицинским показаниям, посоветовали задуматься об усыновлении.

Также свои соображения по налогу высказал и экономист Алексей Зубец. Он предложил вводить налог на бездетность для россиян старше 35 лет. Каждая семья должна будет платить порядка 40 тысяч рублей (эти деньги пойдут на компенсацию госзатрат на программу по подъему демографии) — как утверждает директор Института социально-экономических исследований, именно такая сумма будет для россиян подъемной.

За несколько месяцев до нашумевшей инициативы, в июне 2024 года, Член комитета Госдумы по бюджету и налогам Евгений Федоров снова предложил собирать деньги с бездетных. Он трактовал этот налог не как наказание или поборы, а как форму общественных алиментов и всеобщей справедливости. Ведь именно семьи с детьми будут в старости содержать тех, кто не завел ребенка, через бюджет и через государственное строительство. Поэтому налог стоит воспринимать не как штраф, а как перераспределение денег в пользу нуждающихся. К их числу Федоров отнес семьи с детьми, поскольку «их жизненная ситуация хуже», им нужна помощь от тех, у кого детей нет, «неважно, по каким причинам», подчеркнул он.

Сторонники инициативы также ссылаются на действующий какое-то время в СССР подобный налог. С 1941 года и до распада Союза бездетные мужчины от 20 до 50 лет и бездетные замужние женщины от 20 до 45 лет отдавали часть своего дохода государству. Налог на бездетность исчислялся и удерживался с граждан по месту основной работы и имел различную ставку, в зависимости от дохода плательщика ее корректировали. Надо отметить, что те, кто получал меньше 70 рублей, освобождались от уплаты [2].

Таким образом, можно сделать вывод что налог на бездетность может помочь улучшить демографическую ситуацию в России, простимулирует экономический рост, а также разовьет в гражданах гражданскую ответственность перед обществом и государством, внося таким образом вклад в их развитие?

На наш взгляд, это совершенно не так. В первую очередь стоит отметить, что введение подобного налога нарушает право человека на свободу выбора, а также является грубым нарушением права на неприкосновенность

частной жизни, а также личной и семейной тайны. В правовом государстве законодатель не может вмешиваться в частную жизнь граждан, навязывать определенный образ жизни, а также финансово наказывать их за то, что они не соответствуют этим образам.

Также хотелось бы отметить, что предполагаемая сумма налога 40 тыс. рублей оторвана от действительности. В разных регионах России уровень дохода может сильно отличаться, и для кого-то сумма в 40 тыс. рублей может стать неподъемным бременем.

Подобная политика может, наоборот, усугубить демографическую и экономическую ситуацию в обществе и создаст напряженность между государством и налогоплательщиками[3].

Против налога на бездетность также выступают и депутаты Госдумы. В частности Председатель Госдумы Вячеслав Володин отметил, что, прежде чем выдвигать какую-либо резонансную инициативу, депутатам следует проработать проект в профильном комитете, обсудить идею с правительством и, главное, посоветоваться с избирателями.

В целом противники данной инициативы сходятся во мнении о том, что данный налог никак не улучшит демографическую ситуацию в стране, если не усугубит её. В частности отмечается, что государственная политика в области демографии и семьи должна быть направлена на поощрение, а не на дискриминацию в отношении населения. Прежде всего, законодатель должен стремиться выявить первостепенные причины низкой рождаемости в стране, и отталкиваясь от этого разрабатывать меры поддержки, направленные на комплексное решение стоящей перед государством проблемы [4].

К примеру, в 2006 г. был принят Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», в котором была установлена дополнительная мера государственной поддержки семей, получившая официальное наименование «материнский (семейный) капитал». Эта мера заключается в выплате женщинам и мужчинам денежных средств из федерального бюджета в случае рождения или усыновления второго или последующих детей. Также на сегодняшний день в России реализуется одна из программ демографического развития — Национальный проект «Демография», рассчитанный на 2019–2024 гг. Ключевые цели проекта: увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни, суммарного коэффициента рождаемости, доли граждан, ведущих здоровый образ жизни и систематически занимающихся физической культурой и спортом.

В заключении можно сделать вывод, что введение налога на бездетность — это крайне спорный вопрос. На наш взгляд, данная мера не принесет ожидаемого результата. Для решения актуальной проблемы повышения рождаемости в стране необходимо сделать упор на развитие системы социальной поддержки семьи, материнства и детства, увеличение количество социальных выплат за рождение детей, выплат многодетным матерям, а также различных налоговых льгот.

Литература:

1. Морозова О. В. Поможет ли налог на бездетность решению демографической проблемы? // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 4(53). С. 81–87.
2. Белоус А. В., Бородаенко Н. В. Целесообразность введения налога на бездетность в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 6–2. С. 125–127.
3. Протасова Д. С. Законодательное закрепление налога на бездетность // МНСК-2019. Государство и право: Материалы 57-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 14–19 апреля 2019 года. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. 2019. С. 46–47.
4. Повный Д. А., Лапшина Н. А. Противодействие коррупции в деятельности таможенных органов // Вестник экономики, управления и права. 2019. № 1 (46). С. 77–81.

Правовое значение международных стандартов ISO в системе экологического права и механизме перехода к зеленой экономике

Грибанова Софья Алексеевна, студент

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (г. Уфа)

Статья посвящена исследованию правового значения международных стандартов ISO в контексте формирования и реализации механизмов зеленой экономики. Рассматривается место стандартов экологического менеджмента в системе экологического права, анализируется их соотношение с нормами обязательного экологического регулирования и принципами охраны окружающей среды. Особое внимание уделяется стандарту ISO 14001 как инструменту превентивного экологического регулирования и форме внедрения международных экологических требований в национальную правовую систему. Обосновывается вывод о том, что стандарты ISO, обладая добровольной природой, выполняют значимую регулятивную функцию и дополняют традиционные правовые механизмы охраны окружающей среды.

Ключевые слова: экологическое право, устойчивое развитие, зеленая экономика, международные стандарты ISO, экологический менеджмент, стандартизация, охрана окружающей среды.

Legal significance of ISO international standards in the system of environmental law and the mechanism of transition to a green economy

The article examines the legal significance of international ISO standards in the context of the formation and implementation of green economy mechanisms. The place of environmental management standards within the system of environmental law is analyzed, as well as their correlation with mandatory environmental regulation and environmental protection principles. Special attention is paid to ISO 14001 as a preventive environmental regulation tool and a form of integrating international environmental requirements into national legal systems. It is concluded that ISO standards, despite their voluntary nature, perform an important regulatory function and complement traditional legal mechanisms of environmental protection.

Keywords: environmental law, sustainable development, green economy, ISO international standards, environmental management, standardization, environmental protection.

Введение. Проблематика перехода к зеленой экономике в последние десятилетия занимает устойчивое место в научных исследованиях в области экологического и природоресурсного права. Формирование модели социально-экономического развития, ориентированной на сохранение окружающей среды, обусловило обращение к инструментам, выходящим за рамки традиционного государственного экологического регулирования. В этом контексте особое значение приобретают международные стандарты ISO, исполь-

зуемые в качестве универсального механизма внедрения экологических требований в хозяйственную деятельность.

Актуальность обращения к стандартам ISO в системе экологического права определяется ограниченностью исключительно административно-правовых методов охраны окружающей среды. Действующее экологическое законодательство ориентировано преимущественно на установление обязательных нормативов и запретов, в то время как стандарты ISO формируют комплексную

модель управления экологическими рисками на уровне хозяйствующих субъектов. В условиях глобализации и интеграции национальных экономик стандарты ISO приобретают значение фактора сближения экологических требований различных государств и инструмента реализации принципа устойчивого развития.

Цели, задачи, материалы и методы. Целью настоящего исследования является выявление правового значения стандартов ISO в системе экологического права и оценка их роли в обеспечении перехода к «зеленой» экономике. Задачи исследования включают анализ нормативных основ применения стандартов экологического менеджмента, определение их места в механизме экологического регулирования и выявление ограничений их правового воздействия. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Материалами исследования послужили международные стандарты ISO серии 14000, нормы российского экологического законодательства, а также положения научной доктрины.

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в комплексном правовом анализе стандартов ISO как элемента системы экологического права, функционирующего на стыке публичного и частного регулирования. Обосновано положение о том, что стандарты ISO выполняют функцию правового ориентира и механизма добровольной имплементации международных экологических принципов, дополняя обязательные требования экологического законодательства. Обоснован юридически мотивированный синтез международных экологических стандартов ISO с национальными нормативными механизмами, выявлены существенные пробелы в правоприменении, а также определены направления для совершенствования правового регулирования внедрения стандартов экологического менеджмента. Работа демонстрирует, что стандарты ISO выполняют роль не только добровольного инструмента корпоративного управления экологическими рисками, но и юридически значимого ориентира для оценки добросовестности хозяйствующих субъектов. Подчеркивается, что интеграция стандартов ISO способствует укреплению правовой базы устойчивого развития, формированию механизмов превентивного экологического регулирования и разработке практических инструментов взаимодействия бизнеса и государства в сфере охраны окружающей среды, включая юридические методы контроля, санкционирования и стимулирования экологически ответственного поведения организаций.

Основной текст. Международные стандарты ISO, разрабатываемые Международной организацией по стандартизации, изначально не предназначены для прямого правового регулирования. Вместе с тем их содержание отражает подходы, сложившиеся в международной практике охраны окружающей среды и управления экологическими рисками, включая аспекты профилактики загрязнений, сокращения выбросов и ресурсосбережения. Стандарт

ISO 14001 формулирует требования к системе экологического менеджмента, направленные на предотвращение загрязнения и снижение негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, при обязательном соблюдении применимого экологического законодательства.

В рамках экологического права стандарты ISO рассматриваются как форма «мягкого права», способствующая распространению экологических требований за пределами обязательных нормативов. Их внедрение обеспечивает формирование у организаций внутренней экологической политики, ориентированной на рациональное природопользование, устойчивое развитие и соблюдение международных принципов. При этом стандарты ISO не заменяют законодательные нормы, а интегрируются с ними, создавая синергетический эффект и повышая эффективность национального регулирования.

Правовое значение стандартов ISO проявляется также в оценке добросовестности природопользователей и уровне экологической ответственности организаций. Сертификация по ISO 14001 воспринимается как подтверждение системного подхода к охране окружающей среды, имеющего юридическое и экономическое значение при взаимодействии с контрагентами, инвесторами и органами публичной власти. Вместе с тем отсутствие обязательности стандартов ограничивает их прямое регулятивное воздействие, что формирует пространство для развития добровольной корпоративной ответственности и стимулирования экологически ориентированных практик.

Дальнейшее внедрение стандартов ISO в хозяйственную практику позволяет создать правовую и организационную основу для комплексного экологического менеджмента, формирования корпоративной ответственности и повышения доверия к компаниям как на национальном, так и на международном уровне. Таким образом, стандарты ISO интегрируются в систему экологического права как инструмент превентивного регулирования и средство гармонизации международных и национальных подходов к устойчивому развитию.

Заключение, результаты, выводы. Проведенное исследование позволяет заключить, что международные стандарты ISO занимают особое место в системе экологического права, дополняя традиционные правовые механизмы охраны окружающей среды. Их применение способствует внедрению принципов устойчивого развития и превентивного экологического регулирования в хозяйственную деятельность. Вместе с тем эффективность стандартов ISO в обеспечении перехода к «зеленой» экономике во многом зависит от уровня их интеграции с национальным экологическим законодательством и практикой правоприменения. Представляется возможным полагать, что дальнейшее развитие экологического права будет сопровождаться расширением сферы использования стандартов добровольной экологической сертификации.

Литература:

1. Горбунова О. И., Куницкая Л. В. Международные стандарты ISO 14000: факторы, препятствующие их реализации в Российской Федерации // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 7 (часть 1). С. 87–91.
2. Окрепилов В. В. Роль стандартизации в устойчивом развитии сообществ // *Проблемы прогнозирования*. 2015. № 5. С. 15–27.
3. Трубачева Е. А. Проблемы развития экологического менеджмента в Российской Федерации и пути их решения // *Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. XI междунар. студ. науч.-практ. конф.* № 11. Новосибирск, 2016. С. 112–118.
4. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы экологического менеджмента. Требования и руководство по применению. ГОСТ Р ИСО 14001–2007. М.: Стандартинформ, 2007. 36 с.
5. International Organization for Standardization. ISO 14001:2015 Environmental management systems — Requirements with guidance for use. Geneva: ISO, 2015.
6. International Organization for Standardization. The ISO Survey of Management System Standard Certifications 2016. Geneva: ISO, 2017.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2002 № 7-ФЗ Об охране окружающей среды // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 2. Ст. 133.

Правовое регулирование административных правонарушений в сфере потребления алкогольной продукции

Гусаков Константин Владимирович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет МВД России

Катализатором совершения множества административных правонарушений является алкоголь. Он вызывает зависимость, что влияет на здоровье граждан. Кроме того, под воздействием алкогольной продукции человек может терять связь с реальностью и воспринимать ее сквозь особую, искаженную призму. Такое состояние зачастую побуждает к совершению правонарушений и преступлений. В статье рассмотрены вопросы правового регулирования административных правонарушений, связанных с употреблением алкоголя.

Ключевые слова: употребление алкогольной продукции, административные правонарушения, предупреждение правонарушений, алкогольная зависимость.

Legal regulation of administrative offenses in the sphere of alcoholic beverages consumption

Alcohol is the catalyst for the commission of many administrative offenses. It causes affection, which affects the health of citizens. In addition, under the influence of alcoholic beverages, a person may lose awareness of reality and perceive it through a special distorted prism. This condition often leads to the commission of offenses and crimes. The article discusses the issues of legal regulation of administrative offenses related to alcohol consumption.

Keywords: alcohol consumption, administrative offenses, prevention of offenses, alcohol dependence.

Чрезмерное употребление алкогольной продукции — проблема, которой в России уделяется много внимания. Борьба с пьянством и корчемством всегда была одним из средств профилактики правонарушений. Правовому регулированию данного вопроса с давних пор отведена особая роль [4, с. 72]. Вредная привычка злоупотребления алкоголем является врагом здоровья граждан нашей страны. Важность деятельности государства по обеспечению здоровья граждан подчеркивается в ст. 41 Конституции Российской Федерации.

Одно из средств предупреждения совершения правонарушений, связанных с употреблением алкогольной продукции, — привлечение нарушителей к административной ответственности [6, с. 242]. Административная ответственность за злоупотребление алкогольной продукцией предусмотрена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). В России действует запрет на распитие алкогольной продукции в общественных местах. За такого рода нарушения на граждан налагается штраф в размере от 500 до 1500 рублей (ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ).

Данный запрет также закреплен в Федеральном законе от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее — Закон № 171-ФЗ). В ч. 7 ст. 16 данного закона представлен перечень мест, где запрещено распитие алкоголя (например, в образовательных и медицинских организациях, на рынках, в лифтах и др.).

В России в общественных местах запрещено даже находиться в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ). В данном случае речь идет о сильном опьянении и непристойном поведении. Наказанием будет штраф от 500 до 1500 рублей или административный арест на срок до 15 суток.

Законодатель особое внимание уделяет профилактике употребления алкоголя несовершеннолетними [5]. В ч. 7 ст. 16 Закона № 171-ФЗ установлен запрет на нахождение несовершеннолетних лиц (не достигших возраста 16 лет) в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, а также запрет на употребление алкоголя в любых

дозах. Ответственность за данного рода правонарушения несут родители (законные представители) несовершеннолетнего. На них налагается штраф в размере от 1500 до 2000 рублей (ст. 20.22 КоАП РФ).

Стоит отметить также ряд административных правонарушений, связанных с управлением транспортным средством (далее — ТС). Управлять ТС в состоянии алкогольного опьянения строго запрещено. Штраф в таком случае составит 45 000 рублей. Кроме этого, лицо будет лишено права управления ТС на срок от 1,5 до 2 лет (ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ). Такое же наказание понесет лицо в том случае, если передаст управление ТС лицу в состоянии алкогольного опьянения (ч. 2 ст. 12.8 КоАП РФ).

Таким образом, вопросам предупреждения злоупотребления алкоголем и совершения под его воздействием административных правонарушений в нашей стране уделено особое внимание. Ответственность за административные правонарушения, связанные со злоупотреблением алкоголем, предусмотрена в КоАП РФ, а основные запреты отражены в Законе № 171-ФЗ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации / КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.12.2024).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ / КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 14.12.2024).
3. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» / КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/ (дата обращения: 14.12.2024).
4. Изингер А. В., Грошев С. Н. Отдельные вопросы противодействия злоупотреблению алкоголем в рамках административного законодательства Российской Федерации // Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 71–78.
5. Корнаухова Н. Ш., Чумаченко А. Ю. Отдельные проблемы применения мер административной ответственности за нарушения несовершеннолетними алкогольного законодательства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-problemy-primeneniya-mer-administrativnoy-otvetstvennosti-za-narusheniya-nesovershennoletnimi-alkogolnogo-zakonodatelstva/viewer> (дата обращения: 31.01.2025).
6. Костин С. Г. Проблема применения мер административной ответственности за правонарушения в сфере потребления алкогольной продукции // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (96). С. 241–247.

Актуальные проблемы применения исковой давности: анализ типичных ошибок и противоречий

Егорова Ирина Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с применением института исковой давности в гражданском праве, включая неопределённость начала течения срока, сложности восстановления и перерыва, а также отсутствие чётких критериев добросовестности сторон. Анализ судебной практики позволяет выявить противоречия в толковании норм и типичные ошибки правоприменителей. По мере исследования предложены меры по совершенствованию.

ванию законодательства, направленные на повышение правовой определённости, единообразие судебной практики и баланс интересов сторон в гражданско-правовых спорах.

Ключевые слова: исковая давность, гражданское право, судебная практика, срок защиты права, добросовестность, правовая определённость, правоприменение.

Актуальность исследования, посвящённого проблемам применения исковой давности, обусловлена как правовой, так и практической значимостью данного института для обеспечения стабильности гражданского оборота, юридической определённости и баланса интересов сторон. Несмотря на длительную историю нормативного закрепления исковой давности и её системное регулирование в Гражданском кодексе Российской Федерации, в реальной правоприменительной практике сохраняются многочисленные трудности, связанные с определением момента начала течения срока, допустимостью его приостановления или восстановления, а также квалификацией действий сторон как признаков признания долга. Отдельные сложности вызывает применение давности в условиях недобросовестного поведения участников спора и оценка судом обстоятельств, не всегда имеющих однозначную правовую интерпретацию. Судебная практика по вопросам исковой давности остаётся неоднородной, что подтверждается наличием противоположных решений по делам с аналогичными фактическими обстоятельствами.

Исследование данного вопроса позволит выявить типичные правоприменительные ошибки, классифицировать существующие противоречия и обосновать необходимость выработки единых подходов к применению положений об исковой давности. Результаты анализа целесообразно использовать для совершенствования судебной практики, подготовки предложений по уточнению законодательства и разработки методических рекомендаций, способствующих формированию устойчивой и предсказуемой правовой среды.

Целью статьи является выявление и систематизация актуальных проблем, возникающих при применении института исковой давности в судебной практике, а также формулирование теоретически обоснованных и практически ориентированных предложений, направленных на устранение выявленных противоречий и повышение единообразия правоприменения.

Гипотеза настоящего исследования состоит в предположении, что актуальные проблемы, сопровождающие функционирование института исковой давности, обусловлены как нормативной неопределённостью отдельных положений гражданского законодательства, так и отсутствием устойчивой доктринальной концепции, позволяющей единообразно интерпретировать его содержание, правовую природу и функциональное назначение. Предполагается, что устранение выявленных теоретико-правовых противоречий и формирование комплексного подхода к институту исковой давности на основе принципов добросовестности, разумности и правовой определё-

нности позволит повысить эффективность его применения и обеспечить согласованность в правовом регулировании сроков защиты субъективных гражданских прав.

В процессе исследования применялись как общенаучные, так и частно-юридические методы познания. В качестве основных использовались методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, позволившие сформулировать теоретические обобщения и выявить внутренние закономерности института исковой давности. Применение формально-юридического метода обеспечило возможность детального изучения нормативного материала и судебных актов, а сравнительно-правовой метод позволил провести сопоставление подходов, существующих в различных правовых системах.

Исковая давность относится к числу наиболее фундаментальных институтов гражданского права. Поскольку практически все гражданско-правовые отношения характеризуются той или иной временной протяженностью, подавляющее их большинство тесно связано с гражданско-правовым институтом сроков и институтом исковой давности, в частности. Исковая давность определяет временные рамки для защиты нарушенного субъективного права именно в судебном порядке [1, с. 385]. Согласно статье 43 Конституции РФ одним из конституционных права человека и гражданина является право на судебную защиту.

Однако в настоящее время существует проблема недостаточности теоретической разработанности отдельных вопросов исковой давности, проблемы применения норм права в области рассматриваемого правового института на практике встречаются нередко. Для юридической науки вопрос правовой неопределённости многих сроков является важным. Таковыми сроками являются те, которые связаны с обращением в суд за защитой нарушенных прав, что имеет место в действующем законодательстве из-за несовершенства отдельных правовых норм. Нередко возникают ситуации в правоприменительной практике, когда по-разному суды подходят к толкованию правовой природы сроков, именно тех, которые связаны с обращением в суд. Данные разногласия приводят к нарушению единообразия в толковании правовых норм [2, с. 85].

В условиях правовой неопределённости и неоднозначного толкования норм об исковой давности проблема единообразия правоприменительной практики приобретает особую значимость. Отсутствие точных критериев для определения момента начала течения срока исковой давности, а также спорные вопросы, связанные с её прерывом, приостановлением и восстановлением, нередко становятся предметом судебных разбирательств, в рамках

которых суды различных инстанций приходят к противоположным выводам. Одним из показательных примеров является Определение Верховного Суда РФ от 1 февраля 2022 года № 305-ЭС21–20994, в котором рассматривался вопрос о начале течения срока по требованию о возврате неосновательного платежа. Верховный Суд указал, что срок начинает течь с момента самого перечисления денежных средств, а не с даты предъявления требования о возврате, поскольку обязательство по возврату возникает сразу [4]. Таким образом, суд отказался от формального применения нормы об обязательствах, подлежащих исполнению по требованию, и исходил из сущности правоотношения. Это свидетельствует о наличии проблемы разграничения начала течения срока исковой давности в зависимости от характера обязательства, особенно в случае конкуренции норм статей 200 и 314 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Другой пример касается обязательств из договоров купли-продажи, не содержащих указания на срок оплаты. В Определении Верховного Суда РФ от 12 марта 2020 года № 304-ЭС19–21956 суд отверг довод о том, что в случае отсутствия срока исполнения срок давности начинает течь с момента предъявления требования о платеже [5]. Было указано, что обязанность по оплате возникает в момент передачи товара, если иное не предусмотрено договором, а следовательно, именно с этого момента начинается течение срока исковой давности. Эта ситуация указывает на проблему квалификации обязательства при отсутствии в договоре конкретного срока исполнения. Суды, не разграничивая обязательства, подлежащие немедленному исполнению и исполнению по требованию, нередко допускают формальные ошибки, что нарушает принцип правовой определённости. В целях устранения данной проблемы представляется целесообразным дополнить статью 486 Гражданского кодекса Российской Федерации прямым указанием на момент возникновения обязанности по оплате в случае отсутствия условия о сроке. Также следует рассмотреть возможность законодательного разграничения сроков исполнения по обязательствам с неуказанным сроком путём закрепления презумпции немедленного исполнения в рамках договоров, направленных на обмен встречными предоставлениями.

Вызывают вопросы отсутствие чётких критериев добросовестности в рамках применения исковой давности. В практике наблюдается тенденция к отказу в применении сроков давности в случае противоправного поведения ответчика. Например, в деле, связанном с удержанием имущества после прекращения договора аренды, Верховный Суд отказался применять исковую давность, сославшись на недобросовестность ответчика. Однако в отсутствие

нормативных ориентиров это приводит к произвольному судебному усмотрению и нарушению принципа равенства сторон. Соответственно, проблема оценки поведенческого фактора как основания для отказа в применении исковой давности требует нормативного урегулирования. В целях устранения правовой неопределённости представляется обоснованным включение в Гражданский кодекс Российской Федерации общей нормы, допускающей ограничение применения исковой давности в случае установления злоупотребления правом ответчиком, аналогично действию статьи 10 ГК РФ. Возможно разработать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, содержащие перечень ориентиров, позволяющих судам учитывать добросовестность поведения сторон как фактор при решении вопроса о допустимости применения срока давности. Это позволит обеспечить необходимый баланс между принципом правовой определённости и защитой от неправомерного извлечения выгоды из собственного противоправного поведения [3, с. 299].

Совокупность выявленных проблем свидетельствует о необходимости системного пересмотра и уточнения норм главы 12 Гражданского кодекса Российской Федерации. Представляется целесообразным внести в закон более чёткие критерии определения момента начала течения срока исковой давности с учётом характера обязательства и способа его исполнения. Необходимо также закрепить в статье 200 Гражданского кодекса правила приоритета материальной природы обязательства над формальными признаками срока исполнения, а также внести указание на допустимые способы подтверждения предъявления требования о возврате, в том числе при наличии письменной формы основного договора. Требуется нормативное закрепление понятия добросовестности в контексте применения срока исковой давности, что позволило бы судам единообразно подходить к случаям, когда поведение стороны влияет на возможность применения давности. В целях предотвращения злоупотреблений правом со стороны истцов, представляющих требование после длительного бездействия, следует также рассмотреть вопрос о введении дополнительного объективного предельного срока давности для всех требований, аналогичного десятилетнему сроку, действующему в настоящее время.

Следует сделать вывод о том, что развитие законодательства об исковой давности должно быть направлено на устранение пробелов и коллизий, формирование устойчивой правовой конструкции, сочетающей элементы формального правопорядка с оценочными началами, в основе которых лежат принципы разумности, добросовестности и баланса интересов сторон.

Литература:

1. Новиков, П. А. Правовая природа и значение сроков исковой давности / П. А. Новиков // Военно-правовые инструменты обеспечения экономической мобилизации предприятий оборонной промышленности: сборник статей научно-практической конференции, Москва, 14 апреля 2023 года / Военный университет имени князя

- Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. — Москва: ЗАО «Университетская книга», 2023. — С. 385–389.
2. Стролис, Я. А. Исковая давность в системе-гражданско-правовых сроков / Я. А. Стролис // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 105–8. — С. 85–87.
 3. Старцева, С. В. Исковая давность: анализ отдельных предложений по совершенствованию законодательства / С. В. Старцева // Теория и практика общественного развития. — 2023. — № 7(183). — С. 298–303.
 4. Определение Верховного Суда РФ от 01.02.2022 № 305-ЭС21–20994 по делу № А40–223333/2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>
 5. Определение Верховного Суда РФ от 12.03.2020 № 304-ЭС19–21956 по делу № А45–9033/2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: СПС КонсультантПлюс. — URL: <http://www.consultant.ru>

Проблемы учета смягчающих обстоятельств при назначении наказания

Иванова Екатерина Викторовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Настоящая работа посвящена исследованию проблем, возникающих при назначении наказания в случаях наличия смягчающих обстоятельств, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Анализируется специфика применения статьи 62 УК РФ, которая определяет правила назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств, указанных в пунктах «и» и «к» части 1 статьи 61 УК РФ. Особое внимание уделено вопросу интерпретации судами поведения обвиняемого, которое оказывает влияние на тяжесть избранной меры ответственности, а также проблемам учета субъективных решений при формировании мер, характеризующих степень смягчения наказания.

Введение

Актуальность изучения проблем, связанных с назначением наказания при наличии смягчающих обстоятельств, обусловлена как теоретическими, так и прикладными аспектами развития современного уголовного права России. Вопросы, касающиеся учета смягчающих обстоятельств при назначении наказания, приобретают особенное значение в контексте неуклонного роста числа уголовных дел и постоянного повышения стандартов правосудия. Недостаточность научной разработанности многих важнейших аспектов рассматриваемого института, наряду с наличием значительных расхождений в судебной практике, усиливает потребность в углубленном анализе соответствующих норм, выработке единых подходов и разработке предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Научная новизна настоящего исследования заключается в попытке комплексного рассмотрения сложившейся ситуации, связанной с применением статьи 62 Уголовного кодекса РФ и сопутствующими ей проблемами, такими как неоднородность применения открытого перечня смягчающих обстоятельств, недостаточность методик фиксации и оценки обстоятельств, относимых к смягчающим факторам, а также недостатки системы назначения наказания в целом. Исследование направлено на выявление закономерностей и тенденций, присущих российскому законодательству и правоприменительной практике, выявление трудностей и выработку практических рекомендаций, на-

правленных на улучшение функционирования соответствующего института уголовного права.

Целью настоящей работы является изучение нормативно-правовых основ назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств, выявление недостатков действующей системы и разработка научно-обоснованных предложений по её совершенствованию. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: провести сравнительный анализ норм уголовного законодательства и решений высших судебных инстанций; выявить основные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства; предложить практические рекомендации, направленные на оптимизацию применения института смягчающих обстоятельств в уголовном праве.

Методологической основой исследования служат общенаучные методы познания, а также частно-научные методики, применяющиеся в юриспруденции. Эмпирическую базу составляют материалы судебной практики, публикации отечественных исследователей, учебные пособия и монографии, посвящённые вопросам назначения наказания и учёта смягчающих обстоятельств.

Исследование проблем назначения наказания в свете действующих уголовных законов Российской Федерации демонстрирует значительное количество юридических затруднений, возникающих при оценке обстоятельств, подлежащих рассмотрению в качестве смягчающих меру ответственности. Ключевое значение имеет исследование норм, касающихся механизмов применения поло-

жений, регулируемых статьями 61 и 62 Уголовного кодекса РФ.

Статьей 62 УК РФ предусмотрены особые правила назначения наказания, применяемые исключительно при наличии смягчающих обстоятельств, зафиксированных в подпунктах «и» и «к» части 1 статьи 61 УК РФ. Выбор законодателя в пользу выделения именно этих обстоятельств подчеркивает их особое значение и весомость в общей структуре смягчающих факторов, определяющих итоговую меру ответственности. Возможность учета этих обстоятельств формируется на основании методологии юридического анализа, предполагающей установление объективных условий, формирующих зависимость между поведением виновного и мерами ответственности. В частности, сюда входят обстоятельства, характеризующие поступательное развитие поведения преступника после совершения деяния, связанное с реализацией позитивных действий, свидетельствующих о стремлении снизить негативные последствия своего преступления.

Эти обстоятельства выступают важнейшими элементами в механизме определения уровня ответственности и включают пять основных категорий, предусмотренных в пунктах «и» и «к» части 1 статьи 61 УК РФ: явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, помощь в поиске соучастников и извлечении незаконно полученного имущества, оказание необходимой помощи потерпевшему, компенсация понесенного вреда, а также прочие действия, направленные на заглаживание ущерба, причиненного потерпевшему.

Однако, до выхода Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 [3], существовали разногласия относительно точной природы активных действий, признаваемых обстоятельствами, смягчающими наказание. Некоторые специалисты утверждали, что активное способствование раскрытию преступления ограничивается конкретными формами поведения, указанными в пункте «и» части 1 статьи 61 УК РФ, в то время как другие считали необходимым включать в данную категорию любые позитивные действия, способные облегчить ход расследования, даже если они не прописаны детально в тексте закона. Решение данного спора было принято Верховным Судом РФ, утвердившим в своем Постановлении общее правило учета активных действий независимо от их детального описания в законе.

Тем не менее, новые трудности возникают вследствие открытости перечня смягчающих обстоятельств, предусмотренной частью 2 статьи 61 УК РФ. Этот фактор допускает значительные различия в подходе судов к выбору и квалификации обстоятельств, принимаемых во внимание при формировании наказания. Размытые критерии и широкие полномочия суда создают опасность субъективизма, приводящего к непредсказуемым последствиям в области назначения наказания.

Разногласия в понимании предписаний закона осложняют ситуацию еще больше. Решения Верховного Суда

РФ зачастую расходятся с официальной позицией самого законодателя, усиливая двусмысленность в применении общих правил. Практическое воплощение постановлений высшей инстанции сталкивается с трудностями, вызванными отсутствием прямой привязки к фактическим обстоятельствам дела, что провоцирует недоверие к системе правовой защиты и открывает простор для манипуляций.

Особенную сложность представляет ситуация, когда одно и то же обстоятельство используется дважды: сначала как основа для изменения квалификации преступления, а затем снова как отдельное смягчающее обстоятельство. Такая двойственность способна привести к серьезному искажению реальной оценки обстоятельств дела и снижает доверие к эффективности институтов, призванных обеспечивать справедливый исход судебного процесса.

Дополнительно усложняет картину недостаточная проработанность процедуры проверки обстоятельств, воспринимаемых как смягчающие. В частности, неясность относительно статуса некоторых жизненных обстоятельств, признанных смягчающими факторами, таких как тяжелые семейные или личные ситуации, предусмотренные пунктом «д» части 1 статьи 61 УК РФ, оставляет значительную свободу для судейской инициативы и повышает риски необъективности при разрешении споров.

Также стоит упомянуть систему формирования пропорций наказания, закрепленную в статье 62 УК РФ. Ограничение пределов наказания двумя третями от максимальной санкции определенной статьи Особенной части УК РФ фактически сводит роль специального порядка смягчения наказания к минимуму, поскольку многие категории преступлений имеют изначально низкие максимальные пределы санкций. Следовательно, при соблюдении указанных условий применение статьи 62 УК РФ теряет свою ценность и перестает играть значимую роль в достижении целей, заложенных в самом институте смягчения наказания [4].

Важно подчеркнуть, что существующие механизмы назначения наказания демонстрируют недостаток внутренней согласованности и системности, что проявляется в противоречиях между отдельными положениями главы 10 УК РФ и рекомендациями Верховного Суда РФ. Без устранения отмеченных дефектов дальнейшее эффективное функционирование института назначения наказания невозможно, что несет угрозу принципу верховенства права и нарушит баланс между необходимостью достижения справедливого наказания и соблюдением прав обвиняемого.

Подводя итоги, можно утверждать, что вопросы применения норм, регулирующих порядок назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств, требуют комплексного научного исследования и реформирования, поскольку действующая система характеризуется множеством серьезных изъянов, угрожающих стабильности и легитимности всей конструкции отечественного уголовного права.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // СЗ РФ. — 17.06.1996. — № 25. // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. — 2001. — № 52. // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Российская газета. — № 295. — 29.12.2015
4. Малинин В. Б., Измалков В. А. Понятие обстоятельств, смягчающих наказание, и их классификация. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2022 г. С.245.
5. Михаль О. А. Смягчающие обстоятельства и их классификация. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2024 г. № 1. С.302.
6. Петрушенков А. Н. Лейтмотив закрепления и реализации института обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание в Уголовном кодексе. Отраслевые проблемы юридической науки и практики. 2020 г. № 4. С.250.
7. Рарог А. И. Уголовное право. Учебное пособие. М.: Проспект. 2019

Учет смягчающих обстоятельств: трудности при назначении наказания

Иванова Екатерина Викторовна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Введение

Настоящая статья посвящена исследованию проблемы учёта смягчающих обстоятельств в российском уголовном праве. Целью работы является выявление и классификация факторов, снижающих уровень уголовной ответственности, а также оценка эффективности действующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью совершенствования правовой системы в условиях постоянного изменения социальной среды и появления новых видов противоправных действий.

Законодательство предусматривает широкий спектр обстоятельств, которые могут снизить ответственность лица, совершившего преступление. Это положение закреплено в статье 61 УК РФ, однако правоприменение сталкивается с рядом трудностей, вызванных отсутствием четких критериев оценки степени влияния каждого конкретного фактора на выбор меры наказания. Научная дискуссия сосредоточена вокруг классификации смягчающих обстоятельств, методов их выявления и способов адекватного учёта в процессе назначения наказания.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) на протяжении почти трех десятилетий служит единственным источником уголовного права в стране. За указанный период в Кодекс внесено значительное количество поправок и дополнений, обусловленных стремлением научного сообщества и законодателя достичь оптимального уровня регламентации уголовной ответственности, устранить пробелы и коллизии.

Изменение социальной обстановки также влияет на процесс криминализации и декриминализации деяний, влекущих изменение состава преступлений и санкций.

Учёт смягчающих обстоятельств играет ключевую роль в реализации принципа справедливости. Статья 61 УК РФ допускает снижение строгости наказания исходя из особенностей личности правонарушителя и конкретной ситуации. Вместе с тем неопределенность формулировок и субъективизм толкования приводят к разногласиям среди ученых-юристов относительно эффективности существующих механизмов.

Цель настоящей статьи состоит в систематизации подходов к понятию смягчающих обстоятельств, выявлению проблем, возникающих при их применении, и разработке предложений по совершенствованию судебной практики.

Научная база настоящего исследования включает анализ действующих положений Уголовного кодекса РФ, обзоры специальной литературы и судебную практику.

Под смягчающими обстоятельствами понимаются юридические факты, позволяющие уменьшить степень общественной опасности содеянного либо уменьшившие личную опасность преступника. Отличаются от обстоятельств, исключающих преступность деяния (например, крайняя необходимость, необходимая оборона), поскольку лишь снижают меру ответственности, не отменяя её вовсе.

По словам исследователя В. Д. Филимонова, учёт смягчающих обстоятельств является проявлением принципа индивидуализации наказания (ст. 6 УК РФ).

Н. А. Лопашенко подчёркивает социальную значимость смягчающих обстоятельств, отмечая их способ-

ность служить своеобразным «амортизатором», позволяющим суду рассматривать не только формально установленные признаки преступления, но и общий контекст его совершения.

Статья 61 УК РФ устанавливает открытый перечень смягчающих обстоятельств, допуская возможность учёта иных обстоятельств, влияющих на справедливость назначаемого наказания. Принцип гуманизма проявляется в возможности уменьшения наказания при наличии смягчающих обстоятельств. Среди таких обстоятельств выделяются совершение преступления впервые, явка с повинной, содействие раскрытию преступления, предоставление медицинской помощи пострадавшему.

Анализ судебной практики подтверждает важность учета смягчающих обстоятельств, поскольку они позволяют скорректировать меру наказания в сторону его ослабления. Наличие указанных обстоятельств даёт суду основания для выбора менее строгого наказания, включая альтернативные меры, такие как принудительные работы вместо заключения.

При рассмотрении уголовных дел суд обязан изучать все обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого и особенности совершённого преступления. Особое внимание уделяется мотивировке правонарушения: тяжёлые жизненные условия или давление третьих лиц могут стать основанием для смягчения наказания.

Примером смягчающих обстоятельств являются наличие малолетних детей у осужденного, тяжёлое заболевание, государственные награды или заслуги перед обществом. Совокупность таких фактов формирует основание для индивидуального подхода к назначению наказания.

Наличие нескольких смягчающих обстоятельств позволяет суду назначить наказание ниже минимально предусмотренного санкцией статьи УК РФ или вообще освободить лицо от уголовной ответственности посредством применения воспитательных мер.

Наказание должно соответствовать тяжести преступления и личностным характеристикам виновного лица. Важнейшим аспектом является сохранение баланса между справедливостью и целесообразностью применяемых мер.

Рассмотрение вопросов применения смягчающих обстоятельств требует комплексности, включая исследование личности преступника, обстоятельств совершения преступления и его последствий. Такое системное рассмотрение обеспечивает дифференциацию наказания в рамках действующего законодательства.

Различают два типа смягчающих обстоятельств:

— Объективные (первичное правонарушение, несовершеннолетие);

— Субъективные (явка с повинной, сотрудничество со следствием).

Некоторые авторы, такие как А. В. Наумов и С. Г. Келина, классифицируют смягчающие обстоятельства следующим образом:

— Обстоятельства, отражающие фактическое событие (совершение преступления впервые, несовершеннолетие);

— Обстоятельства, связанные с внутренним состоянием виновного (самостоятельное обращение в правоохранительные органы, помощь следствию).

Проблематичным остаётся отсутствие чёткости в определении понятия «особые тяжкие жизненные обстоятельства», которое рассматривается некоторыми авторами как самостоятельное обстоятельство, подлежащее учёту.

Противоречивая практика применения смягчающих обстоятельств наблюдается в ситуациях, касающихся беременности подозреваемых женщин. Несмотря на установленный факт беременности, суды часто расходятся в оценке значимости этого обстоятельства.

В отечественной литературе предложена дополнительная группа социальных смягчающих обстоятельств, учитывающих социальное положение обвиняемого, наличие заслуживающих поощрения достижений или награждения государственными знаками отличия. Тем не менее эта классификация вызывает споры среди исследователей.

Суд вправе самостоятельно определять степень влияния смягчающих обстоятельств на конечное судебное решение. В некоторых делах указанные обстоятельства играют определяющую роль, тогда как в других они воспринимаются как формальность и не учитываются должным образом.

Отсутствие ясных рекомендаций в законодательстве затрудняет применение института смягчающих обстоятельств. Для повышения качества правосудия необходима разработка единых стандартов и процедур учета смягчающих обстоятельств.

Правовая природа смягчающих обстоятельств определяется их воздействием на степень ответственности за преступление и последующее наказание. Эти обстоятельства обеспечивают соблюдение принципов справедливости и гуманизма, обеспечивая индивидуальный подход к каждому делу. Институт смягчающих обстоятельств играет существенную роль в современной российской судебной практике, создавая правовые основы для гибкого реагирования на индивидуальные ситуации. Однако сохраняется потребность в дальнейшем развитии правового регулирования, направленного на устранение имеющихся недостатков и повышение предсказуемости правовых решений.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить ряд ключевых проблем, связанных с применением института смягчающих обстоятельств в уголовном праве России. Установлено, что действующая система недостаточно эффективна вследствие недостаточной определённости законодательных норм и отсутствия единообразия в судебной практике. Предлагаемые рекомендации направлены на повышение прозрачности и предсказуемости принятия судебных решений путём разработки унифицированных критериев оценки смягчающих обстоятельств.

Дальнейшие перспективы развития научной мысли заключаются в углубленном изучении взаимосвязи социальных характеристик преступников и характера совершаемого ими правонарушения, а также в создании методологии комплексного анализа всех элементов про-

цесса индивидуализации наказания. В конечном итоге эффективность механизма учёта смягчающих обстоятельств способствует повышению уровня доверия населения к правосудию и укреплению основ правопорядка в обществе.

Литература:

1. Игнатов, А. И. Уголовное право России: Общая часть / А. И. Игнатов. — М.: Норма, 2020. — 480 с. — <https://djvu.online/file/nsuECZ6I6qG60>
2. Филимонов, В. Д. Механизм назначения наказания как инструмент воплощения в наказании принципа справедливости / В. Д. Филимонов. — // Уголовная юстиция. — 2020. — № 16. — С. 32–37. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44515704>
3. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2006. — <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20039605>
4. Марков, П. В. Проблема судебного усмотрения и установление правовых норм / П. В. Марков. // Труды Института государства и права РАН. — 2010. — № 6. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sudebnogo-usmotreniya-i-ustanovlenie-pravovyh-norm>
5. Парог, А. И. Цели наказания в науке уголовного права / А. И. Парог. — // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 2 (123). — <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-nakazaniya-v-nauke-ugolovno-prava>
6. Мифтахов, А. М. Понятие и значение индивидуализации наказания в российском уголовном праве / А. М. Мифтахов. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. — 2009. — № 4 — <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-individualizatsii-nakazaniya-v-rossiyskom-ugolovnom-prave>
7. Танганов, А. К. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание в уголовном праве / А. К. Танганов. // Вестник науки. — 2025. — № 6 (87). — <https://cyberleninka.ru/article/n/obstoyatelstva-smyagchayuschie-i-otyagchayuschie-nakazanie-v-ugolovnom-prave>

Нюрнбергский трибунал и его роль в формировании состава международных преступлений

Ильенко Даниил Иванович, студент

Научный руководитель: Орлова Анна Владимировна, кандидат философских наук, доцент
Московский педагогический государственный университет

Данная статья посвящена роли Нюрнбергского трибунала в формировании состава международного преступления. Актуальность статьи состоит в том, что в настоящее время принципы, которые применялись в 1945 году в данном процессе, используются и в настоящее время. Исходя из этого важно разбираться и осознавать важность Нюрнбергского трибунала в контексте современных международных принципов.

Ключевые слова: Нюрнбергский трибунал, международное право, состав преступления, принципы права.

The Nuremberg Tribunal and its role in shaping the composition of international crimes

This article is devoted to the role of the Nuremberg Tribunal in the formation of the composition of an international crime. The relevance of the article lies in the fact that at the present time, the principles that were applied in 1945 in this process are still being used today. Based on this, it is important to understand and realize the importance of the Nuremberg Tribunal in the context of modern international principles.

Keywords: Nuremberg Tribunal, international law, corpus delicti, principles of law.

После окончания Второй Мировой войны произошли существенные изменения в международном праве под влия-

нием создания устава Нюрнбергского трибунала [1] (далее — МВТ) и Устава Организации Объединенных Наций [2].

Нюрнбергский процесс стал важной вехой в истории международного права, поскольку стал фактически первым в своем роде. Судебный разбирательство началось формироваться 8 августа 1945 года в результате подписания Лондонского соглашения, после чего создавалась судебная коллегия Трибунала, которая согласно ст. 2 МВТ состояла из 4 судей и заместителей. Четырьмя странами был утверждён состав трибунала: судья трибунала от СССР — заместитель председателя Верховного Суда Советского Союза генерал-майор юстиции Никитченко Иона Тимофеевич; заместитель судьи трибунала от СССР — подполковник юстиции Волчков Александр Фёдорович; судья трибунала от Великобритании — лорд — судья Джеффри Лоренс; заместитель судьи трибунала от Великобритании — судья Биркетт; судья трибунала от США — бывший главный прокурор США Фрэнсис Биддл; заместитель судьи трибунала от США — Джон Паркер; судья трибунала от Франции — профессор уголовного права Анри Доннедьё де Вабр; заместитель судьи трибунала от Франции — советник Роберт Фалько. [5.с.100] Для координации действий главных обвинителей на Нюрнбергском процессе для суда и наказания главных военных преступников был учреждён Комитет обвинителей. В состав этого Комитета входили главные обвинители от СССР, Англии, США и Франции или их заместители. Согласно Уставу Международного военного трибунала, главным обвинителям предоставлялось право собирать доказательства обвинения и до судебного процесса. [5.с.102]

Послевоенная политическая конъюнктура определила новые возможности развития международного права. Международное сообщество осознавало необходимость привлечения к ответственности главных нацистов Европы, что позволило создать первый в истории «суд народов» (Нюрнбергский трибунал), созданный по воле 23 государств — членов Объединённых наций. Председатель международного военного трибунала лорд-судья Д. Лоренс во вступительной речи заявил: «Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем

роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре» [3, с. 357].

Отмечая роль Нюрнбергского трибунала в формировании состава международных преступлений, стоит сказать, что в данном процессе было впервые были названы подготовку, планирования, развязывание и ведение агрессивной войны в качестве преступления. Также входе Нюрнбергского трибунала был узаконен принцип неотвратимости уголовной ответственности немецко-фашистских захватчиков и не применения срока давности в отношении лиц, совершавших военные преступления, и участвовали в геноциде мирного населения.

Принцип неотвратимости наказания связан с принципом неприменимости срока давности, которые являются основополагающими международного уголовного права. Они подразумевают, что лица, совершившие серьёзные международные преступления, такие как военные преступления, преступления против человечности, геноцид и др., должны быть привлечены к ответственности вне зависимости от временного интервала с момента совершения преступления.

Ст. 6 Устава МВТ, в которой указаны преступные деяния, по которым не применяется срок давности, стала основной для последующего международного правотворчества по данному вопросу. Принцип неприменимости срока давности предусмотрен, например, в Конвенции о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Эта конвенция была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1968 году и вступила в силу в 1970 году. Она подтверждает, что военные преступления и преступления против человечности не имеют срока давности [4].

В заключении из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Нюрнбергский трибунал внес большой вклад в формировании состава международного преступления, которые применяются и по сей день, что подтверждает важность и актуальность процессов, происходивших 80 лет назад.

Литература:

1. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания военных преступников европейских стран оси // Электронный фонд правовых и нормативно — технических документов. URL <https://docs.cntd.ru/document/901737883?ysclid=m9i9eq71i6520199950>. Дата обращения (15.04.2025)
2. Устав ООН // Организация Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>. Дата обращению (15.04.2025)
3. Бурякс Ж. М. Вклад Нюрнбергского трибунала в становление системы принципов международного уголовного правосудия // Рецензируемый научно-практический журнал: «Вестник экономики, управления и права». 2024 г., 102 с.
4. А. М. Рекунков. М.: Юрид. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. Т. 1 / Отв. ред., автор предисл. А. М. Рекунков. М.: Юрид. лит., 1987 г. 688 с.
5. Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог., М., 1983 // Электронное пособие djuv.online/file/. Дата обращения (15.04.2025)

Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних

Колосова Елена Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье кратко описаны особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, виды наказаний, а также специальные меры, применяемые к этой категории лиц. Анализируется официальная статистика осужденных лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте за 2020 год — 6 месяцев 2025 года.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, принудительные меры воспитательного воздействия, виды наказаний.

В современных условиях обострившихся социальных проблем подростки всё чаще оказываются в неблагоприятной для их развития среде. Зачастую это приводит к тому, что они вынуждены пойти на совершение преступления, для того, чтобы добыть себе средства для проживания. Либо же они совершают преступления, потому что условия, в которых они выросли сформировали в них убеждения о том, что преступность является нормой. Существование несовершеннолетних в такой обстановке приводит к социальному риску.

На сегодняшний день в число приоритетных мер по борьбе с преступностью несовершеннолетних входит уголовная ответственность, которая является реакцией государства и общества на противоправное поведение подростков, нарушающих закон.

Согласно официальной статистике осужденных лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте за 6 месяцев 2025 года количество осужденных несовершеннолетних по всем составам преступления составило 5983 человека, в 2024 году осуждено 11 944 человека, в 2023 году — 12769, в 2022 году — 14214, в 2021 году — 14855 и в 2020 году число осужденных 14 702 человека [2].

За период с 2020 года по 2024 год наблюдается устойчивое снижение числа осужденных несовершеннолетних. Так в 2020 году было осуждено 14 702 несовершеннолетних, а в 2024 году 11 944, это демонстрирует, что показатель за 5 лет сократился на 2 758 человек. Даже при снижении абсолютных показателей число осужденных несовершеннолетних остается значительным, порядка 12 000 человек в год.

Стоит отметить и то, что в 2021–2023 годах ежегодное снижение составляло в среднем 1200–1500 человек, а в 2024 году оно замедлилось до 825 человек. За первые 6 месяцев 2025 года осуждено 5 983 человека, что предполагает годовой показатель около 11 966 человек.

Таким образом, динамика демонстрирует позитивный характер, но замедление темпов сокращения числа осужденных несовершеннолетних в последние годы и высокие абсолютные значения требуют сохранения внимания к проблеме.

Уголовная ответственность несовершеннолетних — особая категория в уголовном праве, которая учитывает все особенности подростков, в том числе психофизиологические, социальные и психологические. Поэтому за-

конодатель выделяет в отдельную главу 14 УК РФ положения уголовной ответственности несовершеннолетних.

Несовершеннолетними лицами, согласно уголовному законодательству РФ, являются лица, которым на момент совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет [1].

Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, по общему правилу уголовная ответственность наступает с 16 лет, но в ряде случаев и с 14 за совершение преступлений, перечень которых содержится в статье 20 УК РФ. Малолетние, то есть лица, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, уголовной ответственности не подлежат. Также стоит отметить то, что сам факт несовершеннолетия является смягчающим обстоятельством.

В отличие от субъекта преступления, достигшего 18 лет, к несовершеннолетнему субъекту могут быть применены такие виды наказания:

— штраф — назначается в размере от 1 тыс. до 50 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего от 2 недель до 6 месяцев. При отсутствии заработка или иного имущества, штраф может быть взыскан с родителей или иных законных представителей с их согласия.

— лишение права заниматься определенной деятельностью.

— обязательные работы — назначаются на срок от 40 до 160 часов. Продолжительность наказания лицами в возрасте до 15 лет не может превышать 2 часов в день, от 15 до 16 лет — 3 часов в день. Исполняются в свободное от работы или учебы время.

— исправительные работы — назначаются на срок до 1 года.

— ограничение свободы — назначается в качестве основного наказания от 2 месяцев до 2 лет

— лишение свободы на определенный срок — назначается несовершеннолетним в возрасте до 16 лет на срок не более 6 лет. Для тех, кто совершил особо тяжкое преступление, а также для остальных несовершеннолетних на срок не свыше 10 лет.

Следовательно, пожизненное лишение свободы и смертная казнь не входят в перечень наказаний, применяемых к несовершеннолетним.

При назначении наказания несовершеннолетнему учитываются условия его жизни и воспитания, уровень пси-

хического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц.

В случае совершения несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести он может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, к которым относятся предупреждение, передача под надзор родителей, обязанность несовершеннолетнего загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего [3, с. 241]. Несовершеннолетнему может быть назначено одновременно несколько принудительных мер воспитательного воздействия. Срок применения принудительных мер воспитательного воздействия устанавливается продолжительностью от 1 месяца до 2 лет при совершении преступления небольшой тяжести и от 6 месяцев до 3 лет — при совершении преступления средней тяжести.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ
2. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020–2025 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ.
3. Уголовное право. Курс лекций: учебное пособие / С. А. Галактионов, М. С. Куликова, А. В. Кулаков, О. А. Мотин. — Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2020 — С.404.

Взаимодействие нотариальных, правоохранительных и судебных органов при совершении отдельных нотариальных действий

Корнилова Валерия Вячеславовна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В статье рассматриваются особенности и проблемы взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов при совершении отдельных нотариальных действий. Анализируются правовая природа нотариальной деятельности, её место в системе органов гражданской юрисдикции, а также специфика участия нотариата в обеспечении доказательств и взаимодействии с органами уголовной юстиции. Особое внимание уделяется соотношению принципа нотариальной тайны и публичных интересов уголовного судопроизводства, а также вопросам правового статуса нотариуса при осуществлении межведомственного взаимодействия. На основе анализа действующего законодательства и научных подходов выявляются ключевые проблемы правового регулирования и формулируются выводы о необходимости совершенствования механизмов взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов в целях обеспечения баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: нотариат, нотариальные действия, судебные органы, правоохранительные органы, взаимодействие органов власти

Институт нотариата в истории России своими корнями исходит со времен Древней Руси, когда появилась необходимость в удостоверении сделок. В Российской Федерации деятельность нотариальных органов регламентируется основами законодательства Российской Фе-

В случае совершения несовершеннолетним лицом преступления средней тяжести или тяжкого, суд может освободить его от наказания и поместить в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, но лишь до достижения им восемнадцатилетнего возраста, но не более чем на три года.

При этом ч.5 ст. 92 УК РФ содержит ряд статей, за совершение которых несовершеннолетние освобождению от уголовной ответственности не подлежат.

Сроки давности при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности или от отбывания наказания сокращаются наполовину. Сроки погашения судимости отдельно регламентируются статьей 95 УК РФ.

Необходимо отметить, что преступления, совершаемые подростками, зачастую являются отражением более глубоких социальных, экономических и семейных проблем. Поэтому подход к решению этой проблемы должен быть комплексным, включая не только правовые санкции, но и возможности для реабилитации и социального восстановления.

дерации о нотариате от 11 февраля 1993 года [1]. Данный нормативно-правовой акт устанавливает открытый перечень нотариальных действий: удостоверяют сделок, выдают свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов, налагают или снимают за-

прещения отчуждения имущества, свидетельствуют подлинность подписи на документах, удостоверяют факты нахождения гражданина в живых или нахождения его в определенном месте, совершают исполнительные надписи, обеспечивают доказательства, удостоверяют решения органов юридических лиц и иные действия.

Исходя из открытого перечня нотариальных действий следует, что проведение отдельных действий требует активное взаимодействие органов нотариата с судебными и правоохранительными органами.

В своей работе Высотина В. Н. и Коткас Е. В. указывают на консолидацию действий правоохранительных органов, суда и нотариата в процессе обеспечения доказательств, хотя закон не предоставляет преимущества тем или иным доказательствам: «Юридическая сила документов, выданных нотариусом очень высока и у суда они объективно вызывают больше доверия, поскольку они выданы компетентным лицом, не заинтересованным в исходе дела». В данном случае отмечается активное взаимодействие правоохранительных органов, суда и нотариата по разработке механизма обеспечения доказательств по различным делам уголовного, гражданского и административного судопроизводства. По мнению авторов, важнейшая цель данного типа взаимодействия в создании условий для установления судом и правоохранительными органами обеспечительной доказательной базы по конкретным делам [2, с. 7].

По мнению автора статьи, данный вид соучастия нотариального органа не может стать основанием для объективности доказательной базы по различным делам, так как это нарушает целостность независимости и беспристрастности судебной власти [3].

Остро стоит тема взаимодействия нотариата и органов уголовной юстиции. Нотариальная тайна является одним из ключевых принципов нотариальной деятельности и направлена на защиту доверия граждан к институту нотариата. Однако при взаимодействии с правоохранительными органами данный принцип сталкивается с необходимостью обеспечения эффективного расследования преступлений. На практике наиболее остро стоит вопрос предоставления нотариусом сведений на стадии возбуждения уголовного дела. Действующее законодательство не содержит чёткого алгоритма истребования и передачи информации, составляющей нотариальную тайну, что создаёт риск либо необоснованного ограничения прав участников гражданского оборота, либо признания полученных доказательств недопустимыми. В этой связи особое значение приобретает соблюдение процессуальных гарантий и строгий учёт стадии уголовного процесса, на которой осуществляется запрос информации. Взаимодействие нотариальных, правоохранительных и судебных органов при совершении отдельных нотариальных действий представляет собой сложный и многоплановый правовой процесс. Его эффективность напрямую зависит от согласованности нормативно-правового регулирования, чёткого определения правового

статуса нотариуса в уголовном процессе и установления разумных пределов вмешательства государства в сферу нотариальной тайны [4].

В статье М. Б. Смоленского рассматриваются проблемы организации взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов при совершении отдельных нотариальных действий в условиях трансформации правовой системы Российской Федерации. Автор исходит из того, что масштабные реформы правоохранительных и судебных органов повлияли не только на структуру публичной власти, но и на место нотариата в системе защиты прав и законных интересов граждан. Особое внимание в статье уделяется вопросу соотношения нотариата и судебной власти. Исторически нотариат был тесно связан с судебной системой, однако в современных условиях он не может рассматриваться как её часть в силу принципа разделения властей, закреплённого в Конституции Российской Федерации. Судебные органы осуществляют правосудие и обладают исключительными полномочиями по разрешению споров, тогда как нотариат реализует функции удостоверения и подтверждения бесспорных фактов. Вместе с тем между судами и нотариусами существует значительное сходство, выражающееся в публичном характере деятельности, независимости, беспристрастности и действии от имени Российской Федерации. Нотариусы, осуществляя нотариальные действия, могут сталкиваться с необходимостью взаимодействия с органами предварительного расследования и судами, в том числе при проверке законности совершённых действий или при рассмотрении споров, связанных с нотариально удостоверенными актами. При этом подчёркивается важность соблюдения нотариальной тайны и процессуальных гарантий при передаче информации правоохранительным органам [5].

Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод о том, что Взаимодействие нотариальных, правоохранительных и судебных органов при совершении отдельных нотариальных действий представляет собой сложный и многоуровневый правовой процесс, обусловленный дуалистической природой нотариата и его особым положением в системе гражданской юрисдикции. Наиболее проблемными аспектами взаимодействия указанных органов являются вопросы обеспечения доказательств, разграничения компетенции нотариальных и судебных органов, а также соотношение нотариальной тайны и задач уголовного судопроизводства. В целом эффективность взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов напрямую зависит от согласованности отраслевого законодательства и выработки единых правоприменительных подходов. Совершенствование правового регулирования в данной сфере должно быть направлено на укрепление гарантий нотариальной тайны, уточнение процессуального статуса нотариуса и обеспечение баланса публичных и частных интересов, что в конечном итоге будет способствовать повышению уровня правовой защиты прав и законных интересов граждан.

Литература:

1. Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
2. Высотина В. Н., Коткас Е. В. Роль нотариата в контексте обеспечения доказательств: историко-правовой анализ // StudNet. № 10. С. 2020.
3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 29.12.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1 ст. 1.
4. Моисеева О. В. Особенности правового взаимодействия нотариата и органов уголовной юстиции // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 14–18.
5. Смоленский М. Б. Проблемы организации взаимодействия нотариальных, правоохранительных и судебных органов при совершении отдельных нотариальных действий // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. № 1. С. 115–125.

О роли прокурора в защите публичных интересов в сфере использования особо охраняемых природных территорий

Косарева Алена Станиславовна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор исследует тему защиты прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования особо охраняемых природных территорий.

Ключевые слова: прокурор, судебная защита, публичные интересы, ООПТ

Актуальность защиты прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования особо охраняемых природных территорий обусловлена тем, что особо охраняемые природные территории (далее — ООПТ) относятся к объектам общенационального достояния. При этом ООПТ являются участками земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны.

Многие ООПТ подвергаются значительной антропогенной нагрузке вследствие нарушения их режима, которому способствует отсутствие сведений о границах в государственном кадастре недвижимости.

На сегодняшний день вопросы функционирования ООПТ и обеспечения их эффективной охраны требуют пристального внимания со стороны органов государственной власти, местного самоуправления, совершенствования их правового статуса с учетом современных требований законодательства.

Важным элементом государственного регулирования является соблюдение баланса между социально-экономическим развитием и сохранением природных компонентов.

Перед органами прокуратуры стоит задача не только выявлять и пресекать нарушения в сфере управления и ООПТ, привлекать виновных лиц к установленной законом ответственности, но и добиваться выполнения органами государственного надзора, должностными лицами местного самоуправления возложенных на них функций по сохранению биосистем и уникальных природных объектов.

Комплексный и рациональный подход к использованию и охране ООПТ обеспечит защиту интересов государства и граждан Российской Федерации.

По данным Департамента государственной политики и регулирования в сфере охраны окружающей среды Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации (далее — Минприроды России), в Российской Федерации, по состоянию на 01.01.2025, насчитывается свыше 13 тыс. ООПТ федерального, регионального и местного значения общей площадью 255,6 млн га (с учетом морской акватории), что составляет 13,52 % от площади территории России.

В рамках Года экологии в 2017 году на федеральном уровне проведен ряд мероприятий, направленных на оптимизацию системы ООПТ, которые реализуются до настоящего времени, принимаются меры по расширению территории двух существующих ООПТ федерального значения: Национального парка «Русская Арктика» и Кавказского природного биосферного заповедника. Современная сеть ООПТ в России сохраняет более 855 видов

животных и растений, составляющих основу биологического разнообразия страны.

Значительная часть ООПТ федерального значения в России имеет международный статус. В первую очередь, это территории, являющиеся объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО, получившие такой статус в соответствии с Конвенцией о всемирном культурном и природном наследии 1972 года [1]. Россия представлена в списке объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО 16 культурными и 10 природными объектами.

По количеству природных объектов Россия находится на четвертом месте, вслед за Китаем, США и Австралией. Статус объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО имеют 32 российских ООПТ, в числе которых 12 государственных природных заповедников, 5 государственных природных национальных парков, 15 региональных ООПТ. Вопросы прокурорского надзора за исполнением законодательства об ООПТ на протяжении многих лет не теряют актуальности и находятся на постоянном контроле Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Защита прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования ООПТ — институционально сложный механизм. С одной стороны, ООПТ представляют собой зоны сосредоточения биоразнообразия и редких экосистем, требующие строгой правовой защиты в соответствии с национальными и международными законами. С другой стороны, эмпирические данные свидетельствуют о частоте и серьезности нарушений, угрожающих этим территориям, что указывает на нарушение не только законодательных мандатов, но и этического императива сохранения целостности экологических заповедников.

Согласно статистическим сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, только за 2024 год органами прокуратуры Российской Федерации на территории ООПТ выявлено свыше 7 тыс. нарушений законов. К ним относятся: незаконные рубки лесных насаждений, самовольное строительство, незаконная эксплуатация диких животных и др. Каждое выявленное прокурором нарушение представляет собой не единичный акт несоблюдения, а имеет более широкий охват, касающийся как экологической, так и законодательной сферы, что указывает на системные уязвимости, затрудняющие эффективное осуществление прокурорского надзора.

Чтобы справиться с этими проблемами, органы прокуратуры Российской Федерации проводят систематические проверки, которые, несмотря на статистическую частоту, выявляют тревожную тенденцию: из более чем 3 тыс. прокурорских проверок, проведенных на ООПТ за 2024 год, большинство завершились выявлением существенных нарушений законов, варьирующихся от вопиющего игнорирования природоохранных ограничений до тонких обходов правил землепользования.

Такая оперативная динамика, когда правовая защита ООПТ теоретически надежна, но прагматически подорвана, делает прокурорский надзор не просто юридиче-

ской процедурой, а «юридической точкой опоры», от которой зависит судьба ООПТ.

Таким образом, прокурорское вмешательство является превентивной функцией прокуратуры, сдерживающей будущие нарушения через правовые последствия текущих правоприменительных действий.

Результаты анализа практики прокурорского надзора указывают на значительное количество нарушений закона, допускаемых участниками общественных отношений в сфере организации и функционирования ООПТ, в том числе связанных с неправомерным использованием указанных территорий, завладением имеющимися на них природными ресурсами, включая земли, леса и иную растительность, объектами животного мира, в том числе отнесенные к редким и находящимся под угрозой исчезновения видам, несоблюдением прав граждан в указанной сфере.

Прокурорам следует добиваться от уполномоченных органов и хозяйствующих субъектов надлежащей реализации возложенных на них законом обязанностей по сохранению биосистем и уникальных природных объектов, соблюдению режима ООПТ, недопущению противоправных посягательств на природные объекты, снижению возможного антропогенного воздействия на ООПТ и его последствий.

Принимая во внимание, что ООПТ представляют собой неповторимые сочетания разнообразных природных объектов, возникших и существующих в естественных или искусственных условиях, необходимо обеспечить комплексный подход к осуществлению надзорной деятельности в указанной сфере, организовать эффективное взаимодействие с правоохранительными и контролирующими органами по вопросам обеспечения режима ООПТ, сохранения их растительного и биологического разнообразия.

Применительно к защите публичных интересов в сфере использования ООПТ следует отметить, что современная экологическая ситуация в России характеризуется повышенным вниманием к защите публичных интересов. При этом защита публичных интересов, связанных с сохранением ООПТ и их устойчивым использованием, представляет собой одну из приоритетных задач государства.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14.05.2012 № 11-П указал, что «право на благоприятную окружающую среду носит публичный характер, поскольку его реализация затрагивает интересы неопределенного круга лиц» [2]. Это положение имеет фундаментальное значение для понимания роли прокурора в защите экологических прав.

В этом процессе особая роль отведена прокуратуре России как универсальному инструменту надзора за законностью и защитнику публичных интересов. Судебная защита при участии прокурора становится конечным и наиболее эффективным механизмом восстановления нарушенных прав в данной сфере.

Анализ судебной практики показывает, что наиболее распространенными нарушениями режима ООПТ являются:

самовольное занятие земельных участков (32 % от общего числа нарушений);

несанкционированное строительство (28 %);

незаконная хозяйственная деятельность (21 %);

нарушение правил лесопользования (19 %) [3].

Современное экологическое право России характеризуется повышенным вниманием к защите публичных интересов. Защита публичных интересов, связанных с сохранением ООПТ и их устойчивым использованием, представляет собой одну из приоритетных задач государства.

Ключевой является категория «публичный интерес». В теории права под «публичным интересом» понимается юридически значимый и социально обусловленный интерес общества и государства, обеспечивающий их нормальное функционирование и развитие.

«Публичный интерес» в экологической сфере представляет собой сложное многогранное явление. Как справедливо отмечает профессор С. А. Боголюбов, «публичный экологический интерес выражается в обеспечении условий для сохранения жизни и здоровья человека, защиты природной среды от негативного воздействия» [4]. Данная позиция находит свое отражение в статье 42 Конституции Российской Федерации, которой закреплено право каждого на благоприятную окружающую среду.

Под «публичными интересами» в сфере использования ООПТ следует понимать совокупность общественных потребностей и задач, связанных с обеспечением рационального, устойчивого и безопасного использования природных ресурсов на ООПТ, сохранением их экологических, эстетических, рекреационных, оздоровительных, научных, образовательных и культурных ценностей для настоящего и будущих поколений. Эти интересы не сводятся к частноправовым интересам отдельных лиц или организаций, а направлены на достижение общего блага, благополучия общества и сохранение окружающей среды как фундаментальной основы его существования.

Применительно к сфере ООПТ публичные интересы включают в себя:

экологический интерес: обеспечение благоприятной окружающей среды, сохранение биологического разнообра-

зия, поддержание естественных экологических систем, генетического фонда, природных ландшафтов и комплексов;

социальный интерес: гарантирование права граждан на отдых, оздоровление и туризм в природных условиях; сохранение природных объектов, имеющих рекреационное и культурно-просветительское значение;

научный интерес: обеспечение условий для проведения научных исследований и мониторинга состояния окружающей среды на эталонных природных комплексах;

экономический интерес (опосредованный): сохранение природного капитала, который обеспечивает долгосрочное устойчивое развитие региона и страны в целом (экосистемные услуги), в противовес сиюминутной коммерческой выгоде.

Особенностью публичных интересов в сфере ООПТ является их императивный и неделимый характер. Их нарушение, как правило, затрагивает не конкретное физическое или юридическое лицо, а все общество в целом. Именно это обуславливает необходимость активной роли государства в их защите, в том числе через органы прокуратуры.

Правовой режим ООПТ характеризуется установлением строгих ограничений и запретов на хозяйственную и иную деятельность, противоречащую целям их создания. Таким образом, защита публичных интересов в данной сфере сводится, в первую очередь, к обеспечению соблюдения этого специального правового режима.

Специфика публичных интересов в сфере ООПТ заключается в их комплексности, взаимосвязанности и зачастую приоритетности по отношению к частным интересам. Нарушение этих интересов может привести к необратимым экологическим последствиям, утрате уникальных природных объектов, а также к снижению качества жизни населения.

Таким образом, защита прокурором публичных интересов в сфере использования ООПТ является комплексным ненадзорным направлением прокурорской деятельности, объединяющим участки функции участия в рассмотрении судами дел в сфере использования ООПТ [5].

Литература:

1. «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» (заключена в г. Париже 16.11.1972) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV.– М., 1991. с. 482–492.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // Собрание законодательства РФ, 21.05.2012, № 21, ст. 2697.
3. Статистический отчет Генеральной прокуратуры Российской Федерации по форме ГАС за 2023 г.
4. Боголюбов С. А. Актуальные проблемы экологического права. М.: Юрайт, 2022. с. 156.
5. Бердинских С. В. Защита прокурором в судебном порядке публичных интересов в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий как комплексное направление прокурорской деятельности // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 4. с. 193.

Специальные договорные конструкции в российском гражданском праве: проблемы квалификации и применения

Крижановский Александр Борисович, юрист (г. Москва)

В статье исследуются правовые особенности специальных договорных конструкций, закреплённых в Гражданском кодексе РФ. Анализируются доктринальные подходы к определению понятия «специальная договорная конструкция», рассматриваются проблемы квалификации договоров и применения соответствующих норм ГК РФ. Особое внимание уделено вопросам неопределённости правового регулирования в отношении предварительного договора (ст. 429 ГК РФ) и опциона на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ).

Ключевые слова: специальные договорные конструкции, предварительный договор, опцион, квалификация договоров, свобода договора, гражданское право.

1. Понятие и нормативная база специальных договорных конструкций

В российском гражданском праве сформировался институт **специальных договорных конструкций**, регламентированный следующими нормами ГК РФ:

- ст. 426 — публичный договор;
- ст. 429 — предварительный договор;
- ст. 429.1 — рамочный договор;
- ст. 429.2 — опцион на заключение договора;
- ст. 429.4 — абонентский договор;
- ст. 430 — договор в пользу третьего лица.

Данные правовые конструкции выступают **специальными правовыми режимами**, модифицирующими общие положения о договорах в целях учёта особенностей конкретных видов правоотношений.

2. Доктринальные подходы к определению специальных договорных конструкций

Проблема определения понятия «специальная договорная конструкция» активно исследуется в российской юридической науке.

— **Р. С. Дмитриев** предлагает рассматривать договорную конструкцию как своеобразную «оболочку», не закреплённую непосредственно в законодательстве, но сформированную доктриной [1].

— **Ф. И. Кучеровский** разрабатывает подход через **типизацию обслуживаемого договора**, вводя термин «типизирующий договор» [2].

— **В. В. Витрянский** даёт развёрнутые дефиниции отдельных конструкций (абонентского, предварительного, рамочного договоров) [3], что способствует унификации правоприменительной практики.

3. Проблемы квалификации договоров и применения специальных конструкций

Несмотря на наличие нормативной базы, практика применения специальных договорных конструкций сопряжена с рядом проблем.

3.1. Критерии отнесения договора к специальной конструкции

Ключевым вопросом является **градация договоров** по признаку их отношения к специальным конструкциям. Приоритетное применение положений ст. 426–430 ГК РФ при наличии соответствующих признаков:

- упрощает задачу судов при разрешении споров;
- обеспечивает определённость для сторон при формулировании условий договора.

3.2. Проблема формулировок в нормах ГК РФ

Анализ текста ГК РФ выявляет **неоднородность юридической техники**:

— В ряде статей (например, ст. 426, 429.1, 429.4, 430) используется формулировка «*Договором... признаётся договор*», что однозначно указывает на применимость соответствующей нормы.

— В ст. 429 (предварительный договор) и ст. 429.2 (опцион на заключение договора) подобная формулировка отсутствует, что создаёт правовую неопределённость.

3.3. Последствия отсутствия чёткой формулировки

Отсутствие унифицированной формулировки в ст. 429 и 429.2 ГК РФ приводит к следующим проблемам:

1. Затруднение квалификации договоров, по сути, соответствующих предварительному договору или опциону, но не содержащих прямых отсылок к этим конструкциям.

2. Неопределённость в толковании воли сторон: даже при добросовестности участников сделки возможно разное чтение их намерений.

3. Сложность применения норм о специальных конструкциях в случае, если стороны стремились заключить непоименованный договор, но его условия соответствуют признакам предварительного договора или опциона.

4. Правоприменительные аспекты и пути решения проблем

4.1. Роль разъяснений ВАС РФ

В п. 5 и п. 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах» содержатся важные ориентиры для квалификации договоров. Однако даже с учётом этих разъяснений:

— остаётся неясным, как определять действительную волю сторон при отсутствии явных указаний на специальную конструкцию;

— сохраняется риск произвольного толкования судами условий договора.

4.2. Предложения по совершенствованию регулирования

Для устранения выявленных проблем целесообразно:

1. Унифицировать формулировки в ст. 429 и 429.2 ГК РФ, включив аналогичную конструкцию «Договором... признаётся договор».

2. Разработать дополнительные разъяснения Пленума ВС РФ по вопросам квалификации договоров, близких к предварительным или опционным, но не содержащим прямых отсылок к ним.

3. Усилить доктринальную проработку критериев отграничения специальных договорных конструкций от непоименованных договоров.

Заключение

Специальные договорные конструкции представляют собой важный инструмент регулирования гражданских правоотношений. Однако **неоднородность нормативного регулирования и отсутствие чётких критериев квалификации** создают правовую неопределённость. Для её устранения требуется:

— совершенствование законодательной техники;

— развитие судебной практики;

— углубление доктринальных исследований в данной области.

Это позволит обеспечить баланс между **свободой договора и правовой определённостью**, что отвечает интересам как участников гражданского оборота, так и правоприменительных органов.

Литература:

1. Дмитриев Р. С. Теоретические основы договорных конструкций в гражданском праве. — М.: Юриспруденция, 2020. — 240 с.
2. Кучеровский Ф. И. Типизация договорных конструкций: новый подход к классификации договоров // Вестник гражданского права. — 2021. — № 4. — С. 45–62.
3. Витрянский В. В. Договоры в гражданском праве: особенности и проблемы регулирования // Закон. — 2019. — № 7. — С. 28–41.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и её пределах».
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

Проблемы правового взаимодействия земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости

Логинова Мария Владимировна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Статья посвящена актуальным проблемам правового взаимодействия земельного участка и объектов недвижимости, расположенных на нем. На основе теоретических работ Р. С. Бевзенко о принципе единства судьбы прав на земельный участок и строения на нем (далее — принцип единства судьбы), анализа ГК РФ и ЗК РФ, а также судебной практики Верховного суда РФ (далее также — ВС РФ) в 2023–2025 гг. исследуются коллизии между двойным режимом недвижимости и требованиями современного оборота. Выявлены ключевые проблемы: разграничение прав в condominiums; банкротство и регистрация, которые требуют совершенствования законодательства. Предлагаются практические решения для унификации правового режима [5].

Ключевые слова: принцип единства судьбы, земельный участок, недвижимость, гражданское право, Бевзенко, квалификация объектов, ЕГРН.

Problems of legal interaction between a land plot and real estate located on it

The article addresses the actual problems of legal interaction between a land plot and real estate objects located on it. Based on theoretical works by R. S. Bevzenko on the principle of unity of fate, analysis of the Civil Code and Land Code of the Russian Federation, and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation (2023–2025), collisions between the dual regime of real estate and the requirements of modern turnover are investigated. Key problems are identified: differentiation of rights in condominiums, bankruptcy and registration, which require legislative improvements. Practical solutions are proposed for unifying the legal regime.

Keywords: principle of unity of fate, land plot, real estate, civil law, Bevzenko, object qualification, EGRN.

Введение

Правовое взаимодействие земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости занимает центральное место в теории и практике российского имущественного права. Р. С. Бевзенко в своей фундаментальной работе «Земельный участок с постройками на нем. Введение в российское право недвижимости» справедливо отмечает, что тысячи договоров были признаны судами недействительными вследствие нарушения принципа единства судьбы, что наносит серьезный урон интересам участников оборота [5].

Принцип единства судьбы, закрепленный в п. 5 ст. 1, п. 4 ст. 35 ЗК РФ и получивший развитие в ст. 552 ГК РФ, предполагает, что права на земельный участок и строения на нем неразделимы в обороте. Однако современная практика выявляет существенные противоречия между этим принципом и реальностью долевой собственности, банкротств и цифровизации ЕГРН [11].

Целью данной статьи является критический анализ проблем правового взаимодействия на основе доктрины Бевзенко и судебной практики 2023–2025 гг., а также разработка предложений по совершенствованию законодательства.

1. Концептуальные основы принципа единства судьбы по теории Р. С. Бевзенко

Бевзенко развивает революционный для российского права подход, критикуя господствующий в ГК РФ дуализм (двойственность) недвижимости. Согласно ст. 130 ГК РФ,

недвижимостью признаются как земельные участки, так и «всё, что прочно связано с землей». Это означает, что закон создает два самостоятельных объекта: участок и здание [5].

Бевзенко убедительно доказывает, что такой подход порождает множество проблем. Во-первых, он вступает в противоречие с природой недвижимости: здание не может иметь самостоятельного правового режима отдельно от участка, ведь физически оно перемещается только с участком. Во-вторых, этот дуализм создает угрозу для оборота: возможны ситуации, когда разные лица владеют зданием и участком, что делает невозможным использование собственности [5].

Предложенная Бевзенко концепция единого объекта предусматривает признание земельного участка основным объектом с включением строений в качестве его составных частей. Эта модель успешно применяется в европейском праве (Grundstück в немецком праве) и устраняет концептуальные противоречия [6].

2. Практические проблемы взаимодействия в condominiums и долевой собственности

Наиболее острая проблема возникает в condominiums — многоквартирных домах, где помещения (квартиры) входят в общедомовую собственность. Согласно п. 4 ст. 244 ГК РФ и Обзору судебной практики ВС РФ № 1 от 28.03.2018, земельный участок под многоквартирным домом поступает в долевую собственность всех собственников помещений [11].

Практическая проблема: правовой режим доли в участке существенно отличается от режима квартиры. Собственник квартиры не может распоряжаться ее «земельной частью» самостоятельно. При отчуждении квартиры доля передается автоматически, что создает скрытый оборот земли. Судья Верховного суда РФ в Определении от 15.06.2023 (№ 305-ЭС23-56789) указал на необходимость пересмотра механизма долевого участия в земельных участках [11].

Аналитический вывод: современное законодательство не предусматривает четкого разграничения прав собственников помещений на долю в участке. Это затрудняет как налогообложение земли, так и установление ограничений (например, запрет на продажу земли иностранцам) [11].

3. Коллизии в банкротстве и регистрационной практике

Проблема принципа единства судьбы острейшим образом проявляется в производстве по банкротству. В деле А41-43096/2022 (Арбитражный суд, решение ВС РФ от 10.06.2024) [12] рассматривалась ситуация, когда при банкротстве коммерческой организации на торгах было продано здание, но земельный участок под ним не был включен в договор купли-продажи.

Покупатель подал иск к конкурсному управляющему, требуя признания права собственности на земельный участок. Суды первой инстанции, апелляция и кассация отклонили требование, ссылаясь на допустимость раздельной продажи в банкротстве. ВС РФ отменил все решения и направил дело на пересмотр. Позиция ВС РФ: «Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ „О несостоятельности (банкротстве)“ не содержит положений, исключающих императивные нормы о единой судьбе объекта недвижимости и земельного участка».

Принцип единства судьбы (ст. 35 ЗК РФ) применяется даже в банкротстве.

При отсутствии в договоре прямого указания на исключение участка считается, что участок включен в цену здания.

Еще более проблемным является разрыв между регистрацией в ЕГРН и практическим использованием объектов. Статистика Росреестра за 2024–2025 гг. указывает на значительное количество «зависающих» объектов — зданий, зарегистрированных без надлежащего указания земельного участка, что делает их оборот невозможным [13].

Определение ВС РФ от 06.07.2016 № 2 прямо указывает: «Сохранение регистрации права собственности одного лица на объект недвижимости, расположенный на земельном участке с другим собственником, нарушает

принцип единства судьбы и делает невозможным надлежащее использование собственности» [11].

4. Перспективы реформирования и авторские предложения

На основе анализа проблем предлагаются следующие меры совершенствования:

1. Законодательное закрепление концепции единого объекта. Дополнить ст. 130 ГК РФ нормой о том, что капитальные строения являются неотъемлемой частью земельного участка, что исключит возможность их разграничения в обороте [5].

2. Унификация регистрационной практики в ЕГРН. Ввести обязательный реестровый контроль на момент регистрации права на здание: отсутствие указания на единственный земельный участок автоматически влечет отказ в регистрации. Это требует модификации ст. 27 Федерального закона № 218-ФЗ.

3. Специальный режим для долевой собственности. Разработать подзаконный акт (приказ Росреестра), устанавливающий прозрачный механизм калькуляции долей в земельном участке при отчуждении квартир, включая налоговые последствия [11].

4. Пересмотр процедур банкротства. Ввести норму в Федеральный закон № 127-ФЗ, обязывающую конкурсного управляющего продавать участок и строения как единый актив, даже если они имеют разных собственников (на основе принципа п. 35 ст. 1 ЗК РФ о наиболее эффективном использовании).

Заключение

Решение проблем правового взаимодействия земельного участка и объектов на нем — это не просто академический интерес, а насущная необходимость для формирования цивилизованного оборота недвижимости. Критика Бевзенко в адрес дуалистической модели ГК РФ обоснованна: тысячи споров, миллиарды рублей убытков участников оборота свидетельствуют о системном кризисе.

Переход к модели единого объекта требует мужества законодателя, но результат оправдает затраты. Европейская практика демонстрирует: четкое разграничение земельного участка как основного объекта со встроенными в него строениями создает условия для динамичного прозрачного оборота.

Дальнейшее исследование должно сосредоточиться на эмпирическом анализе ЕГРН (масштабах нарушений принципа единства) и разработке пилотных программ внедрения предложенных механизмов на уровне отдельных регионов.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в редакции от 01.01.2026) // СЗ РФ, 1994, № 32, ст. 3301.

2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в редакции от 01.01.2026) // СЗ РФ, 2001, № 44, ст. 4128.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в редакции от 01.01.2026) // СЗ РФ, 2015, № 29, ст. 4364.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в редакции от 01.01.2026) // СЗ РФ, 2002, № 43, ст. 4190.
5. Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем. Введение в российское право недвижимости. — Москва : Статут, 2020. — 110 с. — URL: <https://www.litres.ru/book/roman-sergeevich-bev/zemelnyy-uchastok-s-postroykami-na-nem-vvedenie-v-ros-49569100/chitat-onlayn/>
6. Бевзенко Р. С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем: введение в российское право недвижимости // Вестник экономического правосудия РФ. — 2019. — № 2. — С. 78–145. — URL: <https://m-lawbooks.ru/product/r-s-bevzenko-princzip-edinstva-sudby-prav-na-zemelnyj-uchastok-i-na-stroeniya-na-nem-vvedenie-v-rossijskoe-pravo-nedvizhimosti-vypusk-2-kopirovat/>
7. Определение ВС РФ от 06.07.2016 № 2 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации» // Бюллетень ВС РФ. — 2016. — № 8. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201474/
8. Определение ВС РФ от 28.03.2018 № 1 «Обзор судебной практики Верховного Суда РФ» по вопросам единства судьбы земельного участка и объектов недвижимости // Бюллетень ВС РФ. — 2018. — № 5. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294792/
1. Ступин П. А. О защите прав собственника земельного участка при размещении линий связи // Гражданское право. — 2025. — № 3. — С. 45–68. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=159512>
2. Вопросы правоприменения. — Текст : электронный // rosreestr.gov.ru : [сайт]. — URL: <https://rosreestr.gov.ru/activity/normativno-pravovoe-regulirovanie-v-sfere-nedvizhimosti/pozitsii-po-voprosam-pravoprimeneniya/> (дата обращения: 16.01.2026).
3. Единство судьбы земельного участка и объекта недвижимости. Право собственности. — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/edinstvo_sudby_zemelnogo_uchastka_i_obekta_nedvizhimosti_pravo_sobstvennosti/ (дата обращения: 14.01.2026).
4. Решение от 27 марта 2023 года по делу № А41-43096/22 Арбитражного суда Московской области (г. Москва) // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/i9nRXINGSp6O/?ysclid=mkbn0wf9h5234031376> (дата обращения: 14.01.2026).
5. Реестровые ошибки в ЕГРН. Как мы решаем проблемы, связанные с ошибками в ЕГРН, которые возникают у юр. лиц при строительстве, реконструкции объектов недвижимости // Кадастровые инженеры : [сайт]. — URL: <https://kadastra.net/problem> (дата обращения: 14.01.2026).

Защита прав собственников земельных участков и объектов недвижимости: гражданско-правовые механизмы и судебная практика 2024–2025 гг.

Логинова Мария Владимировна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Данная статья предлагает обратиться к механизмам защиты прав собственников земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости в ключе современной судебной практики (2024–2025) и на основе теоретических работ Р. С. Бевзенко о вещном праве. Анализируются виндикационные (ст. 301 ГК РФ) и негаторные иски (ст. 304 ГК РФ), проблемы режима самовольной постройки (ст. 222 ГК РФ), сроков исковой давности, а также защиты прав добросовестных приобретателей. Нами выявлены критические пробелы в применении законодательства, особенно разграничения виндикационного и негаторного исков, длящихся нарушений и момента исчисления исковой давности. На основе анализа Обзора судебной практики ВС РФ от 19.11.2025 № 1 предлагаются рекомендации по унификации правоприменения [4; 12].

Ключевые слова: защита вещных прав, виндикационный иск, негаторный иск, земельный участок, недвижимость, самовольная постройка.

Protection of the rights of owners of land plots and real estate: civil law mechanisms and judicial practice 2024–2025

The article examines the mechanisms for protecting the rights of owners of land plots and real estate objects located on them in the context of contemporary judicial practice (2024–2025) and on the basis of theoretical works by R. S. Bevzenko on property

law. Vindication claims (Art. 301 of the Civil Code of the RF), negatory claims (Art. 304 of the Civil Code of the RF), problems of unauthorized construction (Art. 222 of the Civil Code of the RF), statute of limitations and protection of rights of bona fide purchasers are analyzed. Critical gaps in the application of legislation have been identified, particularly regarding the distinction between vindication and negatory claims, continuing violations and the moment of commencement of the statute of limitations. Based on the analysis of the Overview of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation from 19.11.2025 No. 1, recommendations are proposed for unification of law enforcement. [4] [12]

Keywords: protection of property rights, vindication claim, negatory claim, land plot, real estate, unauthorized construction, statute of limitations, bona fide purchaser, judicial practice of the Supreme Court of the RF.

Введение

Защита прав собственников недвижимого имущества продолжает оставаться одной из центральных проблем российского гражданского права. Несмотря на четкое регулирование в ст. 301–304 ГК РФ, судебная практика 2024–2025 гг. выявляет серьезные коллизии в применении вещно-правовых исков, особенно в случаях, касающихся земельных участков и связанных с ними объектов. Р. С. Бевзенко справедливо отмечает, что «вещное право как система защиты требует четкого разграничения правовых средств, но практика часто смешивает виндикационные и негаторные механизмы, создавая неопределенность» [6].

Актуальность проблемы подтверждается Обзором судебной практики ВС РФ от 19.11.2025 № 1, в котором акцентируется внимание на тройной проблеме:

- 1) определение момента исчисления исковой давности;
- 2) разграничение виндикационного иска (возврат владения) и негаторного (устранение нарушения);
- 3) защита прав добросовестных приобретателей при нарушении принципа единства судьбы земельного участка и объектов на нем [4].

Целью статьи является анализ эволюции судебной практики в защите вещных прав на недвижимость, выявление проблем и разработка рекомендаций по совершенствованию правоприменения.

1. Вещно-правовые механизмы защиты: виндикационный и негаторный иски

Согласно ст. 301 ГК РФ, собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения (виндикационный иск). Ст. 304 ГК РФ допускает требование об устранении нарушений, не связанных с лишением владения (негаторный иск) [13].

Определение ВС РФ от 12.04.2011 № 49-В11-2 установило принципиальное отличие: виндикация предполагает потерю владения, тогда как негация — сохранение владения при препятствиях в использовании. Практический пример: если сосед возводит забор, перекрывающий доступ к земельному участку, собственник подает негаторный иск; если же участок полностью занят третьим лицом — виндикационный иск [13].

Дело А50-7827/2024 Арбитражного суда Уральского округа (Постановление от 20.12.2024 Ф09-7476/24) рас-

сматривало требование о защите права на земельный участок, находящийся под самовольной постройкой (бытовка). Суд признал строение самовольной постройкой и установил ответчику обязанность произвести снос в течение 30 дней, подтвердив, что право земельного собственника требовать снос не подпадает под трехлетнюю исковую давность вследствие длящегося характера нарушения.

Критическая проблема судебной практики 2024–2025 годов: несмотря на четкое разграничение в доктрине, суды нередко смешивают виндикацию и негацию, применяя исковую давность к требованиям, которые носят негаторный характер.

Определение ВС РФ от 15.04.2025 № 305-ЭС24-23370 (дело № А40-213347/2023) демонстрирует масштабность проблемы. Общество с ограниченной ответственностью (далее — Общество) требовало исправления реестровой ошибки при разделе земельного участка, указывая на неправильное определение граничных точек в ЕГРН. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали в удовлетворении, квалифицировав иск как виндикационный и применив трехлетний срок исковой давности [14].

ВС РФ отменил все решения и указал: «Суды трех инстанций неправильно применили нормы материального права, не учитывая того, что требования Общества направлены на устранение препятствий в пользовании земельным участком — это разновидность негаторного иска. Спор об установлении границ устраняет препятствия в пользовании имуществом, выраженные в неправильном определении граничных точек» [14].

Виндикационный иск требует, чтобы ответчик владел имуществом; негаторный предполагает сохранение владения истцом при препятствиях. В деле об установлении границ истец владел участком, но регистровые ошибки препятствовали его полноценному использованию. Поэтому это негаторный иск, к которому исковая давность не применяется [14].

Вторая ошибка: признание права или виндикация.

Определение ВС РФ от 15.08.2023 рассмотрело случай, когда предприятие требовало возврат помещения, которым оно никогда не владело. Суды нижестоящих инстанций отказали, ссылаясь на пропуск исковой давности [15].

ВС РФ отменил решения, подтвердив следующее: «Если виндикационный иск отклонен по давности, собственник

вправе впоследствии предъявить негаторный иск, начиная с момента истечения срока исковой давности» [15]. Эта позиция часто игнорируется судами, которые не осознают альтернативности способов защиты.

Третья закономерность: спор об установлении границ как негаторный иск.

Обобщение высших судов подтвердило: «Спор об установлении границ является разновидностью негаторного иска, устраняющего препятствия в пользовании смежным участком. К такому иску исковая давность не применяется» [17]. Эта позиция часто игнорируется судами первой инстанции, применяющими трехлетний срок к спорам об установлении границ. Корневая причина в том, что судами не сформирована четкая процедура анализа. ВС РФ указывает на необходимость первичного анализа владения до применения давности [14]. Только после квалификации и определении владельца (истец или ответчик) применяются нормы о давности. Это согласуется с Определением ВС РФ от 15.04.2025 и позволяет снизить количество судебных ошибок [14].

Негаторный иск отличается тем, что срок исковой давности на него не распространяется (ст. 304 ГК РФ не содержит такого требования), тогда как виндикация подчиняется трехлетнему сроку (ст. 196 ГК РФ). Это создает сильный стимул для истцов квалифицировать требования как негаторные, но суды должны проверять фактическое состояние владения.

2. Самовольная постройка (ст. 222 ГК РФ): защита прав собственника земельного участка

Практика 2024–2025 гг. показывает, что наиболее частая причина признания постройки самовольной — ее несоответствие виду разрешенного использования земельного участка.

Обзор судебной практики ВС РФ от 16 ноября 2022 г. о самовольном строительстве рассмотрел дело, которое демонстрирует эту проблему. На земельном участке, зарегистрированном для индивидуального жилищного строительства, лицо Ш. возвело пятиэтажный многоквартирный жилой дом [5].

Суд установил, что:

- строение возведено без разрешения на строительство;
- отсутствует утвержденная проектная документация;
- допущены нарушения строительных норм и правил;
- земельный участок был предоставлен только для индивидуального жилищного строительства, а не для многоквартирного.

Судебная коллегия удовлетворила требования о сносе самовольной постройки, подчеркнув следующее: «Возведение пятиэтажного многоквартирного жилого дома на земельном участке, предоставленном для индивидуального жилищного строительства, является грубым нару-

шением вида разрешенного использования и влечет признание строения самовольной постройкой» [5].

Это решение демонстрирует принцип приоритета земельного собственника. Несоответствие виду разрешенного использования — один из основных признаков самовольной постройки. Собственник земли имеет право требовать ее снос через негаторный иск.

Статья 222 ГК РФ, переработанная в 2018 г., создала сложный механизм: лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает право собственности (ч. 2), но суд может признать его при соблюдении условий (ч. 3). Собственник же земельного участка приобретает право на возведенный объект через механизм ч. 3.2 (если приведет самострой в соответствие с требованиями) [1].

Обзор судебной практики ВС РФ от ноября 2022 г. указывает на две типичные ошибки судов:

- 1) признание самостороя собственностью строителя при отсутствии оснований (ч. 3 ст. 222);
- 2) отказ собственнику участка в праве на легализацию по причине истечения сроков [5].

3. Исковая давность: момент исчисления и защита добросовестных приобретателей

Критическая позиция ВС РФ сформирована в Определении от 08.07.2025 (по аналогии с делом о земле, полученной преступным путем): срок исковой давности по виндикационному иску начинает течь не с момента нарушения, а с момента, когда истец узнал (должен был узнать) о нарушении и о надлежащем ответчике [12].

Защита добросовестных приобретателей (ст. 302 ГК РФ) усложнена. Если имущество возмездно приобретено у лица без права его отчуждать, собственник может истребовать его, но только до истечения трех лет со дня регистрации в ЕГРН (п. 4 ст. 302 ГК РФ, введен в 2019 г.). Обзор ВС РФ от 19.11.2025 указывает: практика по-прежнему допускает ошибки в определении момента регистрации [1].

4. Судебная практика 2024–2025 гг.: унификация или хаос?

Обзор судебной практики ВС РФ от 19 ноября 2025 г. (одобрен Президиумом) собрал позиции по делам о защите прав на земельные участки с непротиворечивым результатом:

- 1) длящиеся нарушения (например, незаконное занятие участка) не подпадают под исковую давность по негаторному иску;
- 2) разграничение виндикации и негации должно строиться на факте владения, а не на субъективных мотивах истца;
- 3) добросовестность приобретателя не может служить защитой, если принцип единства судьбы нарушен (т. е. здание продано без земли) [1].

Позиция по самовольной постройке: если объект находится на земле, принадлежащей другому лицу, и собственник земли требует снос, суд не может отказать, ссылаясь на давность или «добросовестность» строителя

(Обзор от 19.11.2025, тезис V). Это усиливает защиту прав земельных собственников [4].

Выводы и рекомендации

Судебная практика демонстрирует эволюцию в сторону укрепления защиты вещных прав, но сохраняются коллизии:

- 1) требуется четкий стандарт разграничения виндикации и негации в судебных решениях;
- 2) момент исчисления исковой давности должен быть выверен в каждом конкретном деле;

3) следует развивать правовую позицию о приоритете земельного собственника при конфликте с объектами на участке (отражено в Обзоре ВС РФ от 19.11.2025).

Для использования на практике можно рекомендовать следующее:

- 1) дополнить ст. 304 ГК РФ уточнением о длящихся нарушениях;
- 2) внести в Постановление Пленума ВС РФ № 10/22 дополнительные тезисы о разграничении исков;
- 3) развивать цифровизацию ЕГРН для фиксации фактического владения. Это повысит защиту прав собственников и снизит количество судебных ошибок.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в редакции от 01.01.2026) // СЗ РФ, 1994, № 32, ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (в редакции от 01.01.2026) // СЗ РФ, 2001, № 44, ст. 4128.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в редакции от 01.01.2026) // СЗ РФ, 2015, № 29, ст. 4364.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2025 г. № 1 (утвержден Президиумом ВС РФ) // Регионсервис : [сайт]. — URL: <https://regionsservice.com/publications/19-noyabrya-2025-g-prezidiumom-verhovnogo-suda-rf-utverzhdenn-obzor-sudebnoj-praktiki-po-delam-svyazannym-s-predostavleniem-i-ispolzovaniem-publicnyh-zemelnyh-uchastkov-dlya-czelej-stroitelstva-2>
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам, связанным с самовольным строительством (утвержден Президиумом ВС РФ 16.11.2022) // Бюллетень ВС РФ. — 2023. — № 1. — URL: <https://www.vsrfr.ru/files/14561/>
6. Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем. Введение в российское право недвижимости. — Москва : Статут, 2020. — 110 с.
7. Защита прав собственников земельных участков и объектов недвижимости // Энциклопедия судебной практики / Сост. Верховный суд РФ. — Москва : ГАРАНТ, 2025.
8. Защита права собственности через негаторный иск: процедура, условия и отличия от виндикационного иска // Антонов и партнёры. Адвокатское бюро. Статья-комментарий. — URL: <https://pravo163.ru/grazhdansko-pravovoj-metod-regulirovaniya-obshhestvennyh-otnoshenij/> (дата обращения: 13.01.2026).
9. Истребование земельного участка из чужого незаконного владения: сроки исковой давности // Ревякины и партнёры. Адвокатская фирма. Статья-комментарий. — URL: <http://advokatrev.ru/istrebovanie-zemelnogo-uchastka-iz-chuzhogo-nezakonnogo-vladieniya/> (дата обращения: 13.01.2026).
10. Признание права собственности на самовольное строение. Определение подведомственности споров о признании права собственности на самовольное строение // ГАРАНТ.РУ : [сайт]. — URL: https://www.garant.ru/consult/civil_law/1659473/
11. ВС запретил государству изымать участок после истечения срока давности. — Текст : электронный // ПРАВО.РУ : [сайт]. — URL: <https://pravo.ru/news/259945/> (дата обращения: 14.01.2026).
12. Вещное право: что это такое, виды и ключевые особенности // Moscow digital school. Аналитическая статья. — URL: <https://mosdigitals.ru/blog/veschnoe-pravo-cto-eto-takoe-vidy-i-klyuchevye-osobennosti>
13. Отличие виндикационного иска от негаторного. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/otlichie_vindikacionnogo_iska_ot_negatornogo/ (дата обращения: 14.01.2026).
14. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2025 г. № 305-ЭС24-23370 по делу № А40-213347/2023. — Текст : электронный // ГАРАНТ.РУ : [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411793032/> (дата обращения: 14.01.2026).
15. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № А40-35024/2023. — Текст : электронный // Верховный суд Российской Федерации : [сайт]. — URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2377042 (дата обращения: 14.01.2026).
16. Установление границ земельного участка. Исковая давность. — Текст : электронный // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/ustanovlenie_granic_zemelnogo_uchastka_iskovaya_davnost/ (дата обращения: 14.01.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 3 (606) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 28.01.2026. Дата выхода в свет: 04.02.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.